

Владимир Зантария

КЛЮЧЕВЫЕ МЫСЛИ

*(о тенденциях развития
абхазской литературы)*

Сухум – 2016 г.

АБХАЗСКАЯ ЛИРИКА И НАЦИОНАЛЬНОЕ ХУДОЖЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКОЕ МИРОВСПРИЯТИЕ

(концептуальный взгляд)

Владимир Зантариа

КЛЮЧЕВЫЕ МЫСЛИ (о тенденциях развития абхазской литературы)./ Вл. Зантариа. – Сухум: Дом печати, 2016. – 256 с.
Г/р 978-5-111-65-07016

Среди множества теоретических проблем, исследуемых абхазским литературоведением на современном этапе, приобретают важное значение историко-культурологический и философско-мировоззренческий аспекты развития отечественной художественной литературы. Заметно возрастает интерес к оценке развития жанров, литературных направлений в плане рассмотрения национальной литературы, как одной из духовных сфер, отражающих эволюцию художественно-исторического сознания народа.

Для наиболее полного раскрытия темы объективно возникает необходимость проанализировать с художественно-эстетической точки зрения основные (определяющие) тенденции развития абхазской лирики (ХХ – начало ХХI в.) в контексте исследования философской направленности литературы в целом.

На наш взгляд, в аналогичной и конкретной оценке нуждается процесс формирования национального лирического образа, сквозь призму которого можно было бы достаточно отчетливо представить себе характер развития фольклорного и литературно-художественного мышления, раскрыв их внутреннюю духовную и эстетическую взаимосвязь. Обращение к философской лирике, как к объекту исследования, обусловлено тем, что медитатив-

© В. Зантариа, 2016

но-ассоциативная направленность развития абхазской лирической поэзии, ее богатый духовный (ценностно-психологический) пласт стали той органической составляющей национального художественного мировидения, без скрупулезного изучения которой были бы неполноценными наши теоретические представления о закономерностях формирования собственной литературной традиции.

Следует отметить, что анализ интересующей нас художественно-мировоззренческой проблемы представлен в данной работе посредством параллельного исследования наиболее характерных примеров взаимодействия литературных родов и жанров в плане их философской направленности, приобретающей на современном этапе еще более зримые очертания.

В основе духовного и эстетического опыта абхазской поэзии, прозы и драматургии лежит концепция природы и человека, идея защиты высоких нравственных ценностей. На наш взгляд, следовало бы обратить внимание на то, что из основных тематических категорий, на которые условно принято подразделять лирику (философская, гражданская, пейзажная, любовная), абхазским литературоведением менее всего исследована философская. Поэтому отнюдь не случайно и то, что теоретический интерес, проявляемый к ней, заметно актуализировался за последние два-три десятилетия.

Что же касается задачи исследования концептуальных основ развития абхазской поэзии, то логически она вытекает из ее современного состояния, характера ее стилевых исканий во второй половине XX (начала XXI века), когда наряду с традиционно сложившимся повествовательно-пластическим складом художественного мышления на передний план выходят новые интеллектуальные пласти, несущие в себе значительную семантическую нагрузку поэтического образа, энергию проникновения в таинственный

мир человеческого подсознания. На качественно новом этапе развития первостепенную значимость приобретают не событийность, не внешняя сторона лирического сюжета (или фактура стиха), а движение поэтической мысли, стенограмма глубоких внутренних ощущений и переживаний лирического героя. Одним из существенных критерий выбора именно поэзии (лирики), способной раскрыть динамику формирования национального художественно-философского сознания, является то, что абхазская поэзия традиционно имела доминирующее значение в процессе освоения духовного опыта народа. Об этом свидетельствует и первый поэтический сборник Д. И. Гулиа, вышедший в 1912 году, и достаточно самобытная, во многом субъективная в плане мироощущения, лирика И. А. Когония, его эпические поэмы, в основе которых лежат исторический опыт, традиции, духовный пласт фольклорно-мифологического мышления.

Как отмечено в ряде работ ведущих абхазских литературоведов, невозможно дать полную и объективную оценку основных этапов формирования национальной поэзии, современного состояния абхазской лирики, не зная ситуации, связанной с ее зарождением и становлением, первоначальным периодом ее развития, когда природа рассматривалась ею не столько в эстетическом плане (в классическом значении данного понятия), сколько в духе некоего сравнения (параллелизма), общего фона действия, необходимого для раскрытия лирического сюжета. Эмоционально-субъективное и художественно-философское осмысление родного пейзажа происходило в абхазской поэзии путем поэтапного, стадиального преодоления стереотипов долилитературной традиции и эпико-мифологического сознания.

Трудно охарактеризовать образный строй абхазской лирики, не вникнув в глубокую суть естественных, зако-

номерных взаимосвязей и взаимодействия между исторически формированной культурой народа и его языком. Язык несет в себе неповторимые особенности национального психологического склада и характерологические свойства типов мифоэпического и художественного мышления (сознания). Образный строй абхазского стиха изначально тесно связан с образностью народной речи, ее структурой. Только с учетом всех этих особенностей становления образной поэтической системы, мы можем постичь внутреннюю структуру мифоэпических символов, истоки и мотивы их литературно-художественной трансформации.

В то же время, многогранное и скрупулезное исследование указанных аспектов развития абхазской лирики в контексте художественно-философского мировосприятия и во взаимосвязи с развитием других литературных родов может дать дополнительный импульс процессу дальнейшего изучения путей формирования национального художественно-эстетического мировидения.

Весомым вкладом в исследование литературоведческих и философских проблем, имеющих прямое или опосредованное отношение к путям формирования художественного сознания абхазов, стали изданные в разные периоды труды: М. Ласуриа «Творчество И. А. Когония и развитие эпических жанров в абхазской советской поэзии» (Сухум, 1979), В. Агрба «Абхазская поэзия и устное народное творчество» (Тбилиси, 1970), М. Ласуриа «Границы слова» (Сухум, 1973), В. Цвинариа «Лирические времена. О строении лирических произведений». (Сухум, 1991), Ю. Тхагазитова – «Эволюция художественного сознания адыгов» (Нальчик, 1996), М. Ладария «Сборник статей об абхазской литературе» (Сухум, 2005), О. Даменина – «Абхазия на рубеже веков» (Сухум, 2011), В. Бганба – «Основания абхазской философии» (Сухум, 2005), В. Бигуаа – «Абхазская литература и литература народов

Северного Кавказа. Историко-культурный контекст. Диаспора», М., 2011 и др.

Методика исследования художественно-философского направления развития абхазской поэзии основана на системно-целостном принципе изучения духовно-эстетических и культурологических основ отечественной литературы. Что же касается оценки достижений абхазской литературы и связанного с ней творческого процесса в целом, то она должна опираться на многоплановое (историко-типологическое) сопоставление с опытом развития других национальных литератур. Вместе с тем, в данном исследовании предпринята попытка поиска нетрадиционных подходов в постижении внутренней сути, смыслового подтекста лексических пластов современного абхазского стиха, отличающегося высоким уровнем художественно-философских обобщений, заметным усиливанием в нем медитативного начала. Литературоведческий и философский анализ тех или иных произведений абхазской поэзии (лирики), созданных на определенном этапе развития, характеристика их художественных и структурных особенностей, поэтики, позволяет нам предлагать собственные взгляды на обозначившиеся в лирических жанрах (стихах, лирических и лиро-эпических поэмах) тенденции, на результаты художественно-стилевых исканий.

В процессе исследования вопроса нами были использованы литературные тексты, преимущественно из произведений классиков абхазской поэзии и современных лириков. Иллюстративный материал взят непосредственно из первоисточников, из лирических сборников, изданных в разные периоды, а также из двухтомной «Антологии абхазской поэзии. XX век.», составленной М. Т. Ласуриа (Сухум – М., 2001), «Антологии абхазской поэзии. XX век.», составленной М. Т. Ласуриа (Сухум – М., 2009)

Одна из особенностей анализируемых нами ярких образцов национальной лирической поэзии заключается в том, что, в них естественное, диктуемое философской сущностью произведений аналитико-синтетическое мировосприятие становится органической частью качественно новой культуры художественного мышления. Эта тенденция рассматривается в контексте развития всей отечественной литературы в целом. Нами обозначены пути и способы сквозного взаимодействия (взаимовлияния) отечественной поэзии и прозы в плане отображения национальной психологии (менталитета), поиска форм художественного саморефлексирования.

Сквозь призму аналитической оценки абхазской философской лирики, ее традиционного и современного опыта мы предприняли попытку проследить пути становления личностного сознания, формирования национального художественного мировидения.

Как и в процессе зарождения и становления многих национальных литератур, в том числе и младописьменных, в истории абхазской литературы духовной первоосновой преемственности типов художественного сознания являлась непрерывная творческая взаимосвязь мифоэпического мышления с истоками народной поведенческой культуры, традиционной этики. Их внутреннее взаимопроникновение оказывало заметное воздействие на духовное развитие и нравственное самосовершенствование народа, формирование его мировоззрения, культуры мышления, готовя тем самым необходимые условия, благодатную почву для естественного вступления в стадию формирования письменной литературы, воссоздающей качественно новый национальный художественный мир.

Нами удалено достаточное внимание роли и значению абхазского фольклора, эпоса, его эстетике, богатейшим языковым и выразительным возможностям, служившим

изначальной основой, подспорьем для литературно-художественной трансформации фольклорных образов, символов, других изобразительных средств. В феномене абхазской мифоэпической образности, в семантике абхазского слова, экспрессии языка сокрыты непостижимые таинства, идущий из глубины веков сакрально-мистический смысл. И особенно ярко, многокрасочно и полифонично эти возможности проявились уже в процессе качественно нового освоения абхазской художественной литературой эстетического и этического опыта народа.

Зарождение абхазской письменной художественной литературы принято связывать с фактом выхода в свет первого сборника поэтических произведений Д. И. Гулиа «Ажәeinраалақәи ахъзыртәрақәи» («Стихотворения и частушки») в 1912 году, хотя этому знаменательному событию предшествовало появление в разных печатных (учебно-просветительских) изданиях первых ростков абхазской художественной литературы. Стихам и частушкам, вошедшем в вышеупомянутую абхазскую книжку, в качестве эпиграфа предпослана абхазская пословица «Лошадь оклеет – поле останется, а человек умрет – слово останется». Это крылатое выражение таит в себе глубокий философский смысл человеческого предназначения, нетленности духовных и эстетических устремлений человека. Произведения, включенные в гулиевский поэтический сборник, в определенной степени отмечены нравоучительно-дидактическим характером. Но их социальная актуальность и культурно-ориентационная значимость оказали мощное воздействие на формирование национального самосознания. Просветительская направленность творчества основоположника абхазской литературы объяснялись первостепенной задачей духовного раскрепощения народа в тех исторических условиях.

Авторское обращение Д. Гулиа «А ну-ка, моя книжка, не сдавайся!..» было воспринято и охарактеризовано некоторыми абхазскими литературоведами как напутствие, содержащее призыв к созидательному труду, как олицетворение преображающей силы печатного художественного слова. Однако первым литературно-художественным изысканиям, творческому опыту Д. И. Гулиа предшествовал достаточно сложный эволюционный путь – от фольклорно-мифологического мышления (фольклорной поэтики) до художественно-эстетического восприятия природы, от остросоциальных мотивов и просветительских идей и некоторой метафизичности образов в начальном периоде творчества – до глубокого постижения внутреннего мира человека, его эмоционально-субъективного мироощущения. Чрезвычайно важна и актуальна с историко-философской точки зрения мысль о том, что не сразу абхазская поэзия обратилась к пейзажной лирике, к теме взаимоотношения человека и природы... Ей «понадобилась определенная историческая подготовка, чтобы сделать родную природу объектом своего художественного изображения» (Цвинариа В. Л.).

В 20–30-х годах XX столетия в абхазской поэзии, постепенно преодолевающей стереотип фольклорно-мифологического мироощущения, естественным путем освобождающейся от просветительской рационалистичности и дидактизма, все более осозаемым становится одно из важнейших свойств лирики – проявление авторского субъективно-эмоционального начала, поэтического «я», внутренней силы и энергии лирического самовыражения.

На наш взгляд, необходимо уделить значительное внимание нравственно-религиозным мотивам, роли православных традиций, христианской морали, оказывающей определенное воздействие на процесс формирования национального художественно-философского мировоз-

зрения. Этому способствует деятельность абхазских просветителей и священников, плодотворно работавших в начале XX века над переводом богослужебной литературы на родной язык. Возрождение православных традиций оказывало положительное воздействие на духовную сферу, формирование ценностной ориентации народа. Одновременно первая плеяда абхазских писателей во главе с Д. И. Гулиа прилагает большие усилия по приобщению абхазского общества к достижениям русской литературы и классического наследия других национальных литератур.

Исследуя философскую направленность абхазской поэзии, необходимо раскрыть суть проблемы взаимоотношения человека и природы, художественно-психологические особенности интерпретации категорий пространства и времени в лирике Д. Гулиа и И. Когонии. В художественно-мировоззренческой системе Д. И. Гулиа занимают определенное место мысли о времени, о себе, об отношении человека к природе, к добру и злу, к прекрасному и безобразному, как к контрастным этическим и эстетическим категориям, а также к историческим общественным явлениям, имеющим прямое или опосредованное отношение к жизни и судьбе абхазского народа. В произведениях такого содержания и характера поэт усиливает акцент на размышлениях об опасности утраты нравственных ценностей, этнокультурной идентичности народа, его исторической и социальной памяти. «Социальная память – это древо духовной жизни этноса. Она доносит в наиболее точном виде все события и факты, которые происходят в истории» (Эфендиев Ф. С.). В начальном периоде творчества народный поэт облекает свои мысли преимущественно в форму аллегорической образности, афористических умозаключений. В более поздние периоды (30–50-е годы) в стихах и поэмах Д. И. Гулиа на первый план выносятся проблемы воссоздания художественного образа времени, исследо-

вания внутреннего мира человека, его психологии, личностных качеств, философские обобщения взаимоотношений человека и окружающего мира. Находясь у истоков формирования национального художественного мировидения, прокладывая путь от фольклорно-мифоэпического сознания до высокохудожественной образности (стихотворения «К морю», «Олень», «Муравей», «Вот кто я...», цикл «О поэзии»), затрагивая в своих произведениях социально-нравственные и философско-этические проблемы, патриарх абхазской литературы неизменно оставался приверженцем принципов историзма, диалектического подхода к оценке тех или иных общественных процессов. И об этом свидетельствует весь его творческий путь, эволюция его художественного мышления, стиля. На склоне лет, поэт, исходя из собственного уникального творческого опыта, подкрепленного глубокими житейскими познаниями, делится своими теоретическими соображениями о взаимозависимости и взаимобусловленности содержания и формы художественного произведения: «Самое глубокое философическое содержание стихов – ничто без прекрасной формы. Ведь именно благодаря красоте и изяществу формы, неотрывной от содержания, обусловленной содержанием, искусство доставляет человеку эстетическое наслаждение. Я это могу смело утверждать после долгих лет изучения поэзии и знакомства с народным поэтическим творчеством!» (Гулиа Д. И.). Созданное в судьбоносную для Абхазии эпоху революционных бурь и потрясений, когда малочисленный народ, переживший в XIX в. трагедию махаджирства (насильственного изгнания со своих исконных земель на турецкую чужбину), вновь оказался на сложном и опасном историческом перепутье, стихотворение Д. Гулиа «Моя Родина» (1920) сохраняет свою социальную и нравственную актуальность и поныне, в первую очередь в силу того, что оно выражает сокровенные чувства, без-

утешную боль и страдания соотечественников поэта. Риторические вопросы, являющиеся составной частью композиции стихотворения и несущие большую идеиную и эмоционально-смысловую нагрузку, будоражат историческую память народа, подспудно воздействуя на его общественное самосознание:

Отчего накинула
Облачную шаль,
Что ты плачешь, родина,
И о чем печаль?
Об упливших за море,
Об ушедших вдаль,
Отчего ты в трауре
И о чем печаль?..

(Перевод К. Липскерова)

Стихотворения Д. Гулиа «Моя родина» (1920), «Горы цветут» (1919), «Время» (1920), «Абрскил» (1910), «Весна» (1906), «Мой сад» (1920), «Никто из нас в судьбе земной...», «Змея, ласточка и жук...» (1910) и др. многогранны по своему содержанию, в то же время характеризуются цельностью, они передают настроения и переживания поэта-мыслителя, выдающегося общественного деятеля, обладающего широким кругозором, собственным принципиальным взглядом на эпохальные события. Свободолюбивому духу его поэзии, достаточно сдержанно реагирующей на те или иные поветрия, близок пафос знаменитых пушкинских строк «...дорогою свободной Иди, куда влечет тебя свободный ум...» Неоднозначен, требует чуткого и внимательного отношения к себе, взгляд поэта и на драматические перипетии 1917 – 1921 годов в Абхазии и, в особенности, на внутреннее идеологическое противоборство, в которое была

вовлечена общественность, национальная интеллигенция. Выход на первый план собственных лирических переживаний в поэтическом творчестве Д. И. Гулиа М. Т. Ласуриа склонен мотивировать трагически-социальными ситуациями и конфликтами переходного времени. «Речь идет не об отсутствии лиризма у раннего Гулиа вообще, поскольку его творчество индивидуально, оно, следовательно, уже само по себе выражает индивидуально лирическое начало. Читая произведения поэта, мы, безусловно, ощущаем и его гнев, и радость, и боль, и возмущение, – словом все многообразие авторских чувств, их целенаправленность и оценочный критерий... С точки зрения художественной, этот лиризм носит, если можно так сказать, эпический, «коллективный» характер» (Ласуриа М. Т.). Исследователями творчества Д. Гулиа отмечалась роль христианской религии, философии евангельских заповедей в формировании его мировоззрения, психологии, типа и образа мышления.

В некоторых лирических произведениях Д. Гулиа, созданных на стыке перехода от дололитературной традиции к литературной, привлекает внимание скептический взгляд автора на характер происходящих в природе явлений:

В природе, – подумать только!–
все настолько загадочно,
Если хорошо все осмыслить,
и жизнь предстанет взору сном.
Отличить хорошее от плохого – порой
задача не из легких.
Не лукавит ли тот, кто внушиает нам,
что все познал в природе?..

(Подстрочный перевод В. Зантария)

Но этот скепсис еще более усиливает стремление поэта постичь тайны бытия. В вышеупомянутых строках до-

статочно узнаваемы симптомы гносеологического подхода поэта-просветителя к проблеме художественного познания философской сути взаимоотношений человека и природы. Таким образом, начальный период становления и профессионального роста абхазской поэзии характеризуется тем, что в ней существуют нравоучительно-дидактическая направленность, диктуемая жизненно необходимыми просветительскими задачами и первые ростки подлинно художественного сознания, субъективно-эмоционального восприятия явлений природы, философской интерпретации общественно значимых тем, усиливающиеся и углубляющиеся познавательного начала. В стихотворении «День своего рождения люди читят...» (1911 г.) Д. И. Гулиа, отталкиваясь от темы своего дня рождения, – казалось бы, привычной и примелькавшейся в поэзии, – поднимается до уровня художественно-эстетических обобщений и философской актуализации смысла неутомимого творческого труда:

...И мне рождения день вновь встретить удалось,
День понедельничный...Как будто добр денек!
Застал меня в трудах. Немало дел нашлось.
Того он и хотел. Иного ждать не мог.
Ведь жернова, хотя б в Каабу их возьмешь,
Зерно дробят. Вот точно так и я –
Я множу труд на труд всегда, день ото дня...

(Перевод Л. Мартынова)

В пору зарождения и становления абхазской лирики, на стадии формирования национального художественного мировоззрения, как уже было отмечено, важная роль принадлежала фольклору, как самобытной эстетической системе, ее устойчивой традиции. Заметное воздействие

оказала эстетика устного народного творчества и на систему художественных взглядов И. Когония. Не в меньшей степени повлиял абхазский фольклор на процесс создания духовно-этических предпосылок становления творческой индивидуальности выдающегося поэта. Однако, как справедливо отмечали исследователи его творчества, нельзя уподоблять образную структуру его поэм устоявшейся поэтике устного народного творчества. Он преломлял фольклорные образы, их культурно-мифологический пласт через свое художественное сознание, через авторское «я».

«...Ему удалось создать оригинальные художественные произведения, вернуть народу то, что получил от него, но уже в качественно новом виде» (Шинкуба Б. В.). Прослеживая пути поиска гармонизации внутреннего мира лирического героя и окружающей действительности в творчестве И. А. Когония (в его стихах и поэмах), мы приходим к мысли о том, что мир предстает перед ним в своем естественном изначальном (органичном) единстве, построенном на совмещении противоположностей. Пейзажные стихотворения поэта оказывают на человека очистительное и одухотворяющее воздействие. «Природа для Иуа Когония не только объект восторга и любования. Она вызывает у него большие чувства, в центре которых всегда находится человек. Человек разгадывает тайны природы и покоряет ее...» (Шинкуба Б. В.). В лирике И. Когония художественная самоценность поэтического выражения, образа (символа) обладала свойствами, способными повлиять изнутри на процесс поиска истоков художественного самопознания во всей абхазской поэзии.

В формировании образно-метафорической структуры стиха поэта главную роль играет в первую очередь лирическое событие, психологический повод, внутренний импульс, в процессе художественного раскрытия которых

автор (лирический герой) как бы вступает в диалог со временем – условным собеседником. В философской лирике И. Когония пространственно-временные ассоциации становятся частью его художественного мира, его личных представлений о миропорядке:

Время, время, ты куда несешься бешено –
Так и падают секунды, часто- часто...
Ты бежишь себе неведомыми тропками,
Оставляя нам зарубки и пометки.
Придержи, прошу, часы свои торопкие,
Сделай милость превеликую – помедли!..

(Перевод Ю. Левитанского)

В стихах поэта сравнения, эпитеты, риторические фигуры, выполняя стилеобразующую функцию, обогащают словесную ткань, способствуют усилению эмоционально-экспрессивного воздействия и смысловых оттенков лирического образа. Однако тонкости литературного ремесла выдающегося абхазского поэта, волшебство его слов и словосочетаний, редкостное благозвучие стиха, интонационно-смысловые курсивы, к сожалению, почти непереводимы. Знатоками оригинала художественный перевод воспринимается лишь как слабый отголосок высокого чувственно-эмоционального порыва, воплощенного в стихах. Звуковая инструментовка лирических произведений поэта, их структурно-семантическое богатство, диалектика развития мыслей автора также остаются вне изобразительных возможностей переводчиков, вынужденных опираться преимущественно на схему подстрочника. В то же время, дух и пафос когониевского стиха, субъективность мировосприятия поэта трагической судьбы, фаталистичность его размышлений о жизни и смерти, общую тональ-

ность произведений, подчеркивающих характер и глубину лирического переживания, переводчикам удалось сохранить в той мере, в какой им позволяло знание особенностей художественного мышления поэта, психологической основы его мироощущения. Это видно, по фрагментам стихотворения «Сижу в потемках» (1925)...

...О, как сумею объясниться с вами!
Не подчинясь ни дням, и ни годам,
Какими задушевными словами
Все, что на сердце – людям передам?

(Перевод Ю. Левитанского)

Глубокое проникновение в суть отдельных слов, в ткань словесного творчества, в структуру строк и строф, внутренне скрепленных в одну смысловую единицу, дает возможность улавливать нотки противоречивости душевных переживаний поэта (лирического героя) и его готовности мужественно преодолевать любые невзгоды и превратности судьбы:

Душа – мне враг, она меня лишает сил,
И чувствую, как одолевает меня хандра...

И как мне понять себя, когда нет покоя?..
Даже след кончика иглы мне душу ранит.
И двойственность (двулиность) противна мне во всем,
Кривящему душой я не прощаю лжи и лицемерия....

(Подстрочный перевод В. Зантириа)

Размышления о времени и судьбе соотнесены в лирике Иуа Когония в одно духовно-смысловое пространство. В его предсмертных стихах достаточно ощутим напряжен-

ный поиск путей внутреннего преодоления быстротечности человеческого существования. «Судьба и время – взаимосвязанные категории традиционной культуры. Соотношение судьбы и времени не исчерпывается отмеренным сроком жизни...» (Барцыц М. М.)

Оценивая эмоционально-смысловые и композиционно-стилистические особенности лирики И. Когония, мы не можем не коснуться способов и форм художественного проявления авторской позиции, творческой индивидуальности поэта в жанре поэмы, занимающей доминирующее положение в его творчестве. С точки зрения некоторых литературоведов «элемент лирического самовыражения в них (т.е. в поэмах – В. З.) находится в зародышевой стадии и проявляется настолько слабо, что говорить о лирической субъективированности в полном значении этого слова не приходится. Во-первых, это объясняется тем, что в пору молодости литературы неизбежно раздельное развитие лирики и эпоса. Во-вторых, И. Когония обратился к застывшему в эпическом пространстве и времени национальному миру...» (Цвинариа В.Л.). С высоким уровнем художественно-философской интерпретации проблем взаимоотношения человека и природы, раскрытия характера литературного героя в экстремальных ситуациях его столкновения с непостижимыми силами природы, мы встречаемся в ряде поэм Иуа Когония, в частности, в поэме «Хмыч-охотник» (...в них есть единый дух глубочайшего драматизма» – Искандер Ф. А.).

В эпических произведениях поэта, несущих на себе в определенной степени печать фольклорного мышления, авторский взгляд (авторское начало) во многом зависят от традиционных канонов, заданной статичности эпических характеров и эпической ситуации в целом. В лирических жанрах достаточно ощутима сила внутренней раскрепощенности автора, способствующая гармоничному синте-

тическому слиянию лирического самовыражения и эпического повествования, углублению эмоционально-психологической остроты чувств и переживаний. Это проявилось, в частности, в таких стихах, как «Моя дорога» (1924), «Солнце село за домики...» (1924), «Темною ночь была» (1924) и др.

Значимость и новаторская роль И. А. Когония в истории абхазской поэзии заключаются в том, что он «...сумел поднять ее до уровня настоящей лирики», «введя в нее индивидуализированное субъективное начало» (Ласуриа М. Т.).

Значительное внимание необходимо уделить исследованию процесса формирования национального лирического образа, его эволюции, начиная с 10-х до 60-х годов XX века. Подобный хронологический принцип рассмотрения проблемы логически можно объяснить тем, что уже с 60-х годов прошлого столетия в абхазской поэзии, как и в прозе, наметились тенденции нравственно-психологического и философского переосмысления ключевых тем, глубокого и многогранного художественного анализа общественных взаимоотношений, культурно-цивилизационных процессов. Эта направленность давала дополнительный творческий импульс качественно новым литературно-стилистическим исканиям. Переломный этап, характеризующийся постепенным отходом национальной поэзии от идеологических стереотипов, рассматривается нами отдельно, но в общеисторическом контексте развития всей абхазской литературы (ее родов и жанров) во второй половине XX века.

В пору зарождения и становления абхазской поэзии (лирики), на стадии формирования литературной традиции, целостной системы художественного мышления, как уже было отмечено, особая роль принадлежала устному народному творчеству, многовековым фольклорным традициям. Необходимо отметить колоссальное значение выразительных (понятийно-семантических) возможностей,

являющихся не только мощнейшим средством материализации национальной духовной культуры, но и способом художественно-эстетического освоения духовного опыта народа. «Влияние характера языка на субъективный мир неоспоримо. Наиболее отчетливо проявляется своеобразие каждого языка в поэзии, где устройство конкретного материала налагает на дух менее всего оков...» (Гумбольдт В.Ф.).

Потенциальные выразительные возможности абхазского языка, отличающегося своим лексическим богатством, чувственно-эмоциональной насыщенностью словесных пластов, редкой мелодичностью, живописностью и полифоничностью звукоподражаний, нашли высокое об разное воплощение в произведениях Д. Гулиа, С. Чанба, И. Когония, М. Лакербай, Л. Квициниа, К. Агумаа, Л. Лабахуа, И. Папаскир, Д. Дарсалиа, О. Демердж-ипа, М. Хашба и др., подготовивших в 20–30-е годы благодатную почву для дальнейшего поступательного развития художественной литературы, ее эстетического самосовершенствования. Процесс ускоренного развития выдвинул перед плеядой молодых писателей чрезвычайно ответственную и сложную творческую задачу: создания литературного языка, формирования художественной системы, соответствующей эстетическим и этическим потребностям национальной духовной культуры, художественных стилей, способных раскрыть внутренний мир человека, богатство и глубину его мироощущений. Решение таких задач оказалось по плечу новому поколению (20–60-е годы) абхазских писателей, в плодотворных творческих поисках которых рельефно отразились проблемы духовно-эстетических исканий абхазского общества той эпохи. Значительным явлением стало самобытное поэтическое творчество Б. Шинкуба, в произведениях которого (созданных в 30-е годы) находят достаточно колоритное отражение характерные

свойства повествовательно-пластического склада художественного мышления. Уже в ранних стихах и балладах Б. Шинкуба («Моя звезда» (1935), «Сон» (1935), «Осенний сад» (1936) ярко проявились особенности его природного живописного дарования. Образная ткань его лирических новелл насыщена многоцветьем изобразительной палитры. В пространстве стиха происходит внутреннее взаимопроникновение лирического и эпического начал, перерастающее уже в пору творческой зрелости поэта (в 50–60-е годы) в яркий синтез форм лирического самовыражения и традиционно складывавшегося эпического мировосприятия.

Вновь обращаясь к духовным истокам, следует отметить, что определенное воздействие на процесс становления абхазской поэзии, вызревание лирического образа оказывали многовековые традиции исполнения народных песен под аккомпанемент струнных музыкальных инструментов (апхарцы, аюмаа, ахымаа), ассоциирующихся с древнегреческой кифарой и лирой. Как известно, с названием последней увязывается и научное происхождение одного из трех родов художественной литературы, т. е. лирики. Содержание изданного в 2000 году издательством сухумского культурного центра «Абаза» сборника песен популярного абхазского певца (ашуга) Ж. Ачба (составитель – Г. К. Гублиа), чье самобытное творчество относится ко второй половине XIX столетия, свидетельствует о достаточно высоком уровне поэзии абхазских народных певцов-импровизаторов, создававшейся на начальной стадии взаимодействия фольклора и художественной литературы. Характерно, что в этих песнопениях (импровизациях) достаточно узнаваемы симптомы авторского (художественного) сознания. По некоторым стихотворениям (песням), вошедшим в вышеупомянутую книжку Ж. Ачба («Ты и я», «Красивый холмик, застланный туманом»

и др.) нетрудно получить объективное представление о самобытном уровне абхазской лирической поэзии, зарождавшейся в недрах устного народного творчества. «...Пользуясь фольклорными формами и фольклорной поэтикой, поэт-импровизатор Ж. Ачба создавал собственные художественные произведения» (Агрба В. Б.). Творчество абхазских рапсодов, принявшее со временем характер своеобразных мелодекламаций, сыграло роль связующего звена между мифоэпическим и литературно-художественным мышлением.

Исследуя начальный этап развития абхазской лирики, необходимо дать объективную оценку плодотворным творческим исканиям С. Чанба и М. Лакербай, которые, несмотря на то, что преимущественно работали в прозаических и драматургических жанрах, успели оставить свой заметный след в поэзии, в стихах, лиро-эпических произведениях, отразивших индивидуальные особенности их художественного мировидения.

В лиро-эпической поэме С. Чанба «Дева гор» (1919) нашли самобытное аллегорическое воплощение мечты поэта о духовной раскрепощенности, достойной и счастливой судьбе родного народа и его многострадальной родины. Олицетворением этого идеала становится мифологизированный образ девы гор, в структуре которого слились воедино элементы живописно-пластического склада мышления и фольклорно-архаической поэтики. Некоторые абхазские филологи усматривают в стиле поэмы прямую связь с поэтикой народной поэзии:

На холме, пленяющем своей волшебной красотой,
Стоит она одиноко и гордо.
Вся она – как жемчуг, как пергамент...
Необыкновенно стройна и осаниста!

Восхитителен изгиб ее талии,
И вместо пояса драгоценного
Обвивает ее изящный стан
Связка благоуханных роз....

(Подстрочный перевод В. Зантириа)

Абхазские литературоведы считают, что этим произведением С. Чанба значительно поднял уровень развития абхазской поэзии, обогатил отечественную патриотическую лирику, ее романтический пафос. Известна точка зрения исследователей, находящих в сюжете произведения некоторые свойства романтических идеализированного взгляда на абхазскую историю. Однако существует и иная интерпретация данного вопроса. «...Поэму С. Чанба «Дева гор» считают произведением романтическим. Этому дают основание насыщенная метафоричность, высокий, приподнятый стиль, страстная мечта о будущем, заложенная в основу произведения. Но романтизм не выступает здесь как определенный, завершенный художественный метод. Как и многие другие младописьменные литературы, абхазская литература не прошла классического пути литературного развития, характерного для развитых литератур» (Ласуриа М. Т.)

В данном произведении достаточно отчетливо просматривается стремление автора как можно ярче и живописнее раскрыть изобразительные возможности абхазского языка, органичнее соединить символические сцепления со смысловой структурой образа (испытывая при этом подспудное воздействие мифоэпического сознания).

...Окидывая ее взглядом, чувствуешь,
Как весь мир отражается в ее облике!

С той высоты, восхитительными движениями
Обозревает она красоту земли родной.

(Подстрочный перевод В. Зантириа)

В поэме С. Чанба заметно достаточно умелое использование элементов белого стиха. На наш взгляд, такую раскованность в выборе форм построения стиха в определенной степени можно объяснить сохраняющимся на ранних этапах формирования литературной традиции влиянием фольклорной поэтики, устоявшегося консервативного стиля произведений фольклора. Вполне логичным представляется мысль о том, что «стих первых абхазских поэтов в метрическом и композиционном отношении более зыбок, расплывчат, в нем существенное место занимают дометрические элементы» (Цвинариа В. Л.). О вполне естественном использовании в своем творчестве формы белого стиха писал еще Д. И. Гулиа. В более поздние периоды развития отечественной лирики композиционные возможности и синтаксические особенности белого и свободного стиха (верлибра) нашли оригинальное воплощение в поэтических произведениях А. Аджинджала, Н. Тарба, С. Таркил, В. Амаршан, В. Ацнариа, Г. Аламиа, Д. Зантириа, И. Хварцкиа, С. Делба, Г. Квициниа и др.

Значительное воздействие на развитие абхазской поэзии оказало поэтическое творчество М. Лакербай, его гражданская лирика, в высоких образцах которой сконцентрированы мысли о сохранении народа, его этнокультурной самобытности, языка, истории, традиции. В стихах поэта историческая ретроспективаозвучна с идейно-смысловой линией, с раздумьями о будущем своей страны Апсны, на долю которой выпало много тяжких испытаний. Наиболее удачную художественную интерпретацию получила идея самосохранения и духовного возрождения

народа, глубоко волновавшая поэта – в знаменитом стихотворении «Дмитрию Гули» (1919), написанном в форме послания. Предвестия грядущих социальных перемен, судьбоносных преобразований автор символически связывает с именем выдающегося духовного предводителя нации Д. Гулиа:

Ты один, идущий без оглядки,
Тобой, тобой гордимся мы.
Ты – звезда для нас путеводная,
Ты – источник нашей мечты и надежд...

(Подстрочный перевод В. Зантария)

И пробуждение Апсны, находившейся в пору написания произведения (1919) в водовороте внутренних социальных противоречий и потрясений, автор связывал с политической волей, свободолюбивым духом и историческим самосознанием самого абхазского народа. Положение страны усугублялось последствиями грузинской оккупационной политики, огнем и мечом насаждавшейся в тот период в Абхазии. Глубокое осмысление судьбоносных событий позволило поэту выстроить собственное видение будущего своего народа, своей страны:

Смотри, смотри, восходит солнце,
Бодрит оно проблеском лучей...
Вот так понемногу воспрянет духом Апсны,
Если мы выстоим,
Сохраним честь и достоинство...

(Подстрочный перевод В. Зантария)

В понятие «мы», исходя из контекста стихотворения (послания), поэт, вкладывая широкий собирательный смысл,

как бы декларируя свое отношение к происходящим процессам от имени своего народа, национальной интеллигенции, ждущей глубоких перемен в общественной жизни. Оригинал стихотворения достаточно убедительно иллюстрирует ритмико-интонационное богатство стиха, уровень высокой поэтической культуры М. Лакербай:

Упъшишь, иубома, амра гылоит,
Макъана ицэывтыччоит иара.
Убас, хәычы-хәычла ифыхоит,
Хара ҳазееихар, х-Апъсынра!

По характеру и степени социальной и духовной восребованности произведений Д. Гулиа, С. Чанба, И. Когония, М. Лакербай можно судить о том, что одновременно с решением художественно-эстетических проблем, диктуемых реальной исторической ситуацией, абхазские поэты с удвоенной энергией работали над усвоением не только иноязычных классических, но и своих новых форм, которые соответствовали бы духу и природе родного языка, родной культуры. Определенное воздействие на проис текавшие в тот период творческие процессы, безусловно, оказывал и фактор ускоренного развития младописьменной литературы. К числу абхазских поэтов, обратившихся в конце 20-х и начале 30-х годов к поиску различных форм и композиционно-стилистических приемов с целью обновления художественной структуры своих произведений следует отнести Л. Квициниа и Л. Лабахуа. Их новаторская роль, увенчавшиеся значительными успехами попытки обновить метрическую и интонационно-ритмическую структуру абхазского стиха, по достоинству оценены абхазскими литературоведами, хотя не мало примеров того, как работа в этом направлении превращалась порой в голое экспериментаторство, в стремление подо-

гнать новую форму, поэтическую конструкцию под ту или иную тематику.

С примерами наиболее удачного освоения новых форм мы встречаемся в произведениях Л. Лабахуа. Творческая энергия, сила природного дарования, бурлившие в душе поэта, мощное, внутренне осознанное стремление освоить неизведанные лексические пласти родного языка подталкивают его к своеобразному программному изложению своих неосуществленных замыслов:

От каждого слова,
Изреченного мной,
Пламенеет душа!
От каждого слова –
Все ярче мысли мои...
Слово мое неудержимо (порывисто),
Невзгодам всем – вопреки,
Мчись мое слово – мой верный скакун!

(Подстрочный перевод В. Зантария)

Позже новаторские способности Л. Лабахуа, его творчески осознанное стремление обогатить свой художественный арсенал новыми выразительными средствами в рамках общих закономерностей развития литературного языка, нашли отражение в таких его поэтических произведениях, как «Голос Ткуарчала» (1934), «Правда» (1934), «Всемогучий Мазлоу» (1932) и др. В «Голосе Ткуарчала», посвященном теме новостроек и индустриализации, развитие образа идет преимущественно в художественно-публицистическом русле. Эмоциональная напряженность и энергия лабахуавского стиха, его динамичность, не дают ощутить некоторой ущербности пафоса произведения, объяснимой его неизбежной идеологической заданностью.

Небольшой фрагмент оригинала, предлагаемый нами в качестве иллюстративного материала, может дать хотя бы общее представление о богатой звуковой инструментовке поэмы (эвфонии), а также ее интонационной структуре:

Гэыр-р-р агәақь!
Арирахътәи акәақь,
Гэыр-р-р-р агәақь!
Анирахътәи акәақь!
Атықь! Атықь! Атықь!
Инымхо шъантцак, дацық!..

В плане значительного расширения выразительных возможностей абхазской художественной речи, поиска новых стилистических средств и приемов с целью качественного обновления поэтики художественного образа в целом, творческие искания Л. Квициния, Л. Лабахуа и др. представителей того поколения абхазских поэтов сыграли позитивную роль. Они подготовили почву для формирования самобытного образа мышления в отечественной литературе в целом. Эти шаги следует расценивать как начальную стадию последовательного развития и усовершенствования структуры поэтической речи, осуществления подлинной реформы абхазского стиха, бремя которой легло в дальнейшем на плечи таких крупных мастеров слова, как Б. Шинкуба, А. Ласуриа и др. При этом, в целях более объективной оценки и характеристики тогдашних поисков и творческих экспериментов, необходимо отметить, что имевшее место подражание стилю и поэтике В. Маяковского, следование теоретическим и конструктивистским установкам лефовцев и пролеткультовцев было достаточно искусственным и в творчестве некоторых абхазских авторов того периода такие попытки, зачастую, становились самоцелью. В своем обращении к абхазским поэтам, носив-

шем в определенной степени программно-декларативный характер, Л. Квициниа, в частности, писал:

Из нового делайте стихотворение –
Дайте железо, сталь и медь,
Оставьте небо и сияющие звезды,
Знайте, что они сегодня не нужны...

(Подстрочный перевод В. Зантара)

Во второй половине 30-х годов абхазская поэзия постепенно освобождается от оков искусственной политизации, лозунговости и поверхностной описательности. Собственные, созвучные с внутренними убеждениями, взгляды на происходящие вокруг общественно-политические процессы начинают заметно преобладать в творчестве ведущих мастеров абхазского поэтического слова. Характерно, что в стихах и поэмах одного из наиболее страстных и ревностных поборников политизации поэзии Л. Квициниа, к концу 30-х годов слышны более спокойные и доверительные интонации. Эти качества нашли отчетливое выражение, в частности, в таких лирических произведениях как «Кавказ» (1929), «Сухум» (1933) «Водопад», «Горы», «Моя апхиярца» и т.д.

Во многом противоречивый, связанный с болезнями роста, но в целом бурный, плодотворный и многообещающий процесс художественных исканий в молодой абхазской литературе, был парализован волной начавшихся репрессий и трагедией войны. Жертвами сталинско-бериевского произвола стали такие яркие, самобытные, перспективные творческие личности как С.Чанба, В. Агрба, Л. Лабахуа, М. Кове. Был сослан в Колыму Ш. Цвижба. Погибли на фронте (1941–1945 гг.) Л. Квициниа, С. Кучбериа, М. Гочуа и др. молодые поэты, едва ступившие на

творческую стезю. В той трагической атмосфере, когда жесточайшим репрессиям подвергались не только абхазский народ и национальная интеллигенция, но и абхазский язык, отечественная история и культура, основоположнику абхазской литературы Д. Гулиа в своей, по прежнему многогранной, деятельности вновь приходилось опираться на подрастающее поколение талантливых поэтов и писателей, наиболее перспективных представителей литературы и искусства.

Несмотря на то, что в 30-е годы достаточно ощутимая волна политизации оттесняет на второй план подлинно лирическую поэзию, авторскую индивидуальность поэта, мир интимных чувств и внутренних переживаний лирического героя, – все эти качества в той или иной форме находят оригинальное художественное воплощение в отдельных произведениях в более поздние периоды.

Здесь важно отметить, что в плане психологического углубления личностного начала, индивидуального видения мира, значительную роль сыграли поэтические произведения Б. Шинкуба и К. Агумаа. Б. Шинкуба пришел в абхазскую поэзию, нуждавшуюся в субъективизации лирического мироощущения, как яркий поэт-живописец, поэт-мыслитель. Многообразные явления природы, неповторимые особенности абхазского пейзажа становятся в его лирике объектом художественно-преображения. Все активнее вводит поэт в свою художественно-эстетическую систему психологический параллелизм. Значительную роль в расширении тематического диапазона абхазской поэзии, в раскрытии характера и пафоса ее гуманистических исканий сыграл выход в свет в 1938 году сборника стихов Б. Шинкуба «Первые песни». В 1940 году увидело свет лирическое стихотворение «Махаджирская колыбельная», посвященное трагической судьбе соотечественников, подвергшихся депортации в XIX веке. Произведение стало од-

ной из самых близких абхазскому народу, глубоко прочувствованных им песен.

Образцом слияния элементов фольклорно-мифологического мировосприятия, «стихии народной образности» и лирического самовыражения, построенного на сквозных художественных ассоциациях, может служить стихотворение «Моя звезда» (1935). В образе лирического героя, мчащегося на белоснежном коне, чтобы «схватить в стремительном полете свою звезду и дальше понести...» – двуединый образ, символ обманчивости судьбы, призрачности надежд и контрастирующей им веры, романтического дерзания:

От предков я узнал: «Покуда не затмилась
Твоя звезда, не будешь знать невзгод.
Но палец я навел, моя звезда сокрылась
И с неба сорвалась, как спелый плод.

Тогда, как птица, я пустился в путь широкий,
Пришпорив белоснежного коня.
И рощи, и сады мелькали вдоль дороги,
Свистела буря позади меня.

Деревьев не считал, – я мог бы сбиться в счете, –
Холмы и горы видел на пути.
Летел я, чтоб схватить в стремительном полете
Мою звезду, – и дальше понести».

(Перевод С. Липкина)

Как видим, развитие сюжета в стихотворении достаточно динамично. Внутренняя образно-смысловая взаимосвязь, пластичность изображаемых картин, гармонирует с импульсами, вызванными чувственно-эмоциональным на-

прожением лирического героя. Такие характерные черты свойственны новой поэтической культуре, формирующейся в 30–50-е годы целостной образной системе. На наш взгляд, в анализируемом стихотворении «Моя звезда» мы сталкиваемся с тем отношением к лирической ситуации, которое в известной работе Л. Я. Гинзбург «Частное и общее в лирическом стихотворении» интерпретируется следующим образом: «...Но в чистой лирической поэзии лирическое событие как бы продолжает бесконечно совершаться в условном бесконечно затянувшимся настоящем. Лирическим же пространством является авторское сознание, сознание поэта. Оно вмещает лирическое событие и в нем свободно движутся и скрещиваются ряды представлений, в том числе самые непредсказуемые и отдаленные...».

В поэтическом творчестве Б. Шинкуба конца 30-х годов значительное место занимает мир интимных чувств и переживаний. Любовная лирика тех лет представлена такими стихотворениями как: «Ты помнишь наши встречи в саду», «Сидела, ежась, как голубка...» (1938), «Не спрашивай...» (1938), «Ночной листвой венчая наши встречи...» (1939), «К синему небу припала луна...» (1939) и др. Учитывая то, что традиционно в абхазской художественной литературе, особенно на ранней стадии ее развития, выражению интимных чувств и любовных переживаний мешала некоторая табуированность, идущая от народно-патриархального склада мышления, заметное усиление субъективно-эмоционального начала и любовных мотивов в стихах Б. Шинкуба можно расценивать как смелую попытку глубокого, качественно нового художественного осмыслиения этой темы.

Некоторые абхазские литературоведы, на наш взгляд, достаточно объективно отмечали в своих исследованиях значимость любовной лирики в плане освобождения поэтического образа от традиционных условностей, неписа-

ных правил, ограничивавших поэта (лирического героя) в проявлении своих интимных чувств. «Б. Шинкуба не является исключительно поэтом любви. Тем не менее, его любовные стихи – целое открытие для абхазской поэзии. Они указали ей новые пути, обеспечили личному миру человека право на существование в поэзии» (Цвинариа В. Л.)

В то же время, оспаривая мнение В. Цвинариа, характеризующего отдельно взятые лирические произведения Б. Шинкуба как сочетание лирики, природы, и любовной лирики, Н. М. Байрамукова допускала мысль о том, что эти стихотворения, «являются все-таки не любовно-пейзажной лирикой, а любовной лирикой и присутствие в ней образов природы – свойство реалистической любовной лирики вообще». На наш взгляд, определение «любовно-пейзажная лирика» достаточно условное, но вместе с тем, оно дает общее представление о некоторых специфических и характерных особенностях лирической поэзии Б. Шинкуба.

Исходя из логики предыдущего анализа, можно сделать вывод, что в 20 – 30 годы XX столетия развитие лирического образа, сопряженное с цепью переживаний, выражением интимного состояния поэта, было связано в основном с двумя стилевыми направлениями: художественно-публицистическим и живописно-пластическим. В творчестве таких лириков, как И. Когония, Б. Шинкуба, М. Лакербай, К. Агумаа, судя по структуре и построению их образов, преобладает живописно-предметный склад художественного мышления. В произведениях этих авторов умело используются такие стилистические приемы и своеобразные формы лиро-эпического повествования, как монолог, диалог, риторические вопросы, психологические параллелизмы и т.д.

В лирике конца 20-х и начала 30-х годов объектом художественного исследования становится таинственный мир сложных взаимоотношений человека и природы, интимных чувств и глубоких переживаний лирического ге-

роя, раскрытие индивидуальной судьбы которого также приобретает первостепенную значимость и художественно-психологическую актуальность. Необходимо отметить еще одну характерную особенность наметившихся в ту эпоху тенденций.

В абхазской поэзии 30-х годов развитие лирического образа, личные наблюдения и впечатления поэта были связаны в основном с мотивами сельской жизни, которая была ему (автору) ближе как в житейско-бытовом, так и в социально-психологическом плане. С аналитической об разностью, философскими раздумьями и рефлексиями, рожденными урбанизированным художественным сознанием, мы сталкиваемся лишь в начале 60-х годов, когда в абхазской лирике становятся достаточно ощутимыми симптомы определенной интеллектуализации поэтического мышления.

Анализируя и оценивая достижения национальной художественной литературы периода Великой Отечественной войны 1941-1945гг., литературоведы и литературные критики совершенно справедливо отмечали, что преобладающее место занимает в ней абхазская поэзия. Лучшие образцы военно-патриотической лирики отличаются подлинной народностью, выстраданностью, близостью к чаяниям людей, способностью передать движение мыслей, чувств, переживаний, навеянных драматическими потрясениями, эпохальными событиями.

Лирические характеры, собирательные образы воссозданные в стихах Д. Гулиа, Л. Квициниа, Б. Шинкуба, К. Агумаа, С. Кучбериа, И. Тарба, А. Джонуа, Ч. Джонуа несут в себе силу судьбы воина – защитника Родины, борца за мир, справедливость и сохранение духовных ценностей. Одной из наиболее распространенных и популярных форм абхазской лирики (как впрочем, и поэзии других народов Советского Союза) во время войны были послания, сво-

еобразные письма в стихах, обращения, призывы. В них авторы вступали в доверительный диалог со своими соотечественниками, читателями, а в некоторых лирических произведениях – в своеобразный диалог с самим собой, страстно выражая свою веру в торжество справедливости, в победу над фашизмом. В большинстве из них ощущалось преобладание публицистической направленности.

В литературной критике высокую оценку получили поэтические произведения «Корабль причалил...», «К морю», написанные Д. Гулиа в год окончания войны. Они отличаются своим самодостаточным художественно-смысловым уровнем, тонко и правдиво выражают чувства и мысли, настроения поэта, навеянные ощущением великой победы. Диалог поэта с морем, почувствовавшего в самом себе безграничное море радости, пробужденное наступлением долгожданного мира, – это значительный прорыв в художественно-философском самопостижении автора. Такие явления не могли не отразиться положительно на уровне и качестве развития всей национальной художественной культуры.

Яркими примерами глубокой поэтической исповедальности и реалистической выразительности стали стихотворения поэта – прославленного воина К. Агумаа – «Письмо в Сухум» (1942), «Погода ненастна, но...», «Ночью» (1942), «В годину бедствий и печали...» и др. Стихотворение «Письмо в Сухум», созданное в 1942 году и присланное в Абхазию с фронта носит лирико-публицистический характер и звучит оно, как клятва, как призыв к справедливому возмездию. Этим мотивирована в определенной степени некоторая патетичность тона, приподнятость стиля, свойственная не только данному стихотворению, но и некоторым другим лирическим произведениям К. Агумаа того периода.

Среди поэтических произведений, посвященных теме борьбы с врагом, мужеству и стойкости защитников Роди-

ны, своей глубокой психологической образностью, утонченностью сочетания лирического и повествовательно-эпического начал, отличаются такие известные сюжетные стихотворения Б. Шинкуба, как «Ветер мой, лети!», «Отец» (1943), баллада «Гунда прекрасная» (1942). В них отчетливо прослеживается связь с национальной фольклорной традицией, вновь возрождавшейся в годы Великой Отечественной войны на новой идеино-нравственной и художественно-эстетической основе.

Стихотворение «Ветер мой, лети!» (1958), созданное в послевоенный период, ассоциируется по своей поэтике, по характеру выражения чувств, мыслей и переживаний, с народной формой образного мышления. Оно построено на вымышленном разговоре раненого бойца с ветром. Сюжет таков, что герой произведения обращается к ветру с просьбой «помчавшись по земле абхазской, сказать сестренке, что слегка задет осколком старший брат, утешить мать седую, поведав ей о том, что сын ее невредим и вернется домой». Но в последней просьбе открывается вся горькая правда, обращенная к отцу:

О ветер мой, помчись ты поутру
И расскажи отцу, что я умру:
– На поле, где была горячей схватка.
Свою он отдал силу без остатка,
От смерти он не отступил назад,
В бою не осрамил тебя солдат.

(Перевод С. Липкина)

Литературная критика, отмечая художественно-смысlovые особенности данного стихотворения, подчеркивала важность внутреннего взаимодействия в нем двух взаимопроникающих идей. «Подспудно в стихотворении живут

две большие народные идеи: средоточием любви к родной земле является мать («Родина-мать»), а идея ее защиты коренится в образе отца («Отечество»). (Цвинариа В. Л.)

В отличие от В. Цвинариа, утверждавшего, что данное стихотворение имеет фольклорную основу, и находившего в нем очевидное родство с абхазскими народными молитвами, Н. М. Байрамукова усматривала в этих образно-символических созвучиях не фольклорные, а литературные ассоциации. «Если этот образ (имеется ввиду образ ветра – В. З.) когда-то и был фольклорным, то уже давно освоен литературой, даже уже в ней стал традиционным», – отмечала исследователь творчества Б. В. Шинкуба, развивая свою мысль.

На наш взгляд, в этом произведении развитие лирического события построено на тонком, чувственно-эмоциональном соприкосновении фольклорной и литературно-художественной образности. Поэтому вряд ли стоит однозначно говорить об исключительно литературной мотивировке избранной поэтом формы раскрытия темы и самораскрытия лирического героя.

Глубокой драматичностью описываемого события отличается стихотворение Б. Шинкуба «Отец» (1943) (из цикла, посвященного Герою Советского Союза В. Харазия). Изображаемые действия предстают здесь в строгой логической последовательности, диктуемой художественной сверхзадачей автора.

Ранним утром во двор отца героя Камсагу, уныло склонив голову, опираясь на посохи, заходят старики-односельчане. Женщины одеты в черное. Чутье подсказывает старику Камсагу, что погиб его сын. Но, не теряя самообладания и хладнокровия, он неожиданно обращается к соседям:

– Как он погиб? Сражаясь? На посту?
Героизмом славу громкую стяжал?
Или бесславно от врага бежал?

Услышав от одного из старииков, что его сын погиб смертью храбрых, отец героя, следуя древнему обычаю, сдержанно и многозначительно произносит:

...Чего ж стоите вы
И не поднимете поникшей головы?
Мой сын погиб за край родимый свой,
Для славы ведь рождается герой.

Еще более ощутимым становится психологизм изображаемой ситуации в последних строках стихотворения, в его финальных аккордах. Поэт талантливо сочетает повествовательную форму с драматургической, сохраняя при этом классическую строгость стиля. Мужественность и цельность характера отца героя подчеркивают его слова, обращенные к рыдающим родным:

Эй, не срамите Вашего отца
И памяти погибшего бойца!

Он высоко победы знамя нес!
Ведь не купают славу в море слез!

(Перевод Б. Серебрякова)

По тексту чувствуется, что перевод не в состоянии воспроизвести всю реалистическую прозрачность и смысловую насыщенность образов поэтического произведения, выдержанного преимущественно в автологическом стиле. Не имея возможности расшифровать смысл каждого слова, каждой фразы, несущей значительную художественно-эмоциональную нагрузку на языке оригинала, переводчик вынуждена восполнить эти пробелы некоторыми поэтическими вольностями.

В многообразной художественной летописи Великой Отечественной не мало лирических и лиро-эпических произведений, в которых созданы не только образы защитников отечества, но и характер времени, событий, из которых вызревали эти образы. Стали хрестоматийными, обрели широкую популярность в народе стихотворения «Наш Кавказ» (1942), «Песнь о героях» (1943) – Д. Гулиа, «Прощание» (1941), «Эшерский табак», «Моя шинель» (1944) – Ч. Джонуа, «Абхазский кинжал» (1942), «На берегу Дона» (1944), «Кто здесь обрел покой?» (1944) – И. Тарба, «Бессмертие» (1944) и др.

В послевоенный период абхазская поэзия, как и в целом вся абхазская литература, постепенно преодолевала псевдопатриотическую риторику, идеологические стереотипы, навязанные политической конъюнктурой, размытость образа, стертость личностно-субъективного начала. В таких известных лирических произведениях Д. Гулиа, как «Я и море» (1945), «Олень» (1952), «Муравей» (1945), «Лесоруб» (1954), «Река» (1954) и др. заметно стремление умудренного житейским опытом поэта вникнуть в изначальную суть бытия, заглянуть в корень проблемы человеческого существования, сложных взаимоотношений человека и окружающего мира. Поэт обращается также к эстетическим проблемам поиска и внутреннего осмыслиения духовных истоков художественного творчества (в частности, в цикле стихов «О поэзии»). В то же время в стихотворении «Вот, кто я» (1957), отличающемся отточенностью и выверенностью слога, высокой, оправданной авторским замыслом патетичностью, достаточно узнаваем (ощутим) смысловой подтекст. Вникая в суть произведения, невозможно не почувствовать мощного протеста против фальсификаторов истории Абхазии, лжи и демагогии грузинских псевдоученых, подобострастно выполнивших политический заказ. Это стихотворение стало ярким воплощением свободо-

мыслия, гражданской смелости народного поэта, шедшего к намеченной цели тернистым путем.

Во второй половине 50-х годов в поэтическом творчестве Б. Шинкуба намечается заметный перелом в сторону более глубокого осмыслиения вечных тем. Значительна роль философского подтекста в его стихотворениях «На скале», «От лютого ветра и стужи», «Недуг овладел вдруг мною» и др. Конец 50-х годов и начало 60-х годов стали в лирике поэта своеобразным подготовительным периодом для еще более масштабного и многогранного раскрытия своих потенциальных творческих возможностей. В лирических произведениях Б. Шинкуба этого периода нет затушевывания противоречий душевного состояния поэта. Все глубже и ярче проявляется в них мощь художественной интуиции поэта, сила его внутренней правды.

Значительное воздействие на развитие абхазской поэзии 50-х годов оказывает энергичное и многогранное творчество Ал. Ласуриа, обогатившего абхазскую поэзию новыми идеями, художественными замыслами, интонационно-ритмическими возможностями абхазского стиха. Лирическое (авторское) «я» его произведений во многом перекликается с незаурядной личностью самого поэта, выполняющей стержневую роль в синтетическом воссоединении лирического и событийно-повествовательных начал. В яких публицистических произведениях поэта (поэма «Юбилейное» и др.), обращенных к широкой публике, еще задолго до ХХ съезда КПСС и хрущевской оттепели звучали открытые антисталинистские интонации. В лирике Ал. Ласуриа ярко выражено автопсихологическое начало, субъективное мироощущение, плавно перетекающее в сферу общефилософских размышлений.

Начало 50-х годов в абхазской поэзии характеризуется качественно новым, многоплановым освоением традиционных ключевых тем. В то же время усиливается внима-

ние к проблемам, возникшим из нового исторического и духовного опыта. Однако плодотворным художественно-эстетическим исканиям сопутствуют такие явления, как «социальная бесконфликтность», поверхностность изображения, декларативность и схематичность.

На наш взгляд, необходимо уделить значительное внимание тенденциям развития абхазской лирики (чувственно-субъективного и аналитико-синтетического мировосприятия) в контексте художественно-стилистических исканий 60–90-х годов XX века. В этой связи особую актуальность приобретает в наше время проблема раскрытия внутреннего мира человека в творчестве абхазских поэтов разных поколений, исследованию национального художественно-философского мышления в плоскости художественно-психологической интерпретации национального характера.

60–90-е годы рассматриваются нами, как наиболее значимые в плане профессионального роста и художественно-стилистического самосовершенствования абхазской литературы. Это был плодотворный период новых творческих исканий, оказавших позитивное воздействие на формирование полноценной образной системы, когда в абхазской поэзии (лирике) и одновременно в прозе достаточно отчетливо, зримо и выпукло проявилось стремление к художественно-философским обобщениям, к осмыслению общечеловеческих проблем, аналитическому раскрытию сути человеческого существования. Процесс воссоздания художественной реальности проистекает в зависимости от идейной доминанты, выдвинутой на передний план развитием жанров, новыми нравственно-эстетическими устремлениями. Новое поколение абхазских поэтов смело преодолевает инерцию традиционного развития поэзии, (описательную повествовательность), обогащая субъективный мир переживаний лирического героя, раскрывая

их драматичность, эмоционально-психологическую остроту коллизий. В плане глубокого исследования внутреннего мира человека, сохранения собственного «я», качественно новых трансформаций традиционной лирической поэзии, ее чувственно-эмоциональной направленности в философско-рефлексивную сферу, – этапное значение приобретает выход в свет сборников стихов Б.Шинкуба «Лето» (1962), «Слово» (1975). Оценивая эстетическую значимость произведений, вошедших в книгу «Слово», М. Т. Ласуриа заметил, что «философия шинкубовских стихов не назидательна, не рассудочна, лирика поэта редкостна в плане впечатлительности, слова автора подкупают своей смысловой насыщенностью».

В. В. Кожинов, отмечая главные художественно-стилистические особенности поэтического творчества Б. Шинкуба, выдвигал на первый план органическую взаимосвязь внутреннего содержания стиха и его семантико-стилистической структуры: «...В лирике Баграта Шинкуба широкое, вольное «вихревое дыхание» сочетается с совершенством поэтического стиля, в котором слова «примирены» и спаяны в родственном единстве. В стихотворении «Слово» ярко выражены мысли о художественной сверхзадаче поэта, о том, какими способами он может достичь высокого воплощения волшебства, феноменальных выразительных возможностей абхазского слова. В силе слова, в его внутреннем пространстве и духовной первооснове поэт находит магический источник жизненных сил. В «Слове» соседствуют, казалось бы, несовместимые, контрастирующие мысли о роковой безысходности, одухотворяющей любви и разрушающей человека ненависти. И в этом же образно-символическом ряду слово ассоциируется с извечным колокольным звоном, будоражащим историческую память народа. В заключительных аккордах лирического произведения слышен лейтмотив о том, что песня заканчивается

там, где нет уже слова. В 60–70-е годы в абхазской лирике многогранность и ассоциативная многослойность лирического образа (изнутри, как бы подспудно продиктованная художественным замыслом, авторской идеей), заметно оттесняет на второй план традиционно утверждавшийся в поэзии тематический принцип развития лирического сюжета. Этим отчасти характеризуются стиль и почерк таких поэтов как Б. Шинкуба, Ч. Джонуа, М. Ласуриа, Ш. Цвижба, А. Аджинджал, Т. Аджба, В. Амаршан, Р. Смыр, В. Ацнариа, С. Таркил, Г. Аламиа, Р. Ласуриа. В то же время в этот период еще достаточно сильна приверженность к повествовательно-описательному стилю, традиционно восходящему к художественно-эпическому началу. Подобные черты свойственны творческим индивидуальностям таких известных авторов, как И. Тарба, Г. Гублиа, А. Джонуа, Н. Квициниа, М. Микаиа, Н. Тарба, В. Анкваб, П. Бебиа, Б. Гургулиа, Т. Чания и др.). Несмотря на различие стилей и авторских манер, представителей этих двух главенствующих направлений в национальной поэзии заметно сближают нравственно-эстетические ориентиры, художественно осознанное стремление по новому осмыслить отечественную историю, духовный опыт народа, воссоздать художественно-философский образ времени, вникнуть в сферу скрытых и противоречивых мотивов взаимоотношения человека и природы.

В 60–70-е годы прошлого столетия основное значение в качественно новом осмыслении образа человека, его внутренних побуждений имело естественное, глубоко осознанное стремление абхазских поэтов взглянуть на данную проблему сквозь призму собственного, личностно-индивидуализированного мироощущения. Такие же тенденции наблюдались и в развитии абхазской прозы. Но участвуя в сложном и во многом противоречивом процессе переоценки ценностей, в преодолении их деформации, абхаз-

ские поэты, прозаики, драматурги, литературные критики внимательно следили за аналогичными тенденциями развития, новыми творческими исканиями, происходившими в других национальных литературах. «В поэзии ощущалось нетерпеливое желание поскорее освободиться от всего темного, отягощающего душу, застилающего солнечный свет. Но в то же время поэзия пристальное взглядаются в диалектику души человека, в характер ее внутренних противоречий...» (Михайлов А. А.)

В лирическом мире Б. Шинкуба усиливается художественно-смысловое воздействие внутреннего звучания голоса личности и голоса народа, нравственно преображающегося в процессе духовного самоочищения. Эти мотивы достаточно ощутимы в стихотворении «Стою, погрузившись в раздумья...» (1964). Развернутый метафорический образ, несущий в себе идею духовного родства личности поэта и характера народа (символически народ представлен здесь в образе могучего вековечного дерева) не может не натолкнуть на ряд реминисценций из мировой поэтической антологии. Но художественная структура двуединого образа (личность – народ), созданного Б. Шинкуба, пронизана весьма значимыми в философско-этическом плане отличительными свойствами абхазского национального характера. Это один из примеров художественно-философской экстраполяции в творчестве поэта, достигающего в 60–70-е годы высокого уровня синтезированного мышления.

Ш. Инал-ипа, С. Зухба, касаясь нравственного аспекта философской лирики Б. Шинкуба, отмечают ее гуманистическую направленность, построенную на вере в человека, его высокое предназначение. Некоторые абхазские литературоведы подчеркивают мысль об ярко выраженной реалистичности художнических воззрений поэта, жизнеутверждающем характере его творчества. Другие шинку-

боведы пишут о том, что лирика поэта далека от мистики. Обратившись к ряду стихов Б. Шинкуба, в том числе и к одному из наиболее ярких образцов его лирики «И вот моя душа как говорится....», мы убеждаемся в том, что божественно-мистическое мироощущение не чуждо творчеству поэта, хотя, в его творчестве нет ярко выраженного религиозного начала. Внутренняя вера в сверхъестественные силы, божественность творческого начала, пантеистическое восприятие природы – это скрытый глубинный пласт душевного состояния поэта, незримый источник его творческих побуждений.

Увидевшее свет в 1965 году стихотворение «И вот моя душа как говорится...» явилось классическим примером глубокого внутреннего взаимодействия и синтеза чувств и мыслей поэта, выражающих его отношение к жизни и смерти в контексте их философского истолкования. Размышления лирика в силу глобальности исследуемых проблем носят общечеловеческий характер, но сквозная мысль неразрывна с ощущением внутреннего беспокойства за судьбу своего народа, родной земли, языка, высших духовных ценностей, составляющих основу национальной идеи. Лирический герой погружен в состояние мучительных переживаний человека, пытающегося представить себе мир, который когда-нибудь суждено покинуть каждому:

...Но прежде, чем со мной случится это,
Ты, солнце, освети мое чело,
Чтоб все, что было в переливах света
Пред глазами медленно прошло.

Далее развитие образа сопряжено с художественным осмысливанием всего того, что составляет суть национальной самобытности поэта. И для осуществления этой за-

дачи, автор умело вплетает в образную ткань стиха целый ряд символьческих сцеплений, идентифицирующихя с духовным началом его философского миропонимания:

Дай уловить вершинный шум потока
Над пастищем, в пастушеском краю,
И материнский голос, издалека
Поющий песню баюшки-баю...

Продли блаженство, угасать не надо –
Помедли светом в сумерках души
И свадебный припев «уари-дада»
Услышать на закате разреши...

И в заключительных (аккордных) строках лирического произведения сконцентрированы те свойства души поэта, тот сгусток его сокровенных чувств, которые, как бы изнутри, способствуют усилиению эмоционально-смыслового акцента доминирующего образа:

Еще прошу, чтоб не была забыта
Тропа в горах, которая крута,
И над конем абхазского джигита
Полет громоподобного кнута...

(Перевод А. Межирова)

Стержневой становится мысль о том, что и после ухода человека в потусторонний мир, не иссякнет, не оскудеет духовно все то, что составляло смысл его существования, великой любви к родной природе: и солнце, и горы, и неугомонное клокотанье потоков, и колыбельная «Шишнани», символизирующая извечность жизни и продолжение рода. Врезающаяся в память заключительная строка

«урт инрыцца пъсыуа хатзак, апъацахәа иѣамчыбжы...», что дословно переводится как «...и вдобавок, дай услышать хлесткий отзвук кнута абхазского джигита», заметно усиливает национально-этнографический оттенок образа, созданного поэтом. К сожалению, художественный перевод стихотворения страдает рядом погрешностей, и в первую очередь, тем, что, символы, метафоры, художественные детали, имеющие характерологическое и структурообразующее значение и подчеркивающие национальный колорит, обесцвечены и стерты (несмотря на признанность высокого поэтического и переводческого дарования А. Межирова). Именно в 60-е годы в лирике Б. Шинкуба наблюдается путь к глубокому художественному самопостижению через интуитивное проникновение в область сложных взаимоотношений человека и природы. Мощный духовный и психологический прорыв в поэтическом творчестве выдающегося мастера абхазского стиха стал возможен благодаря внутренне осознанному преодолению инерции консервативной устойчивости традиций. Новый путь, проложенный им в абхазской поэзии в 60-е годы, дал значительный творческий импульс достаточно энергично-му стремлению нового поколения абхазских поэтов (М. Ласуриа, А. Аджинджал, Т. Аджба, Р. Смыр, В. Амаршан, Г. Алаамия и др.) исследовать глубины человеческого сознания и подсознания, осмыслить извечные проблемы духовности, добра и зла, любви и ненависти, жизни и смерти, смысла человеческого существования.

Идея раскрытия необъяснимого внутреннего состояния человека, настроения момента, противоречия чувств и мыслей лирического героя, подчинены эмоциональный на-кал, пафос, ритмический строй и интонация стиха в замечательном лирическом произведении «Слышу голос...» (1967).

Сумятица навязчивых звуков, тревожащих лирического героя, стихийно перерастает в труднообъяснимое им-

прессионистическое мироощущение. Едва уловимые таинственные полуشهоты, мгновениями сливающиеся с эхом незнакомого и загадочного оклика, шумом порывистого ветра и чьих-то тревожных воплей, наталкивают на новые ассоциативные ряды. Вопросы наталкивают на новые вопросы, сомнения помогают преодолеть множество других сомнений:

Может окликают меня дни
прошедших весен?
Может это песни, мною когда-то неспетой,
Отголоски доносятся издалека?

Может это запоздалая исповедь
Друга, ушедшего навсегда?..

(Подстрочный перевод В. Зантария)

И в этом лирическом произведении, написанном на одном дыхании, шинкубовская идея «самопознания и самоутверждения через сомнения» возведена до уровня высоких образно-смысовых перевоплощений, воздействующих на эмоциональную сферу психологии человека:

...Переклик голосов бесконечен.
Не печалься на этом пиру!
Это добрый лепечет кузнецик.
Это ставня скрипит на ветру.

Умоляют: – Не слушай, не слушай! –
Слышу голос...и все не пойму:
В чем значение тайны насущной,
Причиняющей муку уму?..

(Перевод Б. Ахмадулиной)

На наш взгляд, данное стихотворение является достаточно убедительным примером того, как естественное внутреннее взаимопроникновение образов становится тем художественно-стилистическим и духовным пластом, на основе которого автор достигает большой глубины осмысления и развертывания психологической темы. «В осознанном, наглядном контексте лирического стихотворения с его ограниченным объемом и отчетливыми границами, возникают сквозные ассоциации; совершается взаимодействие слов, их взаимное заражение и окрашивание» (Гинзбург Л. Я.).

Примечательно, что философские раздумья мастера стиха, не вмещающиеся в рамки лирических жанров, получают оригинальное развитие в его эпических произведениях, становятся частью его концептуальных взглядов в прозе. Наиболее ярко и многообразно взгляды поэта, связанные с оценкой человека (личности) сквозь призму его отношения к истории, времени, государству, традициям, народной этике и т.д., проявились в романах в стихах «Мои земляки» (1955), «Песнь о скале» (1965). Характерен и типичен в этом плане напряженный в психологическом плане диалог абхазских князей Нахара и Шабата, приобретающий благодаря живописности шинкубовских образов (манере письма) некоторую сценическую зрелищность.

В 70–80-е годы в творчестве Б. Шинкуба наметилось стремление к обобщенно-абстрагированному восприятию явлений окружающего мира. Но процессу художественной кристаллизации философской мысли предшествует мучительное преодоление внутренних психологических противоречий, в чем ему помогает не только творческий, но и богатый житейский опыт. Характерная черта стихов такого плана – лаконичность, завершенность и отточенность стержневой мысли. В этом смысле, на наш взгляд, лирика Б.

Шинкуба, возможно, типологична лирике К. Кулиева, Р. Гамзатова, А. Кешокова, К. Мечиева и др. кавказских поэтов. Вышедший в 1986 году поэтический сборник Б. Шинкуба «Осенние лучи» вобрал в себя лучшие качества обобщенно-метафорического мировосприятия, нашедшего яркое отражение в стихах поэта того периода.

В 60-е годы в процесс формирования нового, не скованного идеологическими клише, типа художественного сознания уверенно входит представитель молодой плеяды абхазских поэтов М. Ласуриа. Вошедшие в его поэтические сборники «Надежды» (1965), «Шелковый дом» (1967), «Смерть камня» (1971), «Сеятель» (1976) стихотворения: «Прощание» (1963), «В нашем доме», «Вдруг из объятий вырвалась и прочь...» (1970), «Я один по комнате хожу» (1969), «Зависть» (1966), «Смерть камня» (1964), «Это был я...» (1968) свидетельствуют об интересном художественном мировидении их автора, достигающего в своем творчестве гармонического равновесия чувств, переживаний, мыслей, органического воссоединения (синтеза) традиционно-реалистического и мифopoэтического начал. В его произведениях ощущается выстраданность душевного состояния, лирическая речь в них достаточно экспрессивна. Следует отметить, что в любовной лирике поэта получил яркое художественно-эмоциональное воплощение мир интимных чувств лирического героя, его напряженное внутреннее состояние. Говоря о мировоззренческой позиции поэта и духовно – этической основе его мировосприятия, следует уделить значительное внимание теме родины, отношения художника к своему народу, его истории, психологии, традициям, без которых он не может представить себе собственную судьбу. Но и в процессе развития столь сложных тем поэт умело вплетает в словесную ткань стиха метафоры, рожденные энергией лирического перевоплощения:

Мал мой край, но родина – нет!
Не бывает родины малой...
Что сказать позабывшим свет
Той, что их на руках качала?

Ты одна у меня, Апсны,
Я тобою взращен и вскормлен,
Каждым вздохом твоей волны,
Каждым стеблем твоим и корнем...

(Перевод А. Передреева)

Заметное влияние на процесс определенной деканонизации традиционного абхазского стиха в 60–90-е годы оказывает творчество А. Аджинджала, выбор формы, стиля в его лирике подчинен творческой воле, стихии художественного воображения. В стихотворении «Мир иной искал я в мире этом...» поэт, погружаясь в состояние психологической самоуглубленности, внутренне пытается смоделировать свою собственную, воображаемую систему устройства мира, моментами наделяя его доходящими до парадоксальности личностно-субъективными свойствами. И завершаются эти рассуждения, ненавязчивым риторическим вопросом, таящим в себе некоторую антиномичность суждений («А сколько же в этом мире миров?»). Так в лабиринтах подсознания поэта идет поиск путей постижения философской истины, способной пролить свет и на разгадку «вечных вопросов». И этой сверхзадаче поэта подчинены интонационно-смысловые акценты:

Мир иной я искал в этом мире,
Я иные искал измеренья –
Необъятнее, выше и шире...
Но природа молчала в смятенье...

В данном лирическом произведении миросозерцание поэта основано на синтезе субъективного и объективного начал, на развитии поэтического образа, мысли по принципу: от частного к общему, от дедуктивного – к индуктивному:

...Я теперь улыбаюсь печально
Над предметом былых заблуждений.
Мир – единый. И вся его тайна –
В неизмерянности значений...

(Перевод Б. Примерова)

Художественное самопостижение сквозь призму субъективного взгляда на окружающую среду, планетарность поэтического мышления, все ярче проявляющиеся в абхазской поэзии в 60–80-е годы, во многом аналогичны способам преломления глобальных тем в творчестве других духовно родственных национальных поэтов. Так, анализируя философскую лирику адыгейского поэта Н. Куека, К. Панранук отмечает: «Стихотворение «Земной шар по сердцу проходит...», давшее название книге, построено в форме диалога Человека и Земли, что придает стихам особую доверительность, задушевность интонации. Лирический герой стихотворения как бы с космических далей смотрит на землю-колыбель человечества, пытаясь единым взглядом охватить все ее проблемы».

В миропонимании Т. Аджба, построенном на взаимопроникновении образов, момент субъективно-индивидуализированного отношения к явлениям природы, выражен ярче, глубже и самобытнее, сравнительно, допустим, с художественно-ассоциативной структурой стихов А. Аджинджала и др. абхазскими лириками. Отношение к миру реальному и миру вымышленному, абстрагированному, мысли о многомерности мира, у Т. Аджба и А. Аджинджала во

многом, конечно,озвучны, ассоциативно родственны, но поэты одного поколения шли к осмыслиению вечных проблем, независимо друг от друга. Результат поиска самого себя в мире художественном и реальном нашел отражение в многосложных лирических образах Т. Аджба:

Порой я странен и неузнаваем,
Вы странностям моим не устаете удивляться.
Но вы же не знаете, причину чудаchestв моих,
Вы же не знаете, что движет мною в те мгновения...

В те мгновения я живу в другом мире,
В мире сотворенном и вымышенном мной.
Он не похож на мир, с которым свыклись вы,
Там, в моем мире, устроено все по-иному...

(Подстрочный перевод В. Зантариа)

Характерным для творческих исканий периода 60–90-х годов становится обращение к отечественной истории, ее философскому осмыслинию, аналитический взгляд на современность, на глубинную суть общественных явлений, сопутствующих развитию цивилизаций и культуры. Историзм мышления, опирающийся на мифологизацию художественного образа – отличительное свойство поэзии В. Амаршана. Подспудный процесс осознания и оценки реальной действительности связан в его стихах с ретроспективным взглядом, стремлением глубоко осмыслить пережитое (сборники «Весенний дождь» (1972), «Моя судьба» (1969), «Созвучие» (1977), «Избранное» (1991). В этих лирических произведениях значительную роль играет исторический фон формирования философского мировосприятия поэта. В стихотворении «Когда-нибудь, когда пройдут столетия...» смысловая доминанта, глубина субъективного анализа

заключается в сохранении внутренне осознанной веры в неистребимость национального духа, в то, что составляет нравственную суть, императив национального самосознания и национальной идеи в целом. И этот образ раскрыт автором в притчево-метафорическом стиле. Смерть предстает в стихотворении, как «условие новой высшей и блаженной жизни духа» (Гинзбург Л. Я.)

Пройдут столетия...Когда-нибудь, когда
Будет сидеть у себя дома абхаз,
погрузившись в тишину...
Вдруг, скрипя, откроется дверь его дома,
И ему послышится, будто это – от ветра...
Но не ветер, это я вхожу в его дом,
минуя столетия....

Пусть истлеет мое тело, но душа моя бессмертна,
Она не покинет землю эту обетованную.
Пройдут века, и когда-нибудь, вновь,
Душа моя посетит жилье абхаза...

(Подстрочный перевод В. Зантариа)

В процессе разработки главных тем, постижения внутреннего мира человека, осмыслиения его индивидуально-личностных качеств наиболее важным для абхазской лирики 60–80-х годов становится стремление к кристаллизации поэтического образа путем усиления ее сквозного воздействия, ассоциативно-метафорической насыщенности. Так, в творчестве Г. Аламиа на первый план выходит метафорическая обобщенность образа, стремление к высвечиванию явлений, составляющих изначальную нравственную суть человеческого существования. И этот принцип в определенной мере способствует формирова-

нию внутренней структуры художественных образов поэта, стилистическую основу которой составляют, аллегории, символы, развернутые метафоры. Следует отметить, что Г. Аламиа один из тех представителей новой плеяды абхазских поэтов, кто достаточно уверенно и системно реализовывал свои творческие возможности в 60–80-е годы в рамках освоения техники верлибра (свободного стиха):

Вдруг среди зимы
Тепло охватило!
В золоте лучей
В парадные двери
Человек вступил
Под своды мирозданья.

И далее развитие многогранной темы «сиюминутное и вечное», «человек и мироздание» происходит путем показа многомерности вселенной, ирреальности образа мира. Испытанный стилистический принцип взаимоотражения лирических образов вновь усиливает сквозную поэтическую мысль, укрупняет образ человека. В стихотворении, не облеченному в привычную форму лирического сюжета, мягким росчерком пера стерта грань между жизнью и смертью:

Летом сердце вдруг
Сжалось, холода,
Через тайный ход,
Под покровом ночи
Тихо человек
Ушел за пределы...

(Перевод В. Еременко)

В плане исследования проблем человеческого существования, познания сути человеческой природы, поиска новых ценностно-нравственных ориентиров, наметившегося в 60–80-е годы, абхазская поэзия и проза во многом перекликаются. Творческое взаимовлияние происходит на идейно-концептуальном, тематическом, стилистическом и художественно-психологическом уровне. В целом, не отрицая утверждения В. Цвинариа о влиянии абхазской психологической прозы на развитие отечественной лирики, А. Аншба считал, что это не единственный и не самый главный фактор, воздействующий на характер становления и качественного обновления национальной лирической поэзии.

Первостепенное значение А. Аншба придавал собственным внутренним возможностям развития и самосовершенствования лирических жанров, основывавшимся на новых художественно-фольклорных трансформациях. В то же время он обращал внимание на опыт развития мировой поэзии, достижения которой в той или иной форме отражались на уровне, характере и качестве развития абхазской лирики. В контексте подобных оценок тенденций, обозначившихся в абхазской прозе и поэзии во второй половине XX века, следует отметить, что определенные художественно-философские созвучия, духовную близость мы ощущаем в поэтическом творчестве Б. Шинкуба, М. Ласуриа, Р. Смыр, В. Амаршан, Т. Аджба, и др. В то же время, если рассматривать эту проблематику в рамках развития абхазской прозы, определенное художественно-эстетическое родство достаточно ощутимо в творческих исканиях А. Гогуа, А. Джения, В. Амаршан, Д. Зантариа. При дальнейшем исследовании вопроса, возникает естественная потребность в более широком изучении мотивов подспудного воздействия мироощущения и взглядов прозаика А.

Гогу на процесс творческого становления некоторых абхазских поэтов и прозаиков психологического направления. По мнению самого А. Гогу, в поэзии Г. Аламия нашли оригинальное сочетание традиции и новаторства поэта, а форма его стиха обусловлена духовными потребностями времени. Эстетическое взаимовлияние абхазской прозы и поэзии – проблема, заслуживающая отдельного исследования, учитывая при этом то, что раскрытие характера взаимодействия литературных родов (жанров) помогает более объективно оценить тенденции развития национальной литературы в целом.

Необходимо подчеркнуть важность исследования художественно-стилистических особенностей развития абхазской лирики 60–90-х годов, которые наиболее ярко проявились в области взаимоотношения человека и природы, художественно-философского осмысления категорий пространства и времени. Истоки художественной интерпретации пространственных и временных концептов следует искать еще в раннем периоде развития абхазской поэзии. Значительных успехов достиг в этом направлении И. Когония (1924–1928 гг.), чьи размышления о скоротечности времен и событий связаны с судьбой человека, с его внутренними тревогами и переживаниями, а в ряде лирических произведений – с собственной душевной драмой. В стихах Б. Шинкуба 70–90-х годов раздумья о смысле человеческого существования и о самоценности человека неразрывно связаны с творческой стихией, с субъективным миром лирического героя, его представлениями о времени, об окружающем мире, пребывающем в состоянии постоянной сменяемости, качественного обновления и преображения:

Да, знаю я, не волнует никого то,
Что я похожу теперь на трухлявый ствол.

Не жду я лестных слов в благодарность
За свою добродетель...

«Неужто, бесследно и бесплодно суждено мне уйти?» –
Так в муках и страданиях я встречаю рассвет.
Но готов я испепелиться, как только
На корневищах моих появится живой отросток...

(Подстрочный перевод В. Зантария)

Эстетическое восприятие природы, подкрепленное психологическим ощущением ее многообразной и неувядаемой красоты, глубоко и живописно проявившееся в лирике Б. Шинкуба, получило дальнейшее оригинальное развитие и в стихах М. Ласуриа. В них проблема художественной интерпретации жизни и смерти, передачи внутреннего состояния лирического героя, исследуется путем воссоздания художественно-ассоциативной связи с природой, метафорического проникновения в скрытую суть природных явлений. Образцом подобного живописно-психологического постижения природы является стихотворение М. Ласуриа «Вы видели, как умирает камень?»:

...Он мчался с ревом окровавленного зверя,
Уже не в жизнь, в одно возмездье веря,
Крошилось тело – сыпалось, кололось,
И, наконец, остался только голос!

И тот замолк...Ни грохота, ни стона,
Зарылся и затих в кустах рододендрона.
Я дальше шел и озирался поминутно
На глыбы, нависающие смутно...

(Перевод Ф. Искандера)

Уже в 2001 году в стихотворении М. Ласуриа «Млечный путь», отражающем метафорическое единство мгновенного и вечного, заметно усиливается художественно-философская значимость пространственно-временных параметров.

Формированию образа (модели) поэтического мироисприятия Т. Аджба предшествовал опыт долгих и сложных художественно-философских исканий. В стихотворении «Долгожданный свет звезды» – мы имеем дело с идентификацией мифопоэтического образа недосягаемого звездного сияния с символом света – источника жизни, неиссякаемой духовной энергии. Стремясь уподобиться той звезде, чей немеркнущий спасительный свет доходит до человека как бы из небытия, вновь проникая в глубины всего животворного и нетленного, лирический герой обращается к людям с риторическими вопросами, несущими в себе и сомнения, и душевные волнения, и веру в чудодейственность небесных сил:

Удастся ли мне избежать участи той звезды незримой?
Чью душу озарит тот свет,
что и мне дано излучить когда-либо?

Покуда жив я, дойдет ли свет моей души до вас?
Но пусть горит, испепеляется душа!...

Пусть я не дождусь, но вы дождитесь света
Души моей бессмертной!

(Подстрочный перевод В. Зантария)

На фоне напряженных и плодотворных философских исканий в абхазской лирике 60–80-х годов, вызывает значительный интерес своеобразная поэтическая полемика

по поводу отношения человека (творческой личности) ко времени и окружающему миру. Так, например, Т. Аджба создает в отдельных стихах, написанных верлибром, достаточно парадоксальные пространственно-временные контаминации:

Чем больше зрелости во всем,
Тем весомее все
В этом мире...
Однако зрелость, наполненность –
Признак легковесности времени...
А пустота, воздушность,
Мерило его (времени) весомости, значимости...

(Подстрочный перевод В. Зантария)

В ином художественно-семантическом поле предстает образ времени в лирике Г. Аламиа, чьим поэтическим мeditациям также свойственен ярко выраженный субъективизм мироощущения:

Время прошедшее, отшумевшее –
Пусто и легковесно...
Судьбу того, кто успел прервать времени полет –
Спутать невозможно с чьей-либо судьбой...

(Подстрочный перевод В. Зантария)

В 60–90-е годы в творческих исканиях некоторых абхазских поэтов, лирическим произведениям которых изначально была свойственна определенная чувственно-эмоциональная напряженность, начинает преобладать тяготение к глубокому осмыслению связи времен и событий, стремление раскрыть глубоко социальную значи-

мость человека, внутреннюю суть его индивидуальных качеств. Так, в отдельных стихотворениях А. Аджинджала усиливается интерес к художественному исследованию духовных истоков личностного самосознания человека, причин дисгармонии между его внутренним мироощущением и окружающей средой. И нередко процесс подобного постижения природы человека происходит в стихах А. Аджинджала сквозь призму мифотворческого мировосприятия. Лирическому герою стихотворения «Будто я преобразился в Ачапа-Джамхуха...» снится будто Джамхух – сын олена – это он. Как бы нутром угадывая его мысли, сказочный олень «ветвистыми рогами, задев край неба, сыплет ему за ворот крошево звезд...» (Подстрочный перевод В. Зантири).

В то же время результатом духовно-эстетических исследований поэта становятся лирические произведения, несущие в себе идею некоего внутреннего протesta против бездуховности, урбанизации, способной обесценить высшие нравственные ценности, обезличить народную культуру. В стихотворении «На заре раздался конский топот», образ старинного фаэтона, в мгновение ока промчавшегося на рассвете по городу, символизирует духовное начало, ностальгию по утраченной поэтичности, по возвышенному:

...Он летел ко мне через столетья,
Освежив мой век своим теплом,
Он исчез, оставив чудный ветер,
Чудный сон о времени былом.
И рассвет пошел за ним по следу,
И родившаяся вновь земля,
Поезда, машины и ракеты
Понесла дорогами, пыля.
И потом, в огне тепла и света,
Как подарок канувших времен,

Вырос день грядущего столетья,
Сам собою странно удивлен...

(Перевод Б. Примерова)

Анализ опыта творческих исканий абхазских поэтов показывает, что, находя различные способы художественных интерпретаций темы взаимоотношений человека и природы, трактовки понятий пространства и времени, они сохраняют то духовно-эстетическое родство, которое сближает их концептуальные взгляды в процессе формирования национального образа мира. И такие тенденции наиболее весомо и многопланово проявились в 70–90-е годы, когда художественное осмысление внутреннего единства микро и макромира, стало занимать главенствующее положение среди проблем, имеющих общечеловеческую значимость.

Анализ ряда поэтических произведений способствует выявлению концептуальной взаимосвязи между национальным художественным сознанием и национальным характером, нашедшим воплощение в наиболее яких образцах отечественной лирики. При исследовании различных аспектов данной проблематики, нами делается акцент на нравственно-этической интерпретации образов, ибо психологические нюансы нравственного кодекса «апсуара» имеют определяющее значение в разработке художественной системы ценностей, подразумевающих национальное возврение на мир. «В известном смысле история литературы есть история кристаллизации национальной идеи» (Султанов К. К.). Говоря об эволюции общественного самосознания абхазов, следует отметить роль ряда художественных произведений, в том числе и образцов гражданской лирики, оказавших мощное воздействие на развитие национальной идеи. В начале прошлого столетия мысли о родине, об исторической судьбе абхазского

народа, свободолюбие и политическая воля которого составляют первооснову, социально-нравственное ядро национальной культуры и духовности, обрели программную значимость и масштабность в творчестве Д. Гулиа, С. Чанба, И. Когониа, М. Лакербай и др. И по сей день подхлестывают бдительность и историческую память народа такие шедевры патриотической лирики, как «Моя Родина» (1920) – Д. Гулиа, «Дева гор» (1919) – С. Чанба, «Дмитрию Гулиа» (1919) – М. Лакербай. Примечательно, что написаны они почти в одно и то же время, когда на фоне больших политических потрясений, захлестнувших Абхазию, абхазскому народу, вновь оказавшемуся на историческом перепутье, предстояло вновь выбрать и выстрадать путь самостоятельного и полноценного развития.

Во второй половине 50-х годов, постепенно освобождаясь от идеологических наслоений и отпечатков тоталитарной системы, издержек так называемого классового мировоззрения, абхазская литература смелее обращалась к собственным духовным истокам, к исследованию и переосмыслению предшествующего художественного опыта. Изъяны идеологии социалистического реализма негативно сказались на многих литературных произведениях, страдавших поверхностностью, схематизмом, не отражавших глубоких социальных противоречий и закономерностей развития общества. Но в абхазской поэзии 50-х годов (позже и в прозе) внутренне созревала ситуация, способная привести к духовному прорыву. Такие произведения, как «Мой очаг» (1954), «Олень» (1952) «Вот, кто я...» (1957) – Д. Гулиа, стихи и поэмы А. Ласуриа «Рождение» (1953), «Юбилейная» (1955), стихотворение Б. Шинкуба «Отец» (1943) из цикла «Владимир Харазия», его же – «Скала» (1960) и др. дали мощный творческий импульс национально-этническому самосознанию. Позже, в начале 60-х годов осмысление национальной психологии становится органичной

частью художественных рефлексий ряда абхазских поэтов, прозаиков, драматургов. Так, в стихотворениях Б. Шинкуба «Раида-гуша» (1968), «Венеция» (1969), «Остановились мы где-то в окрестностях Рима...» (1969), «Абхазка в белой блузке» (1969), «Пастух» (1982), «Конник приближался, словно буря» (1982) лирическому герою, где бы он ни находился, куда бы его ни забрасывала судьба, сопутствует образ родной Апсны, неувядаемые абхазские пейзажи, неповторимый рельеф родной земли, без которых немыслимы неповторимые особенности национального характера.

Порой в лирике Б. Шинкуба, какой-либо штрих, какая-либо, кажущаяся на первый взгляд незначительной, художественная деталь приобретают черты утонченной образности, из которой складывается национальная специфика поэтического символа. Так, в стихотворении о любви «Раида-гуша», где лирический герой встревожен тем, что нигде не находит любимую девушку, песнь облегчения «раида-гуша» используется не только в качестве рефрена и интонационного курсива, но и образа, приобретающего стилем-образующую значимость.

Философская интерпретация проблем национальной ментальности, образа мышления и этнокультурной самобытности становится частью художественного мировоззрения абхазских поэтов, в творчестве которых национальная картина мира вырастает из глубоких пластов духовной взаимосвязи прошлого и настоящего. Ярким образцом лирико-философской и мифопоэтической трансформации является, например, стихотворение М. Ласуриа «Прощание». Лирическая ситуация, изображаемая поэтом, достаточно драматична. Сцена прощания мужа с умершей женой оказывает глубокое чувственно-эмоциональное воздействие на читателя, хотя этот ритуал, испокон веков несущий в себе сакральный смысл, должен быть подчинен определенным поведенческим нормам (абхазские муж-

чины выражают свою скорбь по умершим женам скрыто). Зная об этих тонкостях абхазского этикета, мастер смог найти ту золотую грань (допустимую условность) между традиционной реальностью и художественным вымыслом, которая позволила ему придать лирическому образу достаточную психологическую мотивированность. По характеру своему данное произведение соответствует художественной специфике лирической новеллы:

Никто не видел, не слыхал,
Как он тогда над нею замер,
Как он лицо ей согревал
Своими жаркими слезами.

...За ним – когда он выходил–
Ее живой тянулся голос.
И шаг его тяжелым был,
Всей тяжестью земли тяжелым...

(Перевод А. Передреева)

Отмечая структурообразующую значимость единства художественно-философского и духовно-этического начал в данном стихотворении, литературоведы и критики дали ему достаточно аргументированную оценку. Привлекает внимание следующая точка зрения: «...Так раскрывается в стихах истинный смысл древнего обычая, требующего не показного «мужественного» бесстрастия, чистоты и полной неподдельности страдания» (Кожинов В. В.)

Художественная интерпретация всего того, что мы называем совокупностью абхазской этнокультурной традиционности, находит многогранное отражение в поэтическом творчестве Р. Смыр. Его лирика – это своеобразное исследование истории национального духа, образа жизни,

психологического склада нации. Яркими примерами проникновения в суть «апсуара» являются такие произведения, как «Кремень», «Апсны», «Дмитрию Гулиа», «Голос», «Сасрыква», «Апсарская крепость», «Абхазские колыбели», «Смерть старца» и др. Поэт глубоко вникает в подтекст того, что составляет духовную и ментальную основу развития и самоутверждения нации. Его беспокоит вопрос взаимоотношения времени и истории, отражения духовной ситуации на формировании и росте самосознания народа. В некоторых стихах эти идеи преломлены в стиле художественно-публицистического выражения взглядов, в других – путем образно-метафорического осмысливания исследуемой темы. Образцом подобной символизации идейной основы произведения является стихотворение «Кремень», давшее название сборнику, вышедшему в 1976 году. Здесь образ кремня предстает, как символ прочности извечных ценностей, незыблемости и непоколебимости национального духа:

...Поэт, пройди свой путь достойно,
Метель и выюга пусть не тревожат тебя!
Слова свои оттачивай, ты кремнем,
Чтобы песнь твоя звучала величаво!

(Подстрочный перевод В. Зантария)

Духовно-эстетические и мировоззренческие истоки национального самосознания следует искать в глубинных пластах абхазского фольклора, но синтез мифоэпического и литературного сознания, происходящий в результате длительного процесса художественных трансформаций, выводит на качественно новый уровень развитие образного мышления в целом.

Анализируя конкретные материалы, оценивая наметившиеся в начале XXI века тенденции, мы склонны придавать

принципиальную значимость сохранению логической связи между развитием национальной литературы военного (1992–1993 гг.) и послевоенного периода и ее современным состоянием. В таком контексте представляется более доступной проблема определения задач и приоритетов, стоящих перед всей отечественной литературой на нынешнем этапе.

Заметная актуализация отношения поэта к явлениям природы, гуманитарным проблемам и общественным процессам на фоне их усиливающейся урбанизации, художественное самопознание, мотивированное отчасти идеей переосмыслиния условий человеческого существования – все это становится органической частью духовных исканий современной абхазской поэзии (лирики). Созданное на стыке 80-х и 90-х годов прошлого столетия стихотворение Б. Шинкуба «Лебедь» (1985) в классическом живописно-пластическом стиле раскрывает стремление поэта к внутреннему осмыслинию красоты и его тревожное душевное состояние, вызванное предчувствием надвигающейся бури, способной погубить сказочную птицу – живое олицетворение воспеваемой красоты.

...Безмятежным казался ей простор морской,
Плыла она, не ведая страха, красавица-лебедь.
Тянули ее волны беспощадно на дно,
Но вновь она выплывала гордо...

Сгущаются тучи, теребит их ветер,
Вот-вот разразится гроза...
Но перед красотой ничтожна стихия,
Вот, о чём думал я в тот миг...

(Подстрочный перевод В. Зантария)

В. Цвинариа склонен был находить в этих эстетических воззрениях Б. Шинкуба отголоски великого изречения Ф. Достоевского «красота спасет мир», несущего в себе глубокий философский смысл. «Поэт прекрасно осознает, что в современном мире красоте грозит реальная опасность, но он с глубокой внутренней уверенностью говорит «что опасность бессильна, мертва перед красотой» (Цвинариа В.Л.). Вера поэта, его убеждения, ценностные взгляды, получающие высокое и самобытное воплощение в лирическом произведении, перерастают в многоплановый образ концептуального характера.

Новые задачи выдвинула перед абхазской литературой ситуация, связанная с грузино-абхазской войной 1992–1993 годов, когда встал судьбоносный вопрос быть или не быть абхазскому народу, его генофонду, абхазской национальной государственности, вековым традициям, языку, культуре. Образ родины, народа, вступившего в неравную схватку с грузинскими агрессорами, занял доминирующее положение в тематике и сюжетике лирических стихов, баллад, поэм, посвященных независимости и свободе священной Апсны. И выстраивание художественно-образной системы в этих произведениях происходит на основе идейных и духовно-этических субстанций. И подобная характерологическая направленность патриотической лирики периода Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 годов достаточно ярко и масштабно отразилась в стихах, балладах, поэмах мастеров поэтического слова – представителей разных литературных поколений.

В напряженную предвоенную пору и в период грузино-абхазской войны стали появляться в абхазской прессе на абхазском и русском языках стихотворения, рассказы, повести, притчи Д. Зантария, насыщенные глубокими раздумьями о времени, о вечности, о жизни и смерти, о любви и красоте. Яркие метафоры, отражающие культуру образ-

ного мышления поэта, богатство его мироощущения, несут в себе свойства качественно новых художественно-смысловых перевоплощений. Позже, в 90-е годы, его рефлексивная лирика, самобытная и многоплановая проза (роман «Золотое колесо»), обратили на себя внимание не только абхазской, но и русской критики. Разножанровые произведения, которым свойственна яркая мифотворческая направленность, заняли достойное место в современной русской и абхазской литературе. Писатель нашел путь «...продолжение которого сулило мировую мощь» (Битов А.)

Говоря о характере художественного воплощения драмы Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993, следует отметить психологическую достоверность образов М. Ласуриа, Р. Смыр, В. Амаршан, С. Таркил, Р. Ласуриа в их стихах, балладах, лиро-эпических поэмах, посвященных военной тематике. В частности, в стихотворении «Лоза» Р. Ласуриа, поэт нашел лирическую нотку, интонацию, послужившую творческим импульсом к художественному воссозданию образа самой грузино-абхазской войны, трагической ситуации, оставившей незаживаемые раны не только в сердцах людей, но и в жизни абхазской природы. Так, образ виноградной лозы, пронзенной вражеской пулей и беспомощно стремящейся обвить, как прежде, ствол дерева, к которому она успела природниться, идентифицируется в данном лирическом произведении с символом неиссякаемости жизненных сил, непрерывности изначального движения и развития:

Весна, уцелевшая от войны,
И радостна и грустна.
Весна моя, умудренная страданиями,
Пытается вернуть лозе прежнюю жизнь...

(Подстрочный перевод В. Зантария)

Тема жизни и смерти, противоборства добра и зла, сиюминутного и вечного получила глубоко самобытное и яркое художественное воплощение в стихах С. Делба, героически погибшей в боях за освобождение Абхазии. Ощущение внутренней свободы, раскованности, силы и энергии творческой воли ассоциируются в лирике поэтессы с мыслями о свободе, независимости страны, народа, о духовных корнях, изначальной идее самосохранения нации. Судьба поэтессы неразрывно связана с судьбой Родины, соплеменников:

Иду я, омывая слезами стены крепостей,
Беззвучным камням, даря жизнь.
Иду туда, где когда-то были слышны при чтения матерей,
Где высохли родники не вернувшихся бойцов...

(Подстрочный перевод В. Зантария)

В послевоенный период проблема духовного самоочищения и возрождения народа, объективного и масштабного философского обобщения предшествующего исторического опыта, восстановления творческого потенциала нации, диктуемая социальной необходимостью, стала наиболее актуальной и приоритетной для национальной художественной культуры в целом. В то же время, не менее актуальным становится анализ ситуации, связанной с дальнейшим развитием событий, с международной перспективой страны, которой предстоит преодолеть на пути самоутверждения еще немало подводных камней, внутренних противоречий и сложностей. Такова авторская концепция, составляющая смысловое философское ядро стихотворения М. Ласуриа «Ты, мой большеглазый бык!» (2005), посвященного раздумьям о судьбе Родины. Здесь

мы имеем пример аллегорического сравнения Апсны, по неволе ставшей яблоком раздора между сильными мира сего и неким объектом внутренних распрей. Сравнение родины поэта с некогда мощным, могучим быком, вынужденным вступать ныне в схватку с неравными силами, – приобретает свойства многогранного мифопоэтического и философского образа.

В послевоенной лирике М. Микая, С. Таркил, Р. Ласуриа и др. авторов все зримее и явственнее обнаруживаются следы естественного усложнения художественной структуры стиха. И это, на наш взгляд, мотивировано отчасти стремлением поэтов раскрыть волнующие их проблемы сквозь призму субъективно-мистического мироощущения. Так, в стихотворении Р.Ласуриа «Мужчины» ощущение безысходности и страха за судьбу своего народа передается через мифологизацию поэтического образа. Развитие лирической ситуации таково, что лирический герой сталкивается на рассвете с угнетенными невыносимым горем мужчинами, несущими куда-то в неизвестность чайто прах. Но в итоге, развитие сюжета подводит читателя к пониманию того, что то, что несли мужчины – это было не что иное, как некое аморфное проявление национального духа, обреченного на самоуничтожение. Однако и в последние мгновения своего существования, в представлении поэта, Дух абхаза, окруженный ореолом таинственности, излучает спасительный свет добра и надежды. Внутренне осознанное стремление автора использовать метафору как средство проникновения в подсознательный мир, во внутреннее состояние души – становится частью психологии его творчества, характерным свойством поэтических обобщений поэта. И подобные художественно-стилевые особенности творчества некоторых абхазских поэтов несут в себе симптомы заметного перерастания в определенную тенденцию, в современную форму вопло-

щения идеи. С примерами удачного взаимопроникновения (синтеза) элементов мифологического и литературного сознания мы встречаемся в творчестве современных абхазских поэтов М. Ласуриа, В. Амаршана, Р. Смыр, М. Микая, Г. Аламиа, И. Хашба, А. Лагулаа, Е. Ажиба, Г. Квициниа, Г. Сакания и др.

В абхазской поэзии, как и во всей отечественной литературе в целом, усиливается актуальность проблемы художественного моделирования национального образа мира, т.е. определения сетки координат, позволяющей абхазу увидеть мир в ракурсе, подсказанным собственным взглядом, мировосприятием. Образно такое понимание мироустройства можно было бы назвать абхазским космосом. Обращает на себя внимание стихотворение М. Ласуриа «Тебе, потомок!..», в котором мир предстает взору читателя сквозь призму благих деяний человека, его идей и помыслов. Автор противопоставляет бездумному отрицанию ценностей, лицедейству, бездуховности и разрушительным последствиям урбанизации – человечность, глубокий смысл творчества, силу духа и созидальное начало.

В современной отечественной лирике по-прежнему сильны мотивы, связанные с историей, ретроспективной оценкой драматических событий, художественно-философским осмысливанием проблем этнодуховной идентичности. В послании Д. Абыгба, вмешенном в рамки восьмистишия, Н. Квициниа, вступая в доверительный диалог, улавливает в ностальгическом голосе зарубежного соотечественника тревожные отзвуки прошлых событий. И в постоянном трепетном упоминании названия исторической родины (Апсынра), интонационно выделенном в стихе – источник неистребимости великого духа соплеменников, волею судьбы и трагических обстоятельств оказавшихся на чужбине. Следует отметить, что в абхазской поэзии, как и в национальной литературе в целом, начиная со второй

половины 50-х годов наблюдается актуализация темы духовных взаимосвязей зарубежной (турецкой) диаспоры с исторической родиной. Творчество О. Беигуаа и др. авторов, пишущих на родном языке, сохраняет в себе пульсирующее в их исповедальных стихах и др. произведениях чувство привязанности к собственной истории, культуре, традициям.

В стихах В. Амаршана, придерживающегося преимущественно традиционно-классического стиля, в последние годы приобретают характерные черты образы и метафоры, ассоциирующиеся с притчево-мифотворческим художественным мышлением. Так, в стихотворении «Беспокойство» поэт создает лирическую ситуацию, в которой как бы из непостижимой стихии мифотворчества вырастает целый лес посохов, вдруг начинающих «громогласно» выражать боль и переживания своих ушедших в небытие хозяев:

...Из глубины веков я слышу голоса:
–Хайт, амарджа, уараид, имыхуа!–
Земля родная, так и не утихла боль твоя,
Издревле сражались за твою свободу,

Вскормленные (вспоенные твоими
живительными соками) сыновья!..

(Подстрочный перевод В. Зантири)

Таким образом, в символических сцеплениях, составляющих основу образной структуры стиха, происходит естественное взаимопроникновение реального и художественного времени.

В развитии абхазской поэзии (лирики), как и в формирования национальной образной системы в целом, значительную роль сыграл фактор активного и плодотворного

взаимодействия национальных литератур, происходивший, несмотря на деструктивные последствия политических потрясений, в русле новых художественно-стилистических исканий. Уникальный опыт творческого взаимовлияния русской и абхазской и др. литератур несет в себе свойства их взаимной обусловленности и зависимости, приметы возникновения (формирования) новой иерархии связей, которые можно было бы рассматривать в контексте широкого толкования понятий «межлитературная общность», «межлитературный процесс», «взаимодополнение и компенсация» литературных ценностей (Дюришин Д.). Результаты художественно-эстетических изысканий таких признанных мастеров слова как Ф. Искандер, Д. Зантирия, представления о преломленной через их сознание многомерной (в чем-то, и ирреальной) картине мира, дают основание допускать мысль о том, что «специфическое развитие каждой самобытной литературы» и ее способность вносить свой вклад в межлитературный процесс значительным образом влияют на усиление творческих интеграционных тенденций. Проблема двоемирия (а моментами и троемирия) в системе художественных взглядов Ф. Искандера, А. Гогуа, и Д. Зантирии нуждается в дополнительном многогранном исследовании, наряду с вопросами, связанными с ситуацией пребывания их героев в условном пространстве слияния и взаимопроникновения мифоэпических и реалистических художественных пластов.

Следует отметить, что абхазская поэзия (как и в целом вся абхазская литература) занимает значительную нишу в едином, исторически формировавшемся духовном пространстве литератур народов Кавказа. В основе взаимодействия, взаимообогащения абхазской, абазинской, адыгейской, кабардинской, черкесской и др. духовно родственных литератур изначально лежала идея сохранения этнокультурной идентичности народов, истоки которой

лучшие представители этих литератур искали в нравственном кодексе «апсуара», «адыгага», в императиве национального самосознания, в глубоких залежах народной культуры. В той или иной форме, теми или иными художественно-стилистическими приемами идеи духовного самопостижения и самосохранения народов Кавказа были реализованы на этапах становления национальных литератур в разножанровых произведениях Д. Гулиа, И. Когониа, Б. Шинкуба, Т. Керашева, Т. Табулова, Б. Пачева, А. Шогенцукова, Х. Абукова, А. Кешокова, И. Машбаша и др. Эстетические взгляды этих крупных творческих индивидуальностей были духовно родственны гуманистическим устремлениям, художественному мировидению Р. Гамзатова, К. Кулиева, придавшим набору непреходящих кавказских нравственных ценностей качественно новую общечеловеческую значимость и звучание.

Выход абхазской поэзии, прозы, их лучших представителей на уровень европейских литературных эталонов стал возможным благодаря напряженным художественно-философскимисканиям, приведшим к несомненным эстетическим результатам. Факт участия Б. Шинкуба в Форуме европейских поэтов в Будапеште (1970), на наш взгляд, следует расценивать как проявление признания достижений мастеров абхазского слова, абхазской художественной культуры. Событийное значение имел выход на языке оригинала крупного двухтомного (2001) и однотомного (2009) изданий «Антологии абхазской поэзии XX века» (Сухум-Москва. Составитель – М. Т. Ласуриа), сконцентрировавших в себе неповторимое качественное своеобразие лучших образцов национальной поэзии.

Значительное воздействие на развитие абхазской литературы, в частности, поэзии, оказывает художественный перевод, благодаря которому отечественная словесность заметно обогатилась как в плане совершенствования на-

циональной образной (художественной) системы, стиля, структуры художественной речи, так и в плане расширения лексико-семантических возможностей абхазского литературного языка. Наиболее органично вписались в процесс развития абхазской поэзии, ее глубокого проникновения в сферу взаимообогащения художественных пластов русской и абхазской культур, переводы на абхазский язык стихов, баллад, поэм А. Пушкина, М. Лермонтова, Ф. Тютчева, А. Фета, А. Блока, С. Есенина, А. Ахматовой, М. Цветаевой, Н. Гумилева, Б. Пастернака, В. Маяковского, М. Цветаевой, О. Мандельштама, М. Волошина, Н. Тихонова, А. Твардовского, К. Симонова, Ф. Искандера, Е. Евтушенко, Б. Ахмадулиной, Ю. Кузнецова, Н. Рубцова, Р. Казаковой, А. Тарковского, С. Куняева, Л. Озерова и др.

Сравнительный анализ переводческой деятельности, осуществляемой абхазскими авторами на протяжении ряда десятилетий, позволяет сделать вывод о том, что работа мастеров абхазского художественного слова основывалась на наиболее важном, контекстуально значимом, принципе: сохранении не только духа, пафоса, смысловых и образно-символических качеств оригинала, но, и по возможности, его ритмико-интонационных и метрических особенностей. Здесь достаточно ярко и многогранно проявились талант и мастерство опытных абхазских поэтов-переводчиков. Отдельные шедевры русской лирики, блестяще воспроизведенные на абхазском языке, успели стать со временем и органичной частью, произведениями абхазской литературы, ее достоянием. Наиболее удачные в профессиональном плане переводы выполнены Д. Гулиа, Б. Шинкуба, М. Ласуриа, Ч. Джонуа, В. Ацнариа, Н. Квициниа Т. Аджба, В. Амаршан, Г. Аламиа, Д. Чачхалиа и др. Следует отметить, что абхазская поэзия обогатилась также и целим рядом высокопрофессиональных переводов (с языка оригинала) произведений мировой поэтической классики.

Так, отдельной книгой вышла на абхазском языке лирика Г. Гейне (переводчик с немецкого – В. Ацнариа). Им же блестяще переведены и опубликованы стихотворения и баллады Гете, Шиллера. Перевод с английского на абхазский язык сонетов Шекспира выполнен Б. Амичба. Через посредство подстрочного перевода и русского языка озвучены на абхазском языке стихотворения Байрона, Мицкевича, Верлена, Бодлера, Рильке, Лорки, Киплинга, Бернса, Петефи и др.

Говоря о достижениях современной абхазской поэзии в плане новых художественных открытий, глубокого исследования внутреннего мира человека, обогащения собственного художественно-философского мировидения, нельзя не отметить, что накопленный опыт дал сильный импульс формированию нового типа литературного сознания. Современное поколение абхазских поэтов, не теряя естественной связи с фольклорно-эпическими традициями, в то же время достаточно активно вовлечено в процесс создания новой художественно-стилистической системы, способствующей раздвижению рамок эпического мировосприятия. Взаимодействие и синтез лирического начала с мифоэпической образностью приобретает характерную значимость в творческих (стилевых) исканиях ведущих абхазских авторов. Развитию лирики, лиро-эпических жанров сопутствовал на разных этапах развития процесс успешного освоения мастерами поэтического слова широких возможностей стихотворного эпоса (эпической поэмы, романа в стихах). Поиски в этом направлении ознаменовались такими крупными эпическими произведениями, как «Мои земляки», «Песнь о скале» – Б. Шинкуба, «Золотое руно», «Отчизна» – М. Ласуриа, «Абрскил» – В. Анкваб др.

Судя по высокому профессиональному уровню лучших образцов современной абхазской лирики (лиро-эпических жанров), отражающих эволюцию художественного

сознания, пути и способы стилизации эпических традиций, отечественная поэзия конца XX начала XXI века уверенно вступила в фазу качественно нового осмыслиения духовных и нравственных ценностей, составляющих внутреннюю субстанциональную основу национального философского мировоззрения.

Процессы, связанные с определенной деканонизацией классического абхазского стихосложения, наметившиеся в 60–80-е годы, тяготение к верлибу и некоторым другим нетрадиционным поэтическим формам, сопряжены с нарушением устоявшихся закономерностей развития поэтического языка. Однако, в целом, эта тенденция не препятствует художественно-стилистическому обновлению наиболее распространенных, устоявшихся форм абхазского стиха, совершенствованию и обогащению арсенала выразительных средств. На наш взгляд, эти процессы идут на определенных этапах развития как бы параллельно, взаимодействуя на концептуально-философском уровне, способствуя преодолению консерватизма поэтического мышления. При этом творческий опыт, наработанный современной абхазской поэзией (лирикой), свидетельствует о том, что магистральный путь развития и усовершенствования поэтической образной системы по-прежнему связан преимущественно с классическим направлением.

Нами прослежен поэтапный путь преодоления стереотипов фольклорной поэтики и формирования целостной национальной художественной системы. На основе исследования процесса определенного взаимодействия мифоэпического и литературно-художественного мышления, синтеза этих двух типов сознания, мы предприняли попытку выявить общие закономерности развития национальной поэзии (лирики), охарактеризовали пути поиска национальной модели мира, постижения его многомерности, пространственно-временных параметров.

В первоначальном периоде своего профессионального становления и роста в абхазской поэзии (лирике) существовали и взаимодействовали в определенной степени два разных художественно-стилевых направления: познавательно-рационалистическая форма выражения авторской идеи и пластически-живописный (субъективно-эмоциональный) характер мировосприятия. Это можно проиллюстрировать на опыте (примерах) художественных исканий Д. Гулиа, И. Когониа, которых, несмотря на различие форм их поэтического самовыражения, манер письма, авторских индивидуальностей, стилей, сплачивала национальная идея, сближали нравственные императивы положений «апсуара», во многом созвучных христианским заповедям и общемировым ценностям.

Идейно-концептуальная направленность абхазской лирики XX века, – являющейся главным объектом данного аналитического исследования, – основывается на качественно новом и многоплановом раскрытии художественного образа времени, народа, личности. В духовно-эстетическом пространстве отечественной лирики, как и всей национальной литературы, Абхазия, ее природа, самобытная художественная культура, традиционный нравственный кодекс сосуществуют со всем многообразным миром, его многослойной культурной сокровищницей. Развитию абхазской поэзии на всех этапах сопутствовал процесс достаточно интенсивного приобщения к традициям, историческому и духовному опыту других национальных литератур, и в первую очередь русской. И в этой ситуации абхазская лирика, как и другие литературные роды (эпос, драма), испытала на себе благотворное воздействие «межнационального перекрестного опыления» (Искандер Ф. А.).

Если рассматривать абхазскую лирику не только в контексте достижений национальной поэзии, но и в сравнении

с бесценным опытом мировой поэзии, то критерий оценки уровня отечественной лирики, на наш взгляд, следует искать в первую очередь в художественной достоверности психологического анализа, глубине и масштабности философской мысли. В плане нового осмыслиения взаимоотношения человека и природы, их обратной связи, лирика Б. Шинкуба, мощь его художественной интуиции, новаторский характер шинкубовского стиха, оказали преобразующее воздействие на культуру поэтического мировосприятия в целом. Субъективно-чувственное и повествовательно-пластическое начала предстают в своем естественном синтетическом единстве в многоголосом творчестве поэта, чьи лирические и лиро-эпические произведения имели этапное значение в развитии национального лирического образа в 30–60-е годы.

60-е годы прошлого столетия, по сути, стали переломными в абхазской поэзии в плане художественного исследования ключевых тем, их историко-философской интерпретации, качественного обновления образной структуры лирических произведений и других лирических жанров.

В 70–90-е годы в абхазской лирической поэзии более зримо и многопланово обозначились: ассоциативность образного мышления, результаты художественного исследования глубин подсознания, что в свою очередь ставило перед абхазскими поэтами задачу поиска новых поэтических форм, оригинальных композиционно-стилистических приемов. Это видно на примере лирических стихов (баллад, поэм) Б.Шинкуба, М.Ласуриа, Р. Смыр, Т. Аджба, Г.Аламиа и др. Следует также отметить, что их произведениям присуща внутренняя сила лирического переживания, чувственно-эмоциональная и смысловая насыщенность. В данной работе нашли отражение характер и способы исследования мировоззренческих вопросов в поэтическом творчестве А. Аджинджал, М. Микая, В. Амаршан, Г. Ала-

миа, Р. Ласуриа, И. Хашба С. Делба, Г. Сакания, Г. Квициниа, Е. Ажиба, А. Лагулаа, В. Когония и др. Обращение к проблеме исследования абхазской поэзии в контексте художественно-философского мировосприятия вызвано необходимостью выработки концептуального взгляда на данную ситуацию и обобщения результатов художественных изысканий, предполагающих многообразие стилей и форм. В этом смысле вызывают определенный интерес процесс взаимодействия художественной (поэтической системы), основанной на традиционном опыте, и новых тенденций, характеризующихся перемещением ценностного центра в сферу внутренних побуждений лирического героя, психологической достоверности лирического переживания. В творчестве Г. Аламиа, Д. Зантариа, С. Делба и др. мы сталкиваемся с тем неповторимым проявлением полифонии, который М.М. Бахтин оценивал как «вечную гармонию неслиянных голосов». В работе дан анализ множества текстов, свидетельствующих о том, что со второй половины 50-х годов прошлого века в абхазской поэзии стала углубляться концепция художественного воплощения национальной картины мира, психологических особенностей национального характера. Абхазская философская лирика, сумевшая воссоздать художественно трансформированный образ традиционного абхазского космоса, исследовать противоречивость внутреннего мира человека – давно уже созрела как духовно-эстетическая сфера, заслуживающая специального многогранного анализа и оценки. Данное исследование открывает путь для таких серьезных обобщений.

Развитие абхазской лирики на протяжении всего ХХ и начала ХХI века происходило во взаимосвязи с богатым опытом современной мировой поэзии. Определенное воздействие на абхазскую лирику, как и в целом на всю литературу, оказывал достаточно интенсивный и плодот-

ворный процесс художественного перевода лучших образцов русской и мировой поэзии на абхазский язык. В то же время следует отметить, что абхазская поэзия (как и вся отечественная литература в целом) в силу исторических, духовных и генеалогических причин изначально занимала определенную нишу в развитии общекавказской культуры, в процессе взаимовлияния литератур народов Кавказа.

Влияние русской и мировой поэзии сыграло значительную роль в развитии абхазской лирики, в исследовании общечеловеческих проблем, в поиске новых стилевых и композиционных приемов. Органически впитывая в себя достижения мировой поэзии, отечественная лирика не утрачивала своей изначальной способности влиять на формирование национального художественного мировоззрения, сохраняя при этом свою духовную самодостаточность и самобытность, приверженность высоким нравственно-эстетическим идеалам, активно способствуя углублению философского самопознания.

О ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ АБХАЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Зарождение и развитие абхазской художественной словесности, питающейся древнейшими фольклорно-мифологическими истоками, связано с созданием письменности в конце XIX-го столетия. Основоположником абхазской литературы является Д. И. Гулиа (1874–1960), занимающий значительную нишу не только в истории отечественной литературы, но духовной культуры в целом. Огромны его заслуги на просветительском поприще, а также в области перевода на абхазский язык богослужебной литературы (в том числе и «Евангелия»). Значительную роль в развитии художественного сознания абхазов сыграл сборник Д. И. Гулиа «Стихотворения и частушки», вышедший в 1912 году, а также его же рассказ «Под чужим небом»(1918). К плеяде наиболее ярких, влиятельных фигур – сподвижников Д. И. Гулиа, оказавших плодотворное воздействие на становление абхазской литературы, формирование ее жанрово-стилистических направлений, относятся С. Чанба, И. Когония, М. Лакраба, И. Папаскир, Д. Дарсалия, М. Хашба и др. В поэтическом творчестве И. Когония многограново и самобытно отразилось его субъективное мировосприятие, философская направленность его крупных художественных обобщений. Популяризации достижений абхазской литературы способствовали: первая абхазская газета «Апсны» (1919–1921), сборник «Ецаджаа» («Созвездие»)(1928). В 20-е 30-е годы прошлого столетия заметное влияние на процесс углубления художественного освое-

ния действительности оказали такие видные мастера абхазского художественного слова, как Л. Квициниа, Л. Лабахуа, К. Агумаа, Ш. Цвижба, В. Агрба, С. Кучбериа, М. Кове, М. Гочуа, О. Демердж-ипа и др. Этот период ознаменован в прозе созданием социально-бытового романа «Камачич» (Д. Гулиа), (1933-1940) – о судьбе абхазской женщины, а также первого социально-психологического романа «Темыр» (И. Папаскир) (1937) – о проблемах абхазской деревни. С середины 30-х годов уверенно заявляет о себе поэт высокого художественного дарования Б. В. Шинкуба, характерным свойством ранней лирики которого является яркая метафоричная образность, ритмико-интонационное богатство стиха. Следует отметить, что становлению и росту абхазской литературы был нанесен тяжелый ущерб в годы сталинских репрессий, когда фактически был уничтожен цвет национальной интеллигенции. Пагубно отразились на развитии национальной художественной культуры и трагические последствия Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., с фронтов которой не вернулись видные представители абхазской литературы и искусства. В годы тяжелых испытаний абхазскими поэтами, прозаиками, драматургами, публицистами были созданы замечательные произведения, составившие уникальную военную антологию. В ней узнаваемы почерк, интонации и авторская манера таких творческих индивидуальностей, как Д. Гулиа, Б. Шинкуба, К. Агумаа, Л. Квициниа, И. Тарба, А. Джонуа, Ч. Джонуа и др. В послевоенный период абхазская литература значительно расширила свой тематический диапазон. Тенденция развития жанров характеризуется постепенным отходом от идеологических клише, выходом на первый план проблем исследования внутреннего мира человека. Заметную роль сыграли в углублении духовных основ гражданской лирики один из наиболее ярких поэтов-публицистов А. Ласуриа и поэт-сатирик К. Чачхалиа.

В конце 50-х и начале 60-х годов абхазская поэзия и проза переживают этап новых качественных преобразований. По сути, 60-е и 70-е годы прошлого столетия стали переломными, как в плане многогранного исследования актуальных исторических, нравственно-психологических проблем, так и совершенствования форм, литературного ремесла. Значительным вкладом в абхазскую литературу стали романы в стихах «Мои земляки» и «Песнь о скале» Б. Шинкуба. Яркими образцами медитативной лирики отмечены поэтические изыскания Б. Шинкуба, М. Ласуриа, Т. Адъба, В. Амаршана, Г. Аламиа, Р. Смыр. Самобытностью лирического самовыражения отличаются произведения Ш. Цвижба, И. Тарба, Г. Гублиа, В. Анкваб, К. Ломиа, А. Аджинджал, Н. Квициниа, М. Микая, Н. Тарба, Б. Гургулиа, П. Бебиа, К. Герхелиа, С. Таркил, Т. Чания, Р. Ласуриа, В. Ахиба и др. В 60-е 90-е годы, а также в начале XXI века в развитии абхазской прозы достаточно зримо обозначилась тенденция художественно-философского переосмысливания духовной истории народа, исследования в этом контексте проблем национального характера. К таким эпическим полотнам следует отнести романы А. Гогуа «Нимб», «Асду», исторический роман Б. Шинкуба «Последний из ушедших», его же крупное художественно-этнографическое исследование «Рассеченный камень», исторический роман В. Амаршан «Леон Апсха». Абхазская проза и драматургия в эти годы была представлена романами, повестями, рассказами, очерками, путевыми заметками, пьесами А. Гогуа, А. Джениа, Д. Ахуба, Ш. Чкадуа, Ш. Аджинджал, Ш. Пачалиа, Ш. Пилиа, Н. Хашиг, Н. Квициниа, Н. Тарба, Л. Гицба, Б. Тужба, Р. Джопуа, А. Мукба и др. авторов. В 80-е 90-е годы заметных успехов достиг прозаик Д. Зантариа, чьи блестящие рассказы, повести, а также роман «Золотое колесо» стали достоянием не только абхазской, но и современной русской литературы. Литературоведческая и литературно-критическая

мысль находила отражение в исследованиях Ш. Инал-ипа, Х. Бгажба, М. Ладариа, Ш. Салакая, М. Ласуриа, А. Аншба, В. Дарсалиа, С. Зухба, Г. Гублиа, Б. Гургулиа, Н. Лакоба, В. Авидзба, В. Агрба, Р. Капба, В. Бигуаа, В. Когониа, Д. Аджинджал и др. В истории национальной литературно-художественной критики в 70-е – 80-е годы особое место занимает творчество В. Ацнариа, чьи смелые аналитические выступления в печати приобретали событийную значимость, оказывая ощутимое влияние на литературную жизнь. Мощное художественно-эстетическое воздействие на духовность абхазов оказывают проза и поэзия Ф. Искандера. Достойное место занимает абхазская тематика в творчестве Г. Гулиа. Феноменальность истории абхазской литературы заключается еще и в том, что она получила достойное развитие в духовной среде зарубежных абхазов. Так, в Турции, в XX веке, на языке предков создавали свои произведения известный поэт, историк О. Беигуа и ряд других авторов, представляющих абхазскую диаспору. Современный этап развития абхазской литературы отмечен, с одной стороны, приверженностью к преумножению традиционного творческого опыта, с другой – стремлением к художественному самопознанию, деканонизации устоявшихся форм. Усиливается интерес к многоплановому исследованию грузино-абхазской войны (1992-1993). Эта тенденция нашла отражение, в частности, в романе в стихах М. Ласуриа «Отчизна», в публицистическом сборнике Д. Ахуба «Испуление». Обостряется внимание к проблемам внутреннего мира человека, его отношения к меняющимся ценностям, в художественных исканиях И. Хашба, Г. Квициниа, Г. Сакания, А. Лагулаа, Д. Начкебиа, Е. Ажиба, И. Хаджимба, И. Хварцкиа, С. Гиндиа, Б. Барцыц, З. Тхайцук, а также в произведениях С. Лакоба, В. Чкадуа, К. Гердова, Н. Венедиктовой, Д. Чачхалиа, Э. Басария, Н. Патулиди, В. Шария, пишущих на русском языке. Богатством и проникновенностью миро-

ощущения привлекает внимание читателей поэтическое творчество С. Делба, погибшей в боях за освобождение Абхазии от грузинских агрессоров. Ее лирика несет в себе свойства, дающие основание допускать мысль о постоянном, импульсивном взаимопроникновении мгновенного и вечного, сюрреалистической растворенности ее мыслей и чувств в стихии творческого самопостижения.

В последние годы в Абхазии заметно активизировался процесс уверенного вхождения творческой молодежи в литературную среду. Творческие конкурсы выявили таких одаренных молодых литераторов как А. Капш, А. Акалгба, С. Хаджим, А. Анкваб, А. Чхамалиа, Д. Габелия, А. Ажиба, Б. Авидзба, А. Анкваб и др. Примечательно, что их художественные замыслы реализуются преимущественно на родном языке. Безусловно, абхазская литература на нынешнем этапе своего развития нуждается в серьезной информационно-рекламной поддержке. Но в первую очередь необходимо обеспечить перевод на русский и другие иностранные языки высокопрофессиональных произведений. В свое время эту нелегкую ношу взвалили на себя такие признанные мастера, как К. Симонов, Ф. Искандер, Г. Гулиа, С. Липкин, Б. Окуджава, Ю. Левитанский, С. Куняев, М. Синельников, А. Передреев, Б. Ахмадулина, Р. Казакова, А. Шевелев, С. Трегуб, Г. Николаевская, Я. Козловский, Н. Гребнев, В. Державин, И. Фаликов, Г. Ковалевич, Г. Регистан, Э. Басария, Д. Чачхалиа и др. Сегодня поиск серьезного переводчика – задача не из легких. И решать ее следует не только на уровне взаимодействия творческих союзов, но и при непосредственной поддержке государства. Язык и литература – это кровеносные сосуды национальной культуры, и от их состояния и перспектив развития во многом зависит будущее абхазского этноса.

ТРАДИЦИОННАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ САМОБЫТНОСТИ АБХАЗОВ

В последние годы вопросы традиционной ментальности и этнокультурной самобытности (идентичности) абхазов стали предметом диалогов, круглых столов, интересных научных дискуссий. В чем же их суть, разность и схожесть существующих взглядов? Чем объяснить усиливающийся и углубляющийся интерес к данной этнопсихологической сфере?

Прежде чем изложить свою точку зрения на проблему, я хотел бы процитировать определение, данное идентичности в учебнике по культурологии под редакцией Ю. Солонина и М. Кагана: «Понятия «идентичность», «самоидентичность», «идентификация» и «самоидентификация» пришли в культурологию из психологии и социологии. «Идентификация» происходит от лат. *identifico*, что можно перевести как «отождествляю». В современном русском языке «идентификация» и «самоидентификация» обычно используются как синонимы. В психологической литературе под идентификацией подразумевается сложный процесс эмоционально-психологического и иного самоотождествления индивида с другими людьми, группой, идеальным образом, художественным персонажем. Понятие «идентификация» было введено З. Фрейдом и прочно вошло в практику психоанализа. В психоаналитической традиции процесс идентификации трактуется как необходимый этап взросления, а также как важнейший механизм, обеспечивающий способность Я (Эго) к самореализации».

Как видим, вышеупомянутые определения касаются особенностей формирования индивида, личности (личностных качеств) и т. д. В то же время процесс самоотождествления, разумеется, в более широких масштабах, в различных трансформациях и качественных проявлениях, сопутствует становлению и самореализации отдельного этноса, народности, нации. Думаю, вполне допустима мысль о том, что понятие самоидентичности можно было бы рассматривать, как часть целостного представления о мировоззрении народа, о его менталитете. В связи с этим, следовало бы обратиться к достаточно оригинальным взглядам Э. В. Никитиной: «Менталитет – это интегральная характеристика людей, живущих в определенной культуре, которая позволяет описать их своеобразное видение окружающего мира и объяснить специфику реагирования на него. Он раскрывается через систему взглядов, оценок, норм и умонастроений, основывающуюся на имеющихся в данном обществе знаниях, верованиях, традициях, задающую вместе с доминирующими потребностями и архетипами коллективного бессознательного иерархию ценностей и характерные для народа убеждения, идеалы, склонности, интересы и другие социальные установки, отличающие один этнос от другого».

Думаю, что в целом исследуемая мною проблема привлечет внимание абхазоведов (кавказоведов) не только с историко-этнологической точки зрения, но и в плане художественно-эстетического и философского постижения многовекового исторического опыта нашего народа. Скрупулезный анализ нынешнего состояния, уровня и перспектив развития абхазского этноса предполагает многостороннее исследование национального этикета, национальной психологии, нравственно-поведенческого кодекса в целом. По новому осмысливая (осознавая) сложную и во многом противоречивую ситуацию, ставящую нас перед

необходимостью самосохранения в условиях меняющегося мира, порой мы небезосновательно оцениваем переживаемые процессы, как возможный кризис самосознания, угасание национально-освободительной энергии, генетической памяти. То есть, мы чувствуем сегодня, как никогда, что теряем качества и свойства, определявшие некогда наш дух, ментальность, образ жизни и образ мышления. И в поисках путей сохранения своей исторической и психологической самобытности, пытаемся докопаться до истинных причин обесценивания неповторимого (выстраданного веками) духовного опыта.

Культурологи объясняют достаточно противоречивую суть этой проблематики таким образом: «...любая ментальность инерционна, «протяжена» во времени. Уничтожение источника традиционной ментальности не приводит к автоматическому уничтожению самой ментальности. Скорее можно говорить об угасании ментальных особенностей или об их интеграции в другую ментальную систему». Прогнозировать характерные особенности развития подобных процессов весьма затруднительно, но то, что достаточно симптоматичные изменения в ментальности тех или иных этносов происходят реально – отрицать невозможно. Не подкрепленные серьезными аргументами рассуждения о том, что Абхазия (абхазский мир) окружены неким магическим нимбом, ореолом незыблемости, дескать, оберегающим ее от любых разрушительных воздействий, – это, на мой взгляд, всего-навсего, иллюзии, мистификации, усыпляющие нашу бдительность. Не исключено, что это интересно в смысле некоей художественной формулы, философской или поэтической метафоры. Но в данном случае, мы ведем речь не об абстрактных понятиях, а конкретно о путях сохранения своей реальной историко-культурной идентичности в условиях усиливающейся, более того, наступающей глобализации, ожесточенного геополи-

тического противоборства сверхдержав, несовместимости интересов, ценностной основы автохтонной народной культуры и технократической цивилизации.

И поэтому, на мой взгляд, вполне естественно, что наше общество пытается, так или иначе, прямо или косвенно, отвечать на эти вызовы, осмысливая и переосмысливая переживаемые события. Оно глубоко встревожено тем, что происходит вокруг нас и внутри нас. По-разному оценивают люди сопутствующие нашему развитию неоднозначные процессы: одни – слишком эмоционально, импульсивно, другие – достаточно хладнокровно,держанно, но более реалистично. Вопросы, связанные с особенностями нашего нынешнего этнопсихологического состояния, осознанием и качественно новым осмыслением переживаемых процессов, начинают постоянно беспокоить нас под бременем теперь уже не только духовного, культурного, но и собственно физического выживания. Не говоря уже о проблеме сохранения своей национальной (этнокультурной) идентичности, своего сущностного облика. Думаю, следует сказать и о том, что мы постепенно стали утрачивать высокий импульс пассионарности (способности и стремления к изменению окружения – по Льву Гумилеву), волю, способность к самопожертвованию во имя высших ценностей. Несмотря на определенную спорность, дискуссионность мыслей о роли и значимости пассионарного начала в развитии этноса, вряд ли можно обходить их вниманием.

«Римляне времен упадка имели более утонченный ум, чем ум их грубых предков, но они потеряли прежние качества своего характера: настойчивость, энергию, непобедимое упорство, способность жертвовать собой во имя идеала, нерушимое уважение к законам, которые создали величие их предков», – отмечает Густав Лебон в исследовании «Психология народов и масс». С моей точки зрения, подобный этнопсихологический аспект изучения тради-

ционной абхазской ментальности чрезвычайно актуален для современного абхазоведения, культурологии, и национальной художественной культуры, в частности, литературы. Сегодня мы часто обращаемся к новеллам и притчам замечательного писателя Михаила Лакербай не для того, чтобы фетишизировать великолепно воспроизведенную им ритуальную культуру наших предков, а видимо, в первую очередь, для того, чтобы, осмыслив и по-новому оценив традиционный этикет, попытаться выбраться из цивилизационного хаоса, нашупать почву для своего дальнейшего полноценного культурного развития.

Новые социально-экономические условия, дикий рынок, быт и повседневность, стихийная связь с внешним миром, информационный вакуум ставят людей в зависимость от обстоятельств, потребительской (меркантилистской) психологии. В то же время происходит завуалированная переоценка ценностей: подвергаются сомнению высокие идеалы, во имя которых наш народ заплатил жизнью многих поколений. На вопрос о том, каким ему видится перспектива Абхазии, профессор из Эстонии Юрий Бечонски, заметил: «...Настало время, когда нация должна глубоко осмысливать себя. Необходимо сформулировать гражданский манифест. Это означает, выразить каким народ хочет видеть себя, свое общество в будущем. «Куда мы идем?» «Какой нацией мы хотим быть?» «Какими ценностями мы хотим руководствоваться в будущем?»

«В действительности, интеллигенция страны, как я понимаю, должна собраться, сформулировать и представить вот этот гражданский манифест людям», – считает эстонский ученый. Самый опасный изъян и ущербность нашего нынешнего развития я вижу в том, что сегодня в нашей общественно-политической системе в целом нет прочной мировоззренческой основы, которая могла бы служить краеугольным камнем политической независимости.

Историко-философский взгляд на политические события, его идеологическая составляющая оказались как бы вне государственной системы. Эта тема, безусловно, заслуживает отдельного исследования. И такие попытки уже предприняты Институтом стратегических исследований при Президенте Абхазии. Концептуальные взгляды на данную проблематику нашли частичное отражение в «Стратегии развития Абхазии до 2025 г.».

Однако вернемся вновь к вопросу качественно нового осмысления предшествующего духовно-исторического опыта. Результаты национально-освободительной борьбы абхазского народа, высокий потенциал этой борьбы на протяжении многих веков приобретали свойство высших демократических завоеваний. Опыт этот вызревал в недрах политического, культурного и психологического самопознания народа, формирования национальной идеи, изначально заключавшейся в обеспечении условий полноценного развития этноса, национальной государственности, как формы и средства материализации самой идеи. Однако из всех этих рассуждений вытекает вполне логичный и естественный вопрос: что осталось, уцелело в условиях современного независимого и признанного государства от вышеупомянутых субстанциональных ценностей? Насколько внутренне прочна, неуязвима и последовательна идеология, духовная основа нашей суверенности? Что надо сделать для того, чтобы нравственно-эстетический кодекс «апсуара» стал истинной, а не мнимой основой системы традиционных и универсальных ценностей, без разумного сочетания которых была бы ущербной и самодовлеющей сама национальная культура?.. Я думаю, рациональное зерно, суть нравственного кодекса «апсуара»(абхазкости) в той или иной форме предполагает то, что составляет духовную и философскую основу национальной идеологии. А если рассматривать проблему еще шире и масштабнее,

то нашу культуру и миропонимание (и в целом иерархию ценностей) можно было бы в идеале представить себе, как своеобразную подпочву (пласт) евразийского набора ценностей, некую микромодель взаимовлияния и взаимопроникновения культур Запада и Востока.

Нынешняя реальная ситуация в Абхазии отягощена не только внутренними социально-экономическими, демографическими факторами, но информационно-политическими, технократическими проблемами, диктуемыми извне, – в известной степени, – установками транснациональных корпораций и олигархических каст. Внешне может показаться, что эти явления не касаются нас напрямую, однако если глубоко проанализировать причинно-следственную связь событий, то станет вполне очевидной разрушительный (негативный) характер вышеупомянутых процессов. Зыбкую социально-экономическую и идеологическую основу современного абхазского государства и его устоев подмывают усиливающиеся волны глобализации, масскультуры и других явлений, чуждых нашей природе, нашим традициям («Так волны всемирной халтуры, бушуют у наших корней...» – Фазиль Искандер.)

«Если мир является единым пространством для передачи общечеловеческих ценностей, то что же тогда делать с ценностями, присущими каждой отдельной культуре? Можно ли предположить исчезновение отдельных культур и их замену массовой культурой, которая нивелирует индивидуальные этнические особенности?» – отмечено в исследовании Л. Э. Урмановой «негативное влияние массовой культуры на формирование конкурентоспособной личности студента в условиях современного общества». Далее отношение исследовательницы к данной проблеме представлено в следующей интересной интерпретации: «Массовая культура, несмотря на особенности каждой отдельной нации и её культуры, навязывает свой унифициро-

ванный и упрощённый культурный код. Широкое влияние массовой культуры приводит некоторых исследователей к мысли, что вопрос о национальной культуре предстаёт ныне не только как вопрос национальной, но и «общепланетной безопасности» (А. Б. Вербер)».

Таким образом, в условиях продолжающейся культурной экспансии, деструктивного воздействия глобализационных процессов, наиболее уязвимым становится социально-духовное поле, культурно-мировоззренческие истоки развития нации, язык, народная культура, этика, психология, традиции. У национальной культуры, как и у среды обитания в целом, своя, пока еще непознанная экология, болезненно реагирующая на то, что привносится в нее искусственно, нарушает ее (культуры) устоявшееся внутреннее равновесие и гармонию. По мнению культурологов, распространение культурной экспансии с запада на восток принято называть вестернизацией, следы которой наиболее ощущимы в сфере рекламы, шоу-бизнеса и т. д. Эти процессы способствуют вытеснению отечественной культурной продукции, размывают основу фундаментальных ценностей.

Вместе с тем, «культура, по Г. Беллю, должна быть средством духовной связи между человеческими поколениями, воплощением памяти, родства, соседства, общности; как только культура превращается из средства в цель, она становится сомнительным идолом, требующим кровавых жертвоприношений...».

В последнее время о реальной угрозе и опасности исчезновения абхазского языка пишут ученые, писатели, публицисты, общественные деятели. Хотел бы обратить особое внимание на статью нашей соотечественницы Циалы Чичба, предоставившей нам возможность взглянуть на проблему в несколько непривычном ракурсе, в контексте культурологической и психологической оценки

происходящих вокруг нас событий: «Парадоксально, но, сохранив территорию, мы в ужасе наблюдаем, как стремительно исчезает наш язык, наша культура, как мы теряем самобытность, себя». Ц. Чичба пытается найти разумные и достаточно убедительные, на мой взгляд, ответы и на другие актуальные вопросы: «Как сегодня выжить, сохранив свое лицо, нравственный стержень, не потеряться в новом мире, а оставаться самими собой в гармонии со временем. Как быть, а не казаться апсул? Будущее каждого народа рождается в настоящем. Сегодня стоит вопрос, каким будет будущее? Спасение надо искать в родном языке, он один способен вернуть нам любовь предков и покровительство родной природы. Знания и защиту мы найдем в информационном поле нашего народа, там хранится код нашего выживания». Я думаю, что постоянно пульсирующее чувство опасения за судьбу родного языка и культуры таится в душе почти у каждого нашего соотечественника. Однако вряд ли оно реально способствует преодолению опасной инерции постепенного отрыва от родных корней, от того собственного информационного поля, в котором Ц. Чичба склонна находить код выживания народа.

Создавая на всех уровнях условия, стимулирующие интерес к изучению родного языка и литературы, истории, одновременно необходимо думать о путях пробуждения чувства любви к ним посредством широкой популяризации исторических завоеваний, лучших достижений национальной художественной культуры, и, в первую очередь, родной словесности.

Более того, мне кажется, что сегодня надо думать не о заповедниках и резервациях абхазского языка и оранжерейных условиях для сохранения отечественной культуры, а о том, как наладить живую, органичную связь между селом и городом. Наиболее приоритетной должна стать задача расширения сферы абхазского язы-

ка во всех направлениях жизнедеятельности общества и государства. Серьезным подспорьем может стать разумное использование современных технологий, предоставляющих уникальные возможности для сохранения и развития языка.

...Вместе с тем, как это ни печально, приверженность всякого рода влияниям и поветриям, определенный космополитизм взглядов вытесняют прежний живой интерес к родной культуре, истории, географии, краеведению. А грубое и некомпетентное вмешательство в нашу отечественную историю извне, искусственное ее сглаживание и лакировка становятся тенденцией, гласно или негласно поощряемой некоторыми ангажированными политологами и теми, кто покровительствует им.

К сожалению, все это и многие другие факторы могут приблизить нас к той ситуации, к той опасной черте, когда бесполезно будет рассуждать о проблемах языка и культуры, подлинной отечественной историографии. Если сегодня не проявить силу воли и бдительность, не восстановить подлинную и объективную историю государства, освободить ее от искусственных наслоений, всевозможных фальсификаций, я думаю, будет крайне тяжело. Такое мы уже пережили и выстрадали. В то же время, определенные силы извне подталкивают нас к тому, чтобы мы отреклись от собственного пути развития, от собственных ценностей в угоду чьим-то эфемерным настроениям (по принципу: «так легче жить...»), внешнеполитической и экономической конъюнктуре.

Еще в начале 1950-х годов профессор Цюрихского университета Макс Верли допускал мысль о том, что подлинный исторический субъект – это европейская цивилизация, а не отдельная нация. Он считал, что национальные литературы, рассматриваемые самостоятельно, вне их единства с мировой литературой, не обладают значитель-

ной художественной ценностью. Но в таком случае, вполне логичным представляется вопрос: а из чего же складывается сама мировая литература (культура)? Разве не из живого многоголосья языков и неповторимого многоголосья культур формировалось то, что мы называем мировой культурной сокровищницей?.. В свое время датский теоретик Георг Брандес, профессор Гарвардского университета Питирим Сорокин также придерживались космополитических взглядов, отстаивая мысль о неизбежной трансформации национального чувства в некое всеобщее (космополитическое) чувство.

А вот русский философ Н. А. Бердяев еще в 1918 году в своем исследовании «Судьба России» подчеркивал, что «...национальная душа, национальная сущность обладают внутренне устойчивым психофизиологическим составом, и они не подвергаются ни старению, ни обновлению. Они единственны и нетленны».

Переживший сложнейшие периоды борьбы за самосохранение в условиях тоталитаризма, когда было запрещено преподавание абхазского языка в абхазских школах, были под запретом абхазская периодическая печать, радиовещание, грубо фальсифицировались история, география, топонимия и гидронимия Абхазии, абхазский этнос сегодня (в силу теперь уже других объективных и субъективных факторов), вновь может оказаться в не менее сложной и трудно предсказуемой ситуации в первую очередь по причине нивелирования или недооценки собственных духовных ценностей, богатого опыта исторического развития и т. д. И эти угрозы прямо или косвенно связаны с проблемами национального самосознания. Обратимся к фактам недавних исторических событий.

...В хронике грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. одной из самых мрачных страниц стало публичное, демонстративное сожжение в один день (22 октября 1992 г.) Абхаз-

ского института языка, литературы, истории им. Д. И. Гулиа (не только научного, но по сути и идеологического центра республики) и Центрального государственного архива. Невольно возникает вопрос: какую политico-правовую и моральную оценку можно было бы дать этому факту? Несомненно, этот акт вандализма следует расценивать как тягчайшее преступление, направленное на уничтожение исторической памяти народа, вытравливание из национального самосознания чувства исторической и этнокультурной самобытности. По этому поводу абхазский историк Е. К. Аджинджал в статье «Вандалы конца XX в.» пишет: «А какой непоправимый урон нанесен абхазскому народу? Превращены в пепел и потеряны навсегда миллионы страниц уникальных, не имеющих дубликатов историко-информационных документов, относящихся, по крайней мере, к периоду присоединения Абхазии к России (1810 г.) – до конца 70-х годов XX века. Эти документы охватывали все стороны жизни Абхазии. Там, в архиве были сосредоточены материалы, касающиеся не только Абхазии, но и Северного Кавказа, самой Грузии, России, Турции и т. д. От этого акта вандализма пострадали не только историки-исследователи, но и все граждане Абхазии, которым приходилось освидетельствовать какой-либо факт из своей жизни. Если иметь в виду ученых, то они вообще лишились возможности пользоваться архивными материалами, и это – настоящая для них катастрофа».

На мой взгляд, уничтожение грузинскими агрессорами сокровищниц Абхазского института (главного и единственного в мире абхазоведческого центра) и Центрального Архива Абхазии, следует отнести к разряду преступления против человечества – международных преступлений, угрожающих основам существования наций и государств, их прогрессивному развитию и мирному международному общению, выделенных в отдельную группу Конвенцией о

неприменимости сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества (1968 г.).

«Историческая память по мнению Н. Бердяева, – это «...величайшее проявление духа вечности в нашей временной действительности. Она поддерживает историческую связь времен. Память есть основа истории...Память хранит отчее начало, нашу связь с отцами, потому что связь с отцами есть связь настоящего и будущего с прошлым...»

Лишившись языка, культуры, традиций, национального характера, собственного мышления, мы – упаси Боже! – можем потерять все и стать неким обезличенным субъектом чужеродных цивилизаций. И поэтому наша интеллигенция не должна уставать писать и говорить об этих проблемах, требуя от руководителей всех госучреждений, не только фиксации затраченных на развитие языка и культуры (имеются в виду не только книги, брошюры, песни, танцы и пляски...) финансовых средств, а настойчиво и принципиально вовлекая их самих в процесс широкого применения государственного языка в государственной сфере. Без такого подхода к решению вопроса, потеряет смысл не только языковая и культурная политика, но и государственный суверенитет, восстановления которого наш народ добивался ценой неисчислимых жертв.

Никогда в истории не было полного взаимопонимания между правящей элитой и деятелями культуры и науки в вопросах определения главных ценностей. Но я бы не стал сравнивать с Сизифовым трудом усилия интеллигенции в этом направлении. То, за что Абхазию называют Абхазией, наш народ смог сохранить в условиях физического выживания, борьбы с различными режимами, в первую очередь, благодаря интеллигенции, ее лучшим представителям. К сожалению, сегодня, она раздроблена, ее растащили по признакам верноподданности тому или иному вождю, начальнику. Но даже в таком своем состоянии, ин-

теллигенция, ближе и острее, чем какая-либо другая пролойка общества, чувствует опасность девальвации высших ценностей, неминуемо ведущей нас к бездуховности и самоуничтожению.

Как ни странно, размышляя о необходимости философского обобщения предшествующего исторического и духовного опыта нашего народа, исторического, этнопсихологического и философского аспектов исследования национального характера, наши ученые лишь вскользь касаются религиозного фактора, сыгравшего колосальную роль в процессе формирования национальной государственности, ее духовной и культурно-мировоззренческой основы. Такой подход к созданию обобщенного национального образа и духовного облика страны был бы неполноценным. Известно, что в формировании русской национальной идеологии стержневую значимость приобрела религиозная философия, у истоков которой стояли Вл. Соловьев, П. Флоренский, Н. А. Ильин, Л. П. Карсавин, Н. О. Лосский и др. К сожалению, в Абхазии, где сильны и глубоки традиции народной философии и эстетики, пока еще трудно говорить о заметных тенденциях формирования и развития современной (национальной) философской мысли. На ней, и по сей день, к сожалению, лежит печать казарменного единомыслия сталинских времен. Примечательно, что абхазский язык, даже его обыденная речевая структура насыщены православными понятиями, на протяжении веков слившимися с обозначениями неписанных норм «апсуара», которые проф. Ш. Д. Инал-ипа трактовал, как «совокупность абхазской национальной традиционности, включая понятия добра и справедливости, чести и совести (аламыс), народно-эстетические и моральные установки».

В процессе художественного и историко-философского самопознания народа, религиозному сознанию, как одному из консолидирующих факторов, должно быть уделе-

но необходимое внимание. Думается, что сохраняющееся и по сей день отношение к религиозным традициям, как к некоему анахронизму, может ускорить и углубить эрозию системы нравственно-этических устоев. Здесь есть, над чем призадуматься в плане нового осмысления религиозных исканий абхазского народа.

Известный абхазский композитор и дирижер Н. Чанба, затрагивая проблемы нравственного совершенствования нашего общества, пишет: «Вспоминаю беседу, завязавшуюся около Пицундского храма, с одним из представителей абхазской интеллигенции. На его недовольство состоянием дел в стране я сказал, что люди должны верить в Бога, и тогда будет легче решать проблемы. Он возмутился: «Как это, должны?» В защиту своего тезиса я продолжал, что если мы строим государство, то с одними безбожниками это невозможно. В государстве должны работать все институты. От совершения преступления одних останавливают законы, других – воспитание, третьих – вера в Бога». «К общенародному покаянию приходят или при чудовищной наглядности наделанных бед, или при достаточно чуткой религиозной культуре. Чтобы каяться в безбожии, нужна ведь искра божья, а где ее взять?» – заметил Ф. Искандер, отвечая на вопросы корреспондента «Российской газеты» Л. Графовой. Выдающийся русский философ В. Соловьев, в речи, произнесенной им еще в 1888 году в парижском салоне, подчеркивал: «Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности...»

Об опасности размывания морально-этических основ духовности абхазского народа, писал еще в 1917 году, прозорливый и мудрый А. К. Чачба: «...Вместо заботы об Абхазии вижу всех князей и дворян в Сухуме, занимающихся коммерческими делами в городе. Нужно думать о Родине – прежде всего. Богатство Родины – ваше богатство. Об-

разование техническое – прежде всего, но с первого шага – дисциплина духа. Прежде у нас в Абхазии в душевный мир детей, прежде всего, вливался культ Родины. Были крепкие, стойкие люди. Мне чрезвычайно грустно, когда думаю о том, что может исчезнуть все то, что так дорого ценишь в абхазцах, вообще в горцах наших. Я представляю себе их, стройных, ловких, очень выносливых, с большим достоинством, молчаливых, умеренных во всем, стойких и твердых...» Известно, что традиционная культура, являющаяся рафинированным воплощением национальной ментальности, выдержала всевозможные идеологические эксперименты, грузинский национал-шовинистический прессинг, концепции так называемой классовой наднациональности искусства и прочие испытания. И в этих ситуациях сыграла значительную роль опять-таки абхазская интеллигенция, для которой и в смутные для Абхазии времена, и в пору революционных потрясений, и в периоды жесточайших репрессий, национальная идея и Родина были превыше всего.

В начале прошлого века, буквально в течение двух-трех десятилетий сильная плеяда абхазских писателей (Д. Гулиа, С. Чанба, И. Когониа, М. Лакербай, Д. Дарсалиа, М. Хашба, И. Папаскир и др.) смогла возродить атмосферу, позволившую феномену фольклорно-мифологического мировосприятия народа перерости (трансформироваться) в качественно новую стадию литературно-художественного сознания. Эпохальные по значимости и масштабам замыслы были спрессованы в поразительно короткий отрезок времени. Были созданы: письменность, литература, театр, отечественное книгоиздание. В муках идеологического противоборства рождалась национальная печать, работала переводческая группа, миссия которой заключалась в переводе и распространении на родном языке богослужебной литературы.

«Когда к образовательной травме прибавляется высокий интеллект, не нашедший своего предмета, своего об раза, возникает опасная демагогическая сила», – подчеркивал Г. Белль в своих «Франкфуртовских чтениях». Возрождение духовного опыта народа возможно тогда, когда общество в состоянии преодолеть причины, мешающие идейной сплоченности и консолидации нации...

Думаю, следует сказать еще об одном важном моменте. В определенной степени ослаблению национального самосознания способствует внутренне неосознанное стремление наших сограждан переложить ответственность за свою судьбу, судьбу государства и ее безопасность на Россию, как на державу, признавшую нашу независимость. Признав Абхазию, подписав с ней Договор о союзничестве и стратегическом партнерстве, Россия предоставила нашей стране редкий шанс для восстановления своего экономического, культурного, научно-образовательного и духовного потенциала. Мы не можем и не должны все время просить у нее помощи по всем вопросам. Мы должны поверить в свою самодостаточность, в собственные творческие возможности. Инерционное мышление и патерналистская психология таят в себе червоточину, способную низвести до абсурда саму идею независимости. Все эти вопросы должны стать предметом анализа для единого духовно-интеллигентуального Центра, который наметил бы пути реального вывода страны из глубокой экономической и духовной стагнации... Необходимо проявление воли к взаимодействию всех интеллигентуальных сил и слоев общества, представителей интеллигенции во имя сохранения главных ценностей – народа, государства, их исторического и духовного опыта. «Единение возможно только в истине, а чтобы достигнуть истины, надо одно: искать ее постоянным, не перестающим духовным усилием...» – писал в свое время Л. Н. Толстой. Мы обязаны вести постоянный диалог

о путях преодоления духовного кризиса. А реальная консолидация позволила бы нам в дальнейшем четче определиться с приоритетами развития. Я хотел бы завершить свою работу словами того же Н. Бердяева: «Рабство у времени, у его смертоносной власти, мешает постигнуть смысл человеческой судьбы, как судьбы небесной...». Дай нам Бог силы Воли и Духа, преодолеть в себе это рабство!

ПОЭТ – ЖИВОПИСЕЦ, ПОЭТ – МЫСЛИТЕЛЬ

(О художественно-стилистических особенностях
лирики Б. В. Шинкуба)

В30-е годы XX столетия абхазская поэзия переживает сложный этап становления и роста, когда она, постепенно освобождаясь от лозунговости и декларативной широковещательности, занята поиском путей художественного самосовершенствования. Важное значение придается концентрации смысла, гармонизации глубины лирического самовыражения с эпическим мироощущением. В этот период развитие лирического образа связано преимущественно с двумя стилевыми направлениями: художественно-публицистическим и медитативно-описательным. В творчестве таких лириков, как И. Когония, Б. Шинкуба, М. Лакрба, К. Агумаа, Ш. Цвижба начинает преобладать живописно-предметный склад художественного мышления. В лирических произведениях этих авторов умело используются такие стилистические приемы и своеобразные формы лирического повествования, как монолог, диалог, риторические вопросы, риторические восклицания.

Уже к концу 30-х годов на передний план выходит исследование таинственного мира сложных взаимоотношений человека и природы, интимных чувств и глубоких переживаний лирического героя. Усиление личностно-субъективного начала, внутренней гармонии абхазского стиха находит заметное отражение в поэтических произведениях Баграта Шинкуба. Художественная ткань ряда

его лирических новелл насыщена многоцветьем богатой изобразительной палитры.

Он пришел в абхазскую поэзию как поэт-живописец, поэт-мыслитель. Характерно, что многообразные явления природы, сливающиеся с миром внутренних переживаний лирического героя, становятся в произведениях поэта объектом художественно-эстетического преображения. В этом плане значительную роль сыграл выход в свет в 1938 году сборника стихов Б. Шинкуба «Первые песни». Произведения, вошедшие в данное издание, прокладывали путь к значительному реформированию абхазской поэзии, как в структурном, так и в художественно-смысловом плане.

«...Речь идет не только о чисто содержательных моментах: голос личности и голос народа воплощены в самом лирическом стиле поэта, сочетающем в себе напряженную образную энергию и тонкость словесно-ритмического рисунка» – отмечает В. Кожинов в предисловии к двухтомному изданию избранных произведений Б. Шинкуба (Б. Шинкуба. Избранные произведения. В 2-х томах. Сухум, 2007. Т. I. С. 13).

Ярким примером высокой поэтической культуры, слияния мифологизированного мировосприятия, народной художественной образности с качественно новым поэтическим мышлением, построенным на сквозных художественных ассоциациях, может служить стихотворение «Моя звезда» (1935):

От предков я узнал: «Покуда не затмилась
Твоя звезда, не будешь знать невзгод.
Но палец я навел, моя звезда сокрылась
И с неба сорвалась, как спелый плод.

Тогда, как птица, я пустился в путь широкий,
Пришпорив белоснежного коня.

И рощи, и сады мелькали вдоль дороги,
Свистела буря позади меня.

Деревьев не считал, – я мог бы сбиться в счете, –
Холмы и горы видел на пути.
Летел я, чтоб схватить в стремительном полете
Мою звезду, – и дальше понести».

(Перевод С. Липкина)

Динамичность образов, их глубокая смысловая взаимосвязь, пластичность изображаемых картин гармонирует с душевными импульсами лирического героя, его высоким чувственно-эмоциональным настроем. Такие характерные черты свойственны новой поэтической культуре, национальному художественному мировосприятию в целом, углубляющемуся процессу взаимопроникновения жизни и поэзии. Путь к постижению общечеловеческих ценностей, разгадке извечных тайн бытия человеческого лежит через осмысление собственной творческой стихии, познание собственного поэтического мира. В стихотворении Б. Шинкуба «Моя звезда», приобретшем со временем хрестоматийную значимость, мы имеем дело с тем отношением к лирической ситуации, которое в работе Л. Я. Гинзбург «Частное и общее в лирическом стихотворении» интерпретируется следующим образом: «...Но в чистой лирической поэзии лирическое событие как бы продолжает бесконечно совершаться в условном бесконечно затянувшимся настоящем. Лирическим же пространством является авторское сознание, сознание поэта. Оно вмещает лирическое событие и в нем свободно движутся и скрещиваются ряды представлений, в том числе самые непредсказуемые и отдаленные...» (Л. Я. Гинзбург «О старом и новом» Статьи и очерки. Изд-во «Советский писатель», Ленинградское отделение – 1982. С. 26)

Характеризуя тему Родины, как главную, стержневую, поднимающую поэта на уровень глубоких размышлений, профессор М. Г. Ладария, пишет: «...Она пронизывает каждую клетку его художественной многоцветной и яркой художественной плоти, властно втягивая читателя в орбиту его дум, чувств, огорчений, радостей, постижений прекрасного в человеке, природе и жизни» (М. Г. Ладария. Сборник статей об абхазской литературе (1960 – 2005). Сухум, 2005. С. 62). К числу лирических произведений такого плана следует отнести «Махаджирскую колыбельную», «На Ерцаху посмотрю я...», «Скажи мне, гость, каков твой край!», «Райда-гуша...» «Горит очаг и пламя вьется!..», «Лаганиах – дороже слово...» «И вот моя душа, как говорится.., «Члоу» и др. стихотворения, относящиеся к разным периодам его поэтического творчества.

Тема взаимоотношения личности и народа, неразрывной связи с корнями, с родной землей, духовного родства с ней, постоянно и зримо присутствует в поэзии Б. Шинкуба:

Тянет к небу стволы весна,
Ствол мужает и раздается,
И кора для него – тесна,
И коре – опасть остается.

Если я вдруг стану корой,
Тесной для моего народа,
Пусть он сбросит меня долой
И растет, как велит природа.

Опаду у его корней,
Стану почвою, перегноем,
Помогу и смертью своей
Ему вырасти надо мною.

(Перев. К. Симонова)

Исследуя и оценивая опыт художественно-философских исканий абхазского поэта, В. Кожинов, подчеркивал: «Высота творческих целей, которые ставил перед собой Баграт Шинкуба в своей лирике, отчетливо обнаруживается, когда знакомишься с его стихами в хронологическом порядке – от 30-х до 70-х годов. Ясно видно, что поэт стремился в равной мере развить лирическое воплощение и голоса личности, который все более усложнялся, схватывая еле уловимые оттенки неповторимого переживания, и голоса народа, обретавшего все новое жизненное богатство. И с каждым десятилетием в творчестве Баграта Шинкуба все более плодотворно развиваются обе стороны лирического мира» (Б. Шинкуба. Избранные произведения в 2-х томах. Сухум, 2007. Том I. С. 13).

Достойное место в поэтическом творчестве Б. Шинкуба занимает любовная лирика: стихотворения «Ты помнишь наши встречи в саду», «Не спрашивай...», «Песни, по которым я тосковал», «Сидя у берега моря и др.»

Известно, что на ранней стадии развития отечественной литературы, абхазские поэты, прозаики и драматурги сталкивались с определенными сложностями в раскрытии и художественном воплощении любовных переживаний в связи с тем, что область душевных излияний и откровений изначально не вписывалась в архаику традиционного поведенческого этикета «апсуара». Литературовед и критик В. Цвинариа, объективно оценивая значимость зарождения новой по характеру и манере выражения интимных чувств любовной лирики, отмечал: «Б. Шинкуба не является исключительно поэтом любви. Тем не менее, его любовные стихи – целое открытие для абхазской поэзии. Они указали ей новые пути, обеспечили личному миру человека право на существование в поэзии» (В. Л. Цвинариа. Творчество Б. Шинкуба. Лирика. Эпос. Поэтика. Тбилиси. 1970. С. 47).

Существуют разные точки зрения на формы и способы раскрытия темы любви в поэтическом творчестве Б. Шинкуба. Полемизируя с В. Цвинария, характеризующего некоторые лирические произведения поэта, как сочетание лирики, природы и любовной лирики, литературовед Н. Байрамукова достаточно категорично утверждала, что эти стихотворения принадлежат не к «любовно-пейзажной лирике», а к собственно любовной лирике и «присутствие в ней образов природы – свойство реалистической любовной лирики вообще» (Байрамукова Н. М. Баграт Шинкуба. Очерк творчества. М., 1981. С. 42-43).

На наш взгляд, определение «любовно-пейзажная лирика», вводимое В. Л. Цвинарии, достаточно условное, но при этом следует отметить, что оно в некоторой степени расширяет наши представления о специфических особенностях богатого и многообразного шинкубовского мироощущения:

Закатом высвеченный ало,
Вечерний берег был высок,
И море глубоко дышало,
И я сказал тебе:
«Смотри!
На волнах, плещущих устало,
Раскинулся ковер зари».

Но если...если нам с тобою
Расстаться суждено судьбою,
Ты не забудешь обо мне, –
Я выткал для тебя когда-то
Ковер зари, ковер заката
На вечереющей волне...

1940
Перев. А. Межирова

- 112 -

Здесь вполне очевидно то, что пейзаж, образ природы играют отнюдь не второстепенную (не бутафорно-экзотичную) роль. Даже весьма осторожные намеки на возможную разлуку влюбленных, допускаемые поэтом, сглаживаются им же достаточно живописным изображением морского ландшафта и наступающих сумерек («Ковер зари, ковер заката На вечереющей волне»).

Уже в 60-е годы в любовной лирике Б. Шинкуба личные переживания лирического героя выносятся на передний план. Драматичность лирического события в стихах на тему любви мотивирована напряженностью внутреннего состояния поэта, переданного доверительно-исповедальным тоном:

Ты безмолвна...Твое безмолвье
Жгучий пламень зажгло во мне.
Море стихло, умолкли волны,
Солнце клонится в тишине.

До разлуки нашей – минута.
Вот закроются створы ворот...
Ждет тебя корабля каюта,
Самолет меня унесет.

Мы – лицом к лицу, еще рядом,
Но спустя всего полчаса
Междуд нами лягут преграды –
Горы, степи, моря, леса.

И когда мы встретимся снова?
Замерла мольба на губах.
Ты смеешься. Ни ласки, ни слова!
Ни слезы на твоих глазах?!

Перев. В. Державина

- 113 -

Путь, пройденный абхазской литературой в плане преодоления некоторых стереотипов мышления и условностей, ограничивавших писателей в раскрытии темы любви, во многом созвучен и, на наш взгляд, в определенной степени идентичен тенденциям развития данного направления в литературе народов Северного Кавказа. В монографическом исследовании «Художественная концепция личности женщины в творчестве К. Кулиева» кандидат филологических наук Ж. Баккуева, затрагивая данную проблематику, пишет: «Любовная лирика Кулиева в 30-х годах резко отличалась от уже привычного склада балкарского стихотворчества, вызвав, тем самым, разного рода негодования литераторов. Однако, именно это новаторство – «непосредственность стихов», взлетная символичность, оказалось необходимой, востребованной чертой поэзии. Это и стало лично кулиевским качеством. Художественная конкретность, образность и предметность становятся характерной чертой его поэзии к концу 30-х годов. Поэтому стала присуща необычайная поэтическая широта и индивидуальность взгляда на окружающую действительность, тонкая психологическая наблюдательность и острая видения. Поэтому так поразительна эмоциональная сила построения поэтического образа любимой женщины. Доступными и достаточными определениями он передает точность и реальность образа, естественность и простоту формы и содержания образа. В этом его высокая авторская художественность. Следует отметить тот факт, что именно эти первые лирические стихи Кулиева заложили основу развития любовной лирики в балкарской поэзии вообще».

Мощной энергией чувственно-эмоционального и смыслового воздействия обладают лирические и лиро-эпические произведения Б. Шинкуба на тему войны. На наш взгляд, необходимо отметить, что лучшие образцы абхазской военно-патриотической лирики отличаются глубокой

выстраданностью, способностью передать движение мыслей и чувств, невеянных судьбоносными событиями.

Военная лирика принесла Б. Шинкуба широкую известность. В его стихах, отражающих дух и атмосферу военно-го лихолетья, спрессована суровая правда жизни, глубина чувств и переживаний простых людей. Таков пафос лирических произведений, созданных в начале войны. Это такие, как «Моей маленькой дочери, Биане», «На рассвете», «Не поддайтесь, сыны мои, горю и страху», «Когда фашист над родником нагнулся», «Была зима, война, побед нача-ло...», «Партизан» и др.

Среди поэтических произведений, посвященных мужеству и стойкости защитников Родины, своей психологической образностью, утонченностью сочетания лирического и повествовательно-эпического начал, отличаются такие известные и достаточно популярные в народе сюжетные стихотворения Баграта Шинкуба, как «Ветер мой, лети!», «Отец», баллада «Гунда-Прекрасная» (1943). В них отчетливо прослеживается связь с фольклорной традицией, возрождавшейся в годы Великой Отечественной войны на качественно новой духовно-нравственной и художествен-ной основе.

Стихотворение «Ветер мой, лети!», ассоциирующееся по своей поэтике с народной формой образного мышления, построено на вымышленном разговоре раненого бойца с ветром. Герой произведения обращается к ветру с просьбой «помчавшись по земле абхазской, сказать сестренке, что слегка задет осколком старший брат, утешить мать седую, поведав ей о том, что сын ее невредим и вернется домой. Но в последней просьбе открывается вся горькая исповедальная правда, обращенная к отцу:

– О ветер мой, помчись ты поутру
И расскажи отцу, что я умру

На поле, где была горячей схватка.
Свою он отдал силу без остатка.
От смерти он не отступил назад,
В бою не осрамил тебя солдат.

(Перев. С. Липкина)

В. Б. Агрба считает, что данное произведение во многом перекликается с традицией устного народного творчества. «Использование образа ветра (ветерка) в качестве стилистического приема ассоциируется с формой устного народного художественного мышления. Тяжело раненный воин, оставшись в одиночестве, обращается к ветру (персонификация) с просьбой стать его (воина) горевестником» (В. Б. Агрба. Поэзия Б. Шинкуба и устное народное творчество. Сухум, 2014. С. 34).

В. Л. Цвинариа, отмечая художественно-смысловые и композиционные особенности стихотворения, подчеркивает важность внутреннего взаимодействия двух идей: «Подспудно в стихотворении живут две большие народные идеи: средоточием любви к родной земле является мать («Родина-мать»), а идея ее защиты коренится в образе отца («Отечество»). (В. Л. Цвинариа. Творчество Б. В. Шинкуба. Лирика, эпос, поэтика. 1970. С. 42)

В отличие от В. Л. Цвинариа, утверждающего, что данное стихотворение имеет фольклорную основу и находящего в нем очевидное родство с абхазскими народными молитвами, литературовед Н. М. Байрамукова склонна усматривать в этих образно-символических со звучиях не фольклорные, а литературные ассоциации. «Если этот образ (имеется в виду образ ветра – В. З.) когда-то и был фольклорным, то уже давно освоен литературой, даже уже в ней стал традиционным», – пишет

исследовательница творчества Б. В. Шинкуба, развивая свою мысль. (Н. М. Байрамукова Б. Шинкуба. Очерк творчества. Москва. С. 25)

На наш взгляд, в этом произведении развитие лирического события построено на тонком, едва уловимом соприкосновении фольклорной и литературно-художественной образности. Поэтому вряд ли стоит однозначно говорить об исключительно литературной мотивировке избранной поэтом формы раскрытия темы и самораскрытия лирического героя.

Глубоким драматизмом проникнуто событие, лежащее в основе знаменитого стихотворения Б. Шинкуба «Отец» (из цикла, посвященного Герою Советского Союза В. Харазия). Изображаемые действия предстают здесь в строгой логической последовательности, диктуемой художественной сверхзадачей автора.

Ранним утром во двор отца героя Камсагу, уныло склонив голову, опираясь на посохи, заходят старики-односельчане. Женщины одеты в черное. Чутье подсказывает старику Камсагу, что погиб его сын. Но, не теряя самообладания и хладнокровия, он неожиданно обращается к соседям:

– Как он погиб? Сражаясь? На посту?
Геройством славу громкую стяжал?
Или бесславно от врага бежал?

Услышав от одного из старииков, что сын его погиб смертью храбрых, отец героя, следуя древнему обычаяу, сдержанно и многозначительно произносит:

...Чего ж стоите вы,
И не поднимете поникшей головы?
Мой сын погиб за край родимый свой,
Для славы ведь рождается герой.

Еще более ощутимым становится психологизм изображаемой ситуации в последних строках стихотворения, в его финальных аккордах. Поэт талантливо сочетает повествовательную форму с драматургической, сохраняя при этом классическую строгость стиля. Мужественность и цельность характера отца героя подчеркивают его слова, обращенные к рыдающим родным:

Эй, не срамите Вашего отца
И памяти погибшего бойца!
Он высоко победы знамя нес!
Ведь не купают славу в море слез!

(Перев. Б. Серебрякова)

Конечно же, перевод не в состоянии воспроизвести всю реалистическую прозрачность, смысловую наполненность и глубину образов поэтического произведения, выдержанного преимущественно в автологическом стиле. Поэтому переводчик, как это явствует из литературного текста, вынужден местами прибегнуть к некоторым поэтическим вольностям.

«Стихотворение «Отец» (из цикла, посвященного герою В. Харазия) композиционно созвучно народному героическому эпосу. Об этом можно судить по сцене прихода горевестников в родной двор погибшего героя, поведению отца, предчувствующего обрушившееся на него горе, но пытающегося узнать, как погиб его сын: в схватке с врагом или бесславной смертью... И даже слова, произносимые отцом, соответствуют духу и устоявшейся идеологии традиционной эпики...» (В. Б. Агрба. Поэзия Б. Шинкуба и устное народное творчество. Сухум, 2014. С. 31).

В конце 40-х и начале 50-х годов в абхазской поэзии, как и в развитии других литературных родов и жанров, усиливается внимание к проблемам, возникшим из нового исторического и духовного опыта. Но в то же время, абхазские писатели, не смогли избежать изображения послевоенной действительности в радужных тонах, лакировки острых социальных проблем, преодолеть идеологические клише и конъюнктуру, навязанные тоталитарной системой.

Уже во второй половине 50-х годов в поэтическом творчестве Б. Шинкуба намечается заметный перелом в сторону более глубокого осмыслиения проблем человеческого существования, многопланового художественного исследования и освоения ключевых тем. Значительна роль философского подтекста в таких стихотворениях, как «На скале», «От лютого ветра и стужи», «Недуг овладел вдруг мною», «Говорила со мною Кумарча...» и др. Конец 50-х годов стал в лирике поэта своеобразным подготовительным периодом для раскрытия потенциальных творческих возможностей. В стихотворении «Говорила со мною Кумарча» (1959) автор весьма искусно и умело использует воображаемый диалог с речкой детства, чтобы показать значимость и бесценность малого на нелегком пути к достижению великого. Аллегоричность образа, созданного поэтом, подкупает своим естеством и силой психологического воздействия:

Мне твои вспоминаются игры.
Рос ты, маленький, день ото дня.
И себе показался Сасрыквой,
Сев однажды верхом на коня.

Волны те, что тебя омывали,
В море бурную долю нашли.
Да и ты вспоминаешь едва ли
Обо мне, проживая вдали.

Видел реки ты глубже и шире,
Что сгибают пространство в дугу,
Разве с ними, великими в мире,
Я, Кумарча, равняться могу?

И вот, ответ лирического героя речке детства Кумарче, как бы любя, заботливо и игриво напоминающей о себе и своей значимости в судьбе поэта:

Стало сердце стучать мое жарче.
И нагнулся к студеной волне:
– Слышишь, реченька-речка Кумарча,
Дорога ты по прежнему мне.

Не забуду тебя я вовеки,
Если б, с гор начиная разбег,
Не сливались бы малые реки,
То великих бы не было рек.

Стал я сед, как волны твоей пена.
И, хоть часто разлука длинна,
Знай, что в сердце моем неизменно
Ты, как в зеркале, отражена...

(Перев. Я. Козловского)

Шестидесятые годы, на наш взгляд, можно назвать переломными в развитии абхазской поэзии как в плане углубления медитативности, психологизма, так и в плане заметного обновления, совершенствования форм образного раскрытия тех или иных тем. Сверхзадача заключалась в том, чтобы личные переживания автора, его чувства и умонастроения, лирическое содержание

того или иного поэтического произведения приобрели бы обобщающее значение, ярко выраженную социальную характерность.

Подлинными образцами тонкого взаимопроникновения жизни и поэзии, синтеза чувств и мыслей, изобразительного и выразительного стали стихотворения Б. Шинкуба «И вот моя душа, как говорится...» (1965), «Слышу голос...» (1967), «Слово» (1967), «Как я желал осилить перевал...» (1967), «Горит очаг, и пламя вьется...», «Пьют за долгую жизнь мою», «Остановились мы где-то в окрестностях Рима...», «Венеция». Тема прошлого и настоящего, жизни и смерти, пространства и времени – неотъемлемая часть мировоззренческих и художественно-эстетических исканий поэта.

Идея раскрытия необъяснимого внутреннего состояния человека, настроения момента подчинены ритмический строй и интонация в стихотворении «Слышу голос...». Это произведение давно уже по праву признано одним из шедевров современной абхазской лирики:

Слышу голос невнятный и странный...
На исходе тишайшего дня
Безутешность души безымянной
Окликает и мучит меня.

Чу! Опять этой музыки лишней
Слышен звук. Но дорога пуста.
Где же плакальщик, слезы проливший?
Где певец, отворивший уста?

Усиливаемое сменяющимися риторическими вопросами сквозное воздействие стихотворения способно вызвать очистительное чувство сопреживания:

Слышу голос... Но что же он значит?
Вознесясь над моей тишиной,
Не моя ль эта молодость плачет
Надо мной, над моей сединой?..

Или все, что должно быть воспето,
Что воспеть я хотел и не мог,
Моего не дождавшись привета,
Шлет мне кроткий упрек и намек?..

И эта сумятица звуков, словно сопровождая поэта всю жизнь, вновь и вновь возвращает его к разгадке извечных тайн бытия:

Слышу голос...
– Безумный, безумный! –
Говорят домочадцы мои.
Это действует вечный и шумный,
Непреложный порядок земли...

(Перев. Б. Ахмадулиной)

Этапным стал как для поэтического творчества Б. Шинкуба, так и для всей современной абхазской лирики в целом выход в свет книги стихов «Лето» (1962). Поэт, литературовед М. Ласуриа, высоко оценивая этот сборник, отметил: «Философия этих стихов подкупает своей утонченностью, поэтическая речь здесь пленяет своим волшебством» (М. Т. Ласуриа. Границы слова. Сухум, 1973. С. 118). Ярким проявлением высокого профессионального мастерства и образцами художественного совершенства становятся также лирические произведения, вошедшие в сборник «Слово» (1975).

Там, за преодоленными горами,
Иные горы для преодоленья,
И слово мне дано для утоленья,
Для услажденья страждущей гортани.

Слова тщетны, как я гнулся вами,
По слову мое горло горевало,
Я знал неодолимость перевала
Меж совершенным словом и словами...

Несмотря на значительный отход от художественных особенностей оригинала, сохранена в трансформированном качестве изначальная суть программного стихотворения поэта: путь творца к совершенству чрезвычайно сложен и тернист и совершенству нет предела.

Ты просишь соразмерности, ты – способ
Гармонии, но вовсе не бесплодность,
Ниспослан всем, но только мудрым познан
Твой прочный корень, воплощенный в посох.

В ничтожном шуме сутолоки бренной
Ты – ласточка привета из вселенной,
Чтоб разум принял поцелуй целебный,
Исторгнутый любовью речи древней.

Ты – крайностей родимое соседство,
Ты – исцелитель и спаситель сердца,
Но нет надежней и смертельней средства,
Чтоб кровь добыть с его живого среза.

И далее – четкий, напряженный, усиливающийся ритм завершающих строк, подчеркивающих внутрен-

нюю психологическую готовность поэта преодолевать любые преграды на пути к высотам художественного совершенства:

Я сопрягаю горы и глаголы,
Я шел в горах, я там иду и ныне.
Преодоленье – суть судьбы и книги,
Я жив. Я преодолеваю горы

1967

(Перев. Б. Ахмадулиной)

В семидесятые, восьмидесятые годы в лирике поэта, умудренного большим житейским опытом, выкристаллизовывается глубокая метафорическая образность. «Своебразные метафорические ответвления» помогают поэту раскрыть противоречивость явлений природы, и, подчас, парадоксальным образом, слить воедино противостоящие, казалось бы, несоединимые, несовместимые начала.

Новые стихотворения, вошедшие в сборник «Осенние лучи» (1986), подобны алмазным россыпям. В некоторых из них («Сединой покрыта вершина горы», «Как увижу отростки на старых корнях...», «Вдруг, ветер нарушив, тишину...», «Приближался верховой, словно вихрь...» «Бывает так, что чувств порыв...» и др.) – поэтический образ лаконичен, отточен и облечен в соизмеримую форму.

«...Да, в лирике Баграта Шинкуба широкое, вольное «вихревое дыхание» сочетается с совершенством поэтического стиля, в котором слова «примириены» и спаяны в родственном единстве. Поэт идет по пути наибольшего сопротивления, не упрощая и не выпрямляя «своевольных стихий» жизни, он в то же время добивается классической ясности и гармонии» (В. В. Кожинов. Современная жизнь традиций. «Дружба народов», 1977, №4. С. 259).

С образцами лирики Баграта Шинкуба давно уже знакомы в широких литературных и читательских кругах России. В разное время на высокопрофессиональном уровне переводы его произведений на русский язык были выполнены признанными мастерами художественного перевода: М. Алигер, К. Симоновым, М. Лукониным, С. Липкиным, В. Державиным, Л. Озеровым, С. Куняевым, А. Межировым, Р. Казаковой, Е. Евтушенко, Б. Ахмадулиной, Е. Николаевской, Я. Козловским, Д. Чачхалия и др.

Значителен вклад А. Твардовского в популяризацию лучших произведений Б. Шинкуба, оказывавшего своим самобытным дарованием и мощным многогранным творчеством сильное влияние на развитие русско-абхазских литературных взаимосвязей. Чем больше отдаляют нас годы от реального времени, в котором жил и творил великий поэт, тем глубже мы ощущаем на себе силу духовно-эстетического воздействия его бессмертных произведений.

НА СТИКЕ ИСТОРИИ, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИИ

Вячеслав Бигуаа известен как филолог, литературовед, вносящий свой заметный вклад в исследование широкого спектра проблем развития абхазской литературы. Круг вопросов, входящих в сферу его научных изысканий, затрагивает как историко-культурологический аспект, так и характер, тенденций современного творческого процесса, особенности развития жанров. Ученый часто публикуется в сборниках (коллективных трудах) ИМЛИ РАН им. А. М. Горького «История национальных литератур», «Литературное зарубежье: лица, книги, проблемы» и др. академических изданиях. Отдельными книгами выходили его исследования «Абхазская литература в историко-культурном контексте», «Абхазский исторический роман. История. Типология. Поэтика» и др. Работая в ИМЛИ им. Горького, через аспирантуру которого прошло немало ныне известных абхазских фольклористов и литературоведов, доктор филологических наук В. Бигуаа активно способствует налаживанию традиционных научных связей между признанным российским научным учреждением и АБИГИ им. Д. И. Гулиа – базовым центром абхазоведения.

В 2011 году перечень изданных работ абхазского ученого пополнился новой работой «Абхазская литература и литература народов Северного Кавказа. Историко-культурный контекст. Диаспора». В книгу вошли исследования, написанные за последние 7–8 лет. В таком обширном охва-

те и на основе большого сравнительного материала опыт изучения абхазо-адыгских(чеченских) литературных, исторических, духовных взаимосвязей представлен впервые. Мы много говорим о необходимости глубокого и многогранного изучения этой проблематики, но, к сожалению, научные изыскания в большинстве случаев ограничиваются специфическим подходом к исследованию глобальных кавказоведческих вопросов. В обсуждаемой книге не меньший интерес вызывают материалы, посвященные культурно-просветительской, научной и литературной деятельности северокавказской и абхазской диаспоры в Турции.

В предисловии к данному ценному изданию автор пишет: «Генетические корни, исторические и культурные связи, существовавшие в течение тысячелетий, не могут бесследно исчезнуть, они функционируют и сегодня, и не только здесь, на Кавказе, но и среди нашей диаспоры в Турции, Сирии, Иордании и других странах. Они отразились в обычаях и традициях родственных народов (абхазов, абазин, кабардинцев, черкесов и адыгейцев), этических системах, сформировавшихся в процессе многовекового диалога, фольклоре и литературе. Важно их комплексное изучение в динамике, в историко-культурном контексте...»

В статье «Этические основы художественного образа в литературах абхазо-адыгских народов», вошедшей в книгу, автор прослеживает пути формирования мировоззрения абхазских и адыгских писателей сквозь призму восприятия и оценки национальной этики, традиционной культуры, апсуара и адыгага, охватывающих с точки зрения В. Бигуаа, все стороны духовной жизни абхазов и адыгов. Для аргументации своих мыслей, связанных с исследованием нравственно-этических основ национального художественного образа автор обращается не только к поэтическим и прозаическим произведениям абхазских и адыгских писа-

телей, но и к их публицистике, в которой нашли отражение их концептуальные взгляды на мировоззренческие проблемы. Так, В. Бигуаа, делает достаточно обоснованные ссылки на романы Б. Шинкуба «Последний из ушедших», «Рассеченный камень» и его же философско-этнографическую книжку «Пока живы корни – дерево живет...», рассматриваемую исследователем в качестве рафинированного изложения взглядов народного поэта на национальную этику. Для иллюстрации мыслей о сквозном (ассоциативном) воздействии традиционного нравственного кодекса абхазов на художественный мир (сознание) писателей, литературовед обращается к образцам лирики одного из крупных мастеров абхазского поэтического слова Т. Аджба, посвященных теме апсуара («Ответ тому, кто сказал мне: ты не смог перешагнуть через апсуара»). Для развития и углубления темы этических истоков родственных национальных литератур, в частности, раскрытия особенностей художественной интерпретации нравственных категорий стыда и страха, добра и зла, чести и бесчестия, отношения человека к родному очагу, к природе, – входящих в иерархию этических категорий, В. Бигуаа обращается к сюжетам и образам Д. Гулиа, Ф. Искандера, Т. Керашева, А. Кешокова, М. Чикатуева и др. Историко-этнографическому обоснованию исследуемой проблематики служат мысли и доводы Л. Лаврова, Б. Бгажнокова, приводимые автором в обсуждаемой книге. В главе «Абхазо-адыгские фольклорные и литературные связи» исследователь анализирует примеры созвучия (параллелей) некоторых образов в разных жанрах абхазского, абазинского, адыгейского, кабардинского, черкесского фольклора. Со временем эти перекликающиеся фольклорные и мифологические образы трансформируются в литературные образы, становятся органической частью художественно-стилистической структуры литературных произведений. В качестве примера для сравнительного анализа автор книги приводит легенду об озере Рица и адыгское предание об озере Шатхурей. В. Бигуаа предполагает, что образ прирожденного пастуха, встречающегося в двух вышеупомянутых фольклорных произведениях и в других адыгских и абхазских народных сказаниях приобретает качественно новое художественное воплощение в творчестве Б. Шинкуба (в частности, образ старого пастуха Джомлата в романе «Рассеченный камень»). Ученый, анализируя различные версии, исследует истоки взаимосвязей достаточно распространенных образов Аджгери-ипа Кучука (абх.) и Аджигерийко Кучука (адыг.), (встречающихся в абхазских и адыгских песнях, плачах, героических сказаниях).

В. Бигуаа не обходит вниманием сказание о Кудж Капыте, действия в котором происходят в Кабарде и Абхазии. Интересны и дают серьезный повод для дальнейшего исследования предположения абхазского ученого, связанные с некоторыми типологическими сходствами, идентичностью героев «повести– предания» (очерка) адыгского писателя, просветителя С. Хангирая «Бесльний Абат» и поэм И. Когония «Абатаа Беслан» и «Зосхан Ачба и сыновья Беслана Жанаа». В то же время исследователь, указывая на противоречивость личности Бесльния, в характере которого сосуществовали мужество, храбрость, учтивость, красноречие с одной стороны, – жестокость, самолюбие, мстительность – с другой. «В своих злодеяниях Бесльний больше похож на другого героя И. А. Когония – князя Зосхана Ачба из поэмы «Зосхан Ачба и сыновья Беслана Жанаа»...» – отмечает В. Бигуаа, аргументируя свои доводы беспощадностью Зосхана к сыновьям Жанаа Беслана, чье превосходство не давало ему покоя. Оба героя не терпели соперничества. Далее развивая тему, абхазский литературовед пишет: «...Можно также говорить о «родственных образах», нередко встречающихся в

фольклоре близких народов, а иногда даже у совершенно далеких друг от друга народов (пример: нартский эпос адыгов, абхазов, абазин, осетин, карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей). В данном случае следует обратить внимание на то, что супруга Беслана – Ханиф была родом с Северного Кавказа («нхыңдаа ртыпъха»), дочерью Ахан-ипа («Ахан ипъацәа ртыпъха»). Здесь под «Ахан-ипъацәа» подразумеваются «старшие» кабардинские князья (пши). На такую мысль наводят строки из песни Ханиф после гибели мужа: «когда нас, плененных увозили, мы не видели совсем (в смысле: они не смогли помочь) кабардинских молодцев! – подстр. перевод В. Б.». Подытоживая свои размышления, основанные на сравнительном изучении традиционной культуры, фольклора и литературы абхазо-адыгских и других северокавказских народов, автор рецензируемой книги говорит не только об обнаружении точек соприкосновения, но и примерах взаимоотталкивания некоторых художественных образов.

В данную книгу вошла пространная научная статья «Архетип камня в национально-культурном осмыслиении», построенная на сравнительном анализе произведений К. Кулиева, Б. Шинкуба. Но анализу литературных примеров, связанных с обозначенной тематикой, предшествует достаточно подробное описание символического и сакрально-магического значения камня, нашедшего самобытное воплощение в мировом фольклоре, мифологии и литературе. Особое внимание исследователь уделяет образу камня в фольклоре народов Северного Кавказа и Абхазии, где камень «выступает как источник прочности, вечности, основы Земли, как источник рождения героя, новой жизни...». В. Бигуаа считает, что фольклорные и этнографические материалы, связанные с камнем, его ритуализацией оказали определенное воздействие и на формирование художественной структуры произведений классиков ряда

национальных литератур, в частности, абхазской и балкарской, представленных произведениями таких ярких творческих индивидуальностей как Б. Шинкуба и К. Кулиев. Ученый ссылается на мысли балкарского поэта о том, «что камням он обязан многим...камень учил его мыслить, учил сдержанности, оберегал как и деревья, от многослова и болтливости в стихах...». Еще больше интригуют слова балкарского мастера о том, «что поэты всегда знали, что камень – самый древний свидетель всего, что происходило на земле... и он облит потом и кровью отцов...видел их мужество, свадьбы, похороны, радость, слезы, торжества и беды. Поэтому камень постоянно присутствует в нашей поэзии, как живое существо, понимающее человека...» В качестве примеров, вобравших в себя выстраданные поэтом мысли о стойкости, свободе, внутреннем душевном равновесии, честности и постоянстве, глубоких раздумий о собственной судьбе и судьбе своего народа, В. Бигуаа приводит такие стихотворения, как «Ты ждешь меня...», «Мое слово», «Ты камнем стал...». В ряде произведений К. Кулиева образ камня ассоциируется с символизированным образом родного очага. Так пафос стихотворения «Огонь очага» (1957), несущего в себе подспудную мысль о драматической судьбе балкарского народа («Горит очаг – и песнь жива, И съят мой отчий край... Шепчу молитвенно слова: Очаг!.. Не остытай!») созвучен, по мнению абхазского литературоведа, духу знаменитого восьмистишия Б. Шинкуба «Горит очаг и пламя вьется...» (1965): «Горит очаг и пламя вьется, Подбросить дров – не проворонь! Из рода в род передается Неугасающий огонь...»

В. Бигуаа, скрупулезно исследуя истоки творческого взаимовлияния абхазского и балкарского поэта, подкрепляет свои мысли о близости их мировосприятия конкретными поэтическими примерами. В стихотворении «Кайсыну Кулиеву» абхазский лирик возводит камушек, некогда

подаренный ему балкарским собратом по перу до уровня философского образа («он символ памяти вечной, бережно храню его, словно золото...»). Эта метафора, благодаря силе поэтического воображения автора, приобретает гиперболические свойства («камушек упал с ладони и превратился в гору, ставшую выше Эльбруса...»). Абхазский литератор не исключает мысль о том, что обращение Б. Шинкуба к образу рассеченного камня, спустя почти двадцать лет после стихотворения «Тот камушек, который ты дал мне когда-то...» имеет свою внутреннюю психологическую мотивацию. В романе «Рассеченный камень» (1983) поэт, прозаик Б. Шинкуба создает историко-психологический портрет (образ) абхазского этноса, раскрывая суть апсуара – основы духовной идентичности народа, сохраненной в сложнейших условиях общественно-политического развития и идеологического противоборства. В заключении своей работы о творческом взаимодействии К. Кулиева и Б. Шинкуба, В. Бигуаа приходит к оригинальной мысли о том, что в их произведениях «образ камня полифункционален». «С одной стороны, камень связан с биографией, со становлением творческой личности писателей, с другой, в произведениях каждого автора он функционирует в контексте истории, культуры, нелегкой, порой трагической судьбы соответственно – абхазского и балкарского народа...». Но при этом, на наш взгляд, следует отметить, что пространный и подробный анализ «Рассеченного камня», носящий характер скорее отдельной статьи (затрагивающей, кстати, и особенности построения фабулы романа) несколько отдаляет читателя от заданной изначально темы – об архете камня в национально-культурной интерпретации. Тем более, что восприятие этой философии одновременно сквозь призму стихов двух сравниваемых поэтов и большого эпического полотна одного из них (т. е. авторов) усложняется разнохарактерностью стилей, форм, жанров, в

рамках которых реализуется идея. Камень в романе, все-таки, символ, вызывающий художественную ассоциацию, а размышления об апсуара – это огромный историко-этнографический пласт, система взглядов, фильтруемая художественным сознанием писателя.

Как в плане историко-литературном, так и в плане фактографическом, представляет собой значительную ценность работа «Культурно-просветительская, научная и литературная деятельность северокавказской и абхазской диаспоры в Турции». В данной статье, вошедшей в книгу, автором раскрываются исторические обстоятельства, сопутствовавшие основным этапам депортации народов горских народов Кавказа в страны Ближнего Востока во второй половине XVIII и в XIX вв. Прослеживается путь формирования и становления, характер и масштабы деятельности Черкесских культурных обществ в Турции, подвергавшихся репрессиям в начале 20-х годов XX в., и вновь в тяжелейших политических условиях (20–40-е годы XX в.) восстановивших свою деятельность, направленную на создание алфавитов, обучение на родном языке, выпуск учебной литературы, сохранение национальной культуры и т. д. Автор исследования уделяет значительное внимание абхазо-адыгской диаспоре, известным личностям, внесшим весомый вклад в развитие историографии народов Кавказа, художественное освещение проблем сохранения этнокультурной самобытности горских народов, в издание журналов, газет, бюллетеней. В. Бигуаа широко освещает направления и тенденции развития зарубежной абхазо-адыгской и в целом черкесской культуры во второй половине XX в., отмеченной заметным ростом национального самосознания северокавказской диаспоры. Среди видных представителей абхазо-адыгского просветительского движения в Турции исследователь выделяет имена таких крупных писателей, историков, публицистов, художников как

Ахмет Мидхат (Хагур), Хундж Хайрие Мелек, Зейф Намык Исмаил, Михри Ханум Ачба, Микер Азиз, Мустафа Бутба, Омар Бейгуаа, Иззета Айдемир, С. Берзег и др.

Книга снабжена обширным библиографическим материалом, примечаниями, комментариями, необходимым ссылочным аппаратом. На наш взгляд, данная работа, являющаяся солидным вкладом в исследование культурного пласта абхазо-адыгских (северокавказских) исторических взаимосвязей, подняла еще на одну высокую ступень развитие этой, достаточно актуальной сферы кавказоведения. Да, есть в работе спорные моменты, гипотетические взгляды на те или иные вопросы историко-культурологического характера, но они только усиливают интерес и внимание к поднимаемым автором проблемам.

ТЫ – ЛАРЕЦ МОИХ ТАЙН, АПСНЫ!..

(Об особенностях творческой индивидуальности М. Т. Ласуриа)

Мушни Ласуриа – признанный мастер художественного слова, известный переводчик. Новизной и глубиной лирического самовыражения отличаются его стихотворения, вошедшие в поэтические сборники «Слово из колыбели»(1963), «Надежды» (1965), «Шелковый дом» (1967), «Властелин воды» (1970), «Утро потоков»(1973), «Сеятель»(1976), «Избранное» и др.

В стихотворениях «Апсны», «На Стамбульском базаре», «Прощание», «Это был я», «Колыбель», «В нашем доме», «Вдруг из объятий вырвалась и прочь...», «Я один по комнате хожу», «Зависть», «Сон», «Последний поцелуй», «Шелковый дом» и др. достаточно ощутима смысловая наполненность лирического образа, выстраданность выражаемого поэтом внутреннего состояния. Лирическая речь в них весьма экспрессивна. Развернутые метафоры и эпитеты, семантически взаимодополняемые образы – это основные атрибуты художественного стиля М. Ласуриа. Ярким примером проявления сильного медитативно-изобразительного начала может служить известное стихотворение «Смерть камня»:

...Он мчался с ревом окровавленного зверя,
Уже не в жизнь, в одно возмездье веря,

Крошилось тело – сыпалось, кололось,
И, наконец, остался только голос!

И тот замолк...Ни грохота, ни стона,
Зарылся и затих в кустах рододендрона.
Я дальше шел и озирался поминутно,
На глыбы, нависающие смутно.

(Перевод Ф. Искандера)

М. Ласуриа – один из тех представителей современной отечественной лирики, кто, продолжая великие традиции Д. Гулиа, И. Когонии, Б. Шинкуба, обогатил образно-смысловые и интонационно-выразительные возможности абхазского стиха, усовершенствуя и усиливая его музыкально-гармоническое начало. Особенно ярко проявилось самобытное творческое дарование поэта в 60–80-е годы, когда ряд лучших образцов его патриотической, пейзажной и любовной лирики получил широкое распространение среди абхазских читателей. Несколько стихов поэта было переложено на песни, которые исполнялись известными эстрадными певцами Абхазии. Лирика М. Ласуриа пользовалась и продолжает пользоваться широкой популярностью среди абхазской молодежи.

В статье «Современная жизнь традиций», опубликованной в журнале «Дружба народов» в 1977 году, профессор В. В. Кожинов высоко оценил творческие достижения абхазского поэта: «В лирике М. Ласуриа живет тысячелетняя история Абхазии – живет не в навязчивых реминисценциях и перечислениях, а как внутренняя сила, как глубинное течение, которое вызывается наружу, лишь когда это необходимо. И тогда в стихах возникают образы Нартов и обломки Великой абхазской стены, нашествие Чингис-хана и трагедия махаджиров...»

Наблюдательность, способность находить в малом, порой даже обыденном, нечто незаурядное, возвышенное выводит поэта на поиски и разгадку волшебства природы, ее извечных тайнств. С такой утонченной культурой поэтического мышления мы встречаемся, в частности, в стихотворении «Шелковый дом»:

Шелкопряд своим тихим был занят трудом,
Шелкопряд поднимался все выше....

И когда себе шелковый выстроил дом,
Молча умер – никто не услышал.

Не увидел никто, куда он ушел...
Даже дома не стало –
один только шелк.

(Перевод А. Передреева)

В 70–80-е годы и в настоящее время лейтмотивом лирики поэта стали размышления о человеке и времени, о сущности человеческого существования, о жизни и смерти, о мгновенном и вечном. И в стихотворениях, посвященных таким ключевым темам, М. Ласуриа стремится к развитию образа, к раскрытию лирической мысли, зачастую отталкиваясь от какого-либо случая, экстремальных ситуаций, драматичных историй:

Когда, подхваченный потоком,
Ты задыхаешься, хрюпя,
И конь в борении жестоком
Внезапно смыт из под тебя,

Подхвачен ледяною мутью,
Надейся, не спеши на дно.

Наляг плечом! Работай грудью!
На крик, на случай, на бревно
Надейся! Не спеши на дно.

И такое напряжение ритма стиха, его внешнего фона дает автору возможность усилить сквозное воздействие, укрупнить мысль, облекая ее в удачную афористическую оболочку:

И если прорвой ледяною
Замкнулся смысл твоих путей,
Ты до конца владел собою,
Был волен волею своей...

(Перевод Ф. Искандера)

М. Ласуриа является автором поэмы «Золотое руно», а также романа в стихах «Отчизна». Он раскрывает сквозь призму многих событий драму Отечественной войны народа Абхазии 1992-1993 годов, кровавый и тернистый путь к свободе и независимости. В то же время эта вещь во многом автобиографична. Развитие главной темы здесь построено на переплетении личной судьбы поэта с судьбой Родины.

Значительный вклад внес М. Т. Ласуриа в развитие жанра художественного перевода. Его перу принадлежат высокопрофессиональные переводы на абхазский язык: романа в стихах «Евгений Онегин» А. Пушкина, поэм: «Мцыри» и «Демон» М. Лермонтова, «Витязь в тигровой шкуре» Ш. Руставели, «Песнь о Гайавате» Г. Лонгфелло и др. В 2004 году в типографии издательства «Христианин» в переводе на абхазский язык, выполненному М. Ласуриа, вышел «Новый Завет» – «Ауасиат ფყც». Долгая и кропотливая работа над ним была начата еще в советское время. Событийное

значение имеет «Антология абхазской поэзии 20-го века» (в 2-х томах), составленная и подготовленная к изданию М. Ласуриа. За эту колоссальную работу, ставшую настольной книгой многих абхазов, поэт и литературовед был удостоен Госпремии им. Д. И. Гулиа.

М. Т. Ласуриа также широко известен в научных кругах Абхазии и за ее пределами как профессиональный теоретик литературы, блестяще защитивший кандидатскую диссертацию в ИМЛИ им. А. М. Горького на тему «Творчество И. А. Когония и развитие эпических жанров в абхазской советской поэзии».

Поэт по-прежнему энергично работает над осуществлением своих художественных замыслов и идей. Новые подборки стихов, опубликованных на страницах журнала «Акуа-Сухум», убеждают в том, что творческие возможности их автора по-прежнему многогранны. Житейский опыт, талант и стремление поэта к качественно новому осмыслинию главных тем начинают творить как бы вместе, во взаимосвязи и взаимодействии, пробивая новый путь к читателю, радуя его новыми художественными открытиями и откровениями.

«Он стремится к классической ясности образов, к чистоте поэтических красок. Его лирика впечатляет гармоническим равновесием чувства и мысли, пластичностью деталей» – эти слова были предпосланы сборнику стихов «Смерть камня», вышедшему в 1971 году в издательстве «Советский писатель» в переводе на русский язык. Думаю, что эта оценка не утратила своей актуальности и по сей день и достаточно емко характеризует главные достоинства и художественно-стилистические особенности лирики М. Ласуриа.

СИЛА ТВОРЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

В нашем отечественном литературоведении получила высокую оценку творческая биография и культура поэтического мышления одного из видных представителей современной абхазской лирики Рушбея Смыр. В поэтических сборниках «Танец звезд» (1973), «Кремень» (1976) зrimо и рельефно обозначился почерк поэта, его самобытный метафорический стиль, подчеркивающий глубокое мировосприятие автора. Своим стремительным и уверенным вхождением в абхазскую поэзию периода 60-70-х годов, ознаменовавшуюся тогда заметным отходом от литературных штампов и идеологических клише, Р. Смыр продемонстрировал широкие выразительно-семантические возможности абхазского художественного слова. И появление на литературной арене лирика с новым, проникновенным взглядом на окружающую действительность, энергично отстаивающего свою роль, свой голос в абхазском поэтическом многоголосье, было замечено читателями и критиками. Природным мелодизмом, близостью к народным музыкальным истокам, стихотворения поэта привлекли внимание абхазских композиторов, создавших более 50 песен на темы его произведений. Превысивая опыт своих выдающихся предшественников Д. Гулиа, И. Когониа, Б. Шинкуба, Р. Смыр достиг значительных успехов в углублении и обогащении чувственно-эмоциональной первоосновы собственного мироощущения, качественно новом художественном переосмыслинии мифотворческой стихии абхазского эпоса. Лейтмотив по-

эзии Р. Смыр, смысловой стержень его лирического образа продиктован глубокими внутренними переживаниями и гражданской ответственностью за судьбу своего народа, сталкивавшегося на протяжении многовековой борьбы за самосохранение со сложнейшими драматическими испытаниями. И это обостренное чувство нередко находит свое высокое воплощение в аллегорических образах поэта:

Камням с потоком не ужиться,
Задыхаются камни на дне.
Поток к своей цели стремится,
И злоба кипит в глубине...

Этот гнев изнутри разрушает,
Изведенные души камней.
Нет, не голос реки оглушает, –
Гнев камней вновь клокочет во мне...

Под лаконичным по своей форме стихом значится дата 1978 год. Год, в котором спрессована череда бурных политических событий, захлестнувших в конце семидесятых годов не только Абхазию, но и всю советскую державу. И в событиях, ставших по сути этапными в борьбе против грузинской колониальной политики, принимал непосредственное участие сам Р. Смыр. Еще со студенческих лет он находился в гуще национально-освободительного движения. Его подписи стоят под многими документами, имевшими судьбоносное значение для нашего государства. Выступления поэта на народных сходах и митингах протеста еще свежи в памяти.

Тревожные размышления о героическом прошлом своего народа, не покорившегося превратностям судьбы, великий смысл преданности очагу предков, диалог с умершим отцом и погившим братом, Героем Абхазии – Виталием

Смыр, укрепляющий веру поэта в преодоление житейских невзгод, пессимистический образ абхазской колыбели, которой ныне безжалостно отводится место на чердаке – это те смысловые и символические доминанты, на которых построена единая образно-тематическая линия, пронизывающая его произведения. О чем бы ни писал Р. Смыр, какие бы ни затрагивал проблемы, во всех стихах чувствуется мощь его художественного дарования, сила творческой памяти, благодаря которой в философских исканиях абхазского лирика постоянно ощущается связь времен и событий. Так, в знаменитом стихотворении «Апсарские стены» мысль о неистребимости духа народадается в развитии:

...И на стены ложились морщины...
Но народ был сильней крепостей,
И вставали, как скалы, мужчины
За еще не рожденных детей.

Далее в этом же художественном контексте образ защитников Родины обрастает ассоциативными рядами, подчеркивающими извечность и непрерывность борьбы за свободу и независимость:

О, мужчины, сильнее вы скал,
Посильнее оружия и стали,
Средь отважных я искру искал.
Вы ж огнем полыхающим стали.

Хоть ни разу я не был в бою,
Но шагаю за сильными следом.
Обязательно я запою
Песню ту, недопетую дедом.

Осыпается сверху стена,
Но могуче фундамента тело.

Отнимает героев войны –
Сыновья продолжают их дело.

(Перевод Э.Дзыба)

За плечами поэта немалый опыт поиска и обретения собственного стиля, манеры письма, кропотливой и плодотворной работы по совершенствованию инструментовки стиха. И эти творческие достижения нашли достойное профессиональное воплощение в таких книгах как «Стрела»(1979), «Мои горы» (1981), «Песня самшита» (1985), «Кони искрометные» (1990), «Рада-гуша» (1994), «Рарира» (2003), «Голос» (2005), «Мой посох» (2008) и др. Я думаю, литературоведы, поклонники таланта Р. Смыр не могли не обратить внимания на то, что в его творческих исканиях особое место занимает горный пейзаж, в котором отношение лирического героя к природе возведено до уровня пантеистического мироощущения, обожествления красоты, открывающейся орлиному взору поэта. Но тут важен еще и тот нюанс, что поэт знает о жизни гор и о непростом горном ритуале непонаслышке: он опытный охотник, знакомый и с суровым характером отвесных скал, и с коварством петляющих тропинок, ведущих к неприступным вершинам. И в своих лучших стихах о величественной красоте наших гор, Р. Смыр не просто механически копирует обозримый горный ландшафт, он находит в нем источник умиротворения, как бы вживаясь в него, по настоящему живописует, получая в ответ невыразимое духовное удовлетворение. В некоторых стихах («В горах», «Горы ночью», и др.) поэт удивляет знанием этнографических особенностей быта пастухов, богатством специфической лексики, связанной с охотничим обрядом. И сюжеты, посвященные охоте, получают под пером мастера, впечатляющее и зримое обрамление:

В заповедном вековом лесу
Где вершины высоки и чисты,
Встретились мы с ним лицом к лицу,
На крутой тропинке каменистой...

Далее – лирическая ситуация, таящая в себе философский подтекст стиха, выраженный в афористическом стиле:

Взгляд его задумчив и лучист
Над горами, будто над веками...
Я боялся: выстрел прозвучит
Или же сорвется рядом камень...

Куропаток неспокойный хор,
Оглашал окрестные просторы:
«Ничего не значит тур без гор,
Но и горы без него – не горы...»

(Перевод Э.Дзыба)

Вступив в пределы возраста, когда творческая личность тяготеет к обобщениям прожитого и пережитого, поэт обращается к темам, где отголоски внутреннего самопознания весьма изысканно растворены в лиризме, присущем авторской индивидуальности Р. Смыра:

Я солнце в газыри вмешу,
Сердцем процежу луну.
В наперсток день свой опущу,
Я не оставлю ночь – одну...
Затем волшебным светом глаз
Я бездну неба озарю.
– Но кто я?.. Кто мне душу спас?.. –

Себе ж вопросы задаю...
На грани Небытия стою...

Р. Смыр достиг заметных высот, дающих основание причислять его к плеяде мастеров абхазского поэтического слова. Жаль, конечно, что его лучшие произведения еще не переведены на языки других народов мира. Беда в том, что изысканность и тональность, выраженные в родном языке, теряются за схемой подстрочника, в большинстве случаев убивающего в поэтическом слове главное – чувство и эмоциональный порыв. Из абхазских писателей, удостоенных Госпремии им. Д. И. Гулиа, Р. Смыр достиг этого признания без всяких скидок и просьб сверху. «Если, допустим, оценивать его уровень в сравнении с достижениями его предшественников, в контексте истории нашей отечественной литературы в целом, то и в этом случае он займет место среди лучших лириков, мастеров абхазского художественного слова» – пишет народный поэт Абхазии М. Ласуриа в статье «Рожденный для поэзии...» («Акуа», «Сухум», 2007, №1). Сравнивая лирику Т. Аджба с поэтическим мировосприятием Р. Смыра, известный литературовед В. Ацнариа отмечал элегическую тональность первого и эпическую приподнятость интонации второго. Были, конечно, у видного абхазского критика и серьезные критические замечания к обоим авторам, как в плане раскрытия тем, так и в плане некоторого метрического однообразия стиха. Но во многом обоих поэтов роднит национальный дух и ярко выраженная патриотическая направленность. Один из наиболее ярких представителей абхазской философской лирики Г. Аламия оценивает творчество Р. Смыра в контексте осмыслиения национального духовного феномена: «Суть духа нации не постигнуть с помощью самых гениальных академических учебников. К пониманию ее

можно прийти лишь через поэзию таких поэтов как Рушбей Смыр. Их творчество сродни объемным письменам, в которых сошлись прошлое, настоящее и будущее народа. Остается пожелать себе душевного настроя, дающего возможность приобщиться к таким священным известиям».

Думаю, стоит вспомнить в этой публикации и о таком немаловажном для творческой биографии поэта факте, как обсуждение его стихотворений, состоявшееся в 1979 году в Москве, в рамках Всесоюзного семинара молодых писателей. В нем принимали участие известные поэты Е. Евтушенко, А. Вознесенский, А. Дементьев, Я. Хелемский, Ю. Ряшенцев. Материалы дискуссии были опубликованы в журналах «Литературное обозрение», «Юность» и др. Совсем недавно Р. Смыр был отмечен премией журнала «Алашара» за лучшую подборку стихов. Он, конечно, не из той категории поэтов, которые считают своим долгом неустанно посвящать панегирики высокопоставленным лицам. Строки же, обращенные к Владиславу Ардзинба, наполнены болью и трагизмом, связанными с трудными для Родины днями. В них – образ истинного предводителя и защитника Апсны:

«Может, лучше сдаться мирно?» – думал кто-то про себя,
Убегали лжегерои! Бог предателям судья!
Кто-то, думая о брюхе, пресмыкался пред врагом,
Кто-то теплое местечко думал вымолить потом...

Кто-то братьев и соседей, предав, запросто продав,
От фамилии и от рода отрекался навсегда.
И, тревожась, кто-то думал: «Что же ждет нас впереди?..»
И кого-то прорывало: «Где же лидер? С кем идти?..»

В час беды и в час неверья, Бог спустил тебя с небес,
Ты – потомок Абрыскила! Высечен из кремня – весь!

Ты для нас – Леон Великий и бессмертный Келешбей!
Ты, как Нестор неотступен! Вечен ты как Прометей!..

(Перевод В. Зантариа)

И вновь осмысливая драматические события, пережитые нашим народом, начинаешь воспринимать слова поэта, как собственное признание перед человеком, пожертвовавшим собой во имя святых – свободы и независимости:

Боль погибших утешая, исповедь твоя звучит,
Ты – наш вечный полководец и незыблемый наш щит!

ТА ЗЕМЛЯ, ЧТО СТАЛА СГУСТКОМ БОЛИ...

Геннадий Аламиа пришел в абхазскую поэзию в середине 60-х годов со своим глубоким мироощущением. Результаты его художественно-стилистических исканий нашли качественно новое преломление уже в первом сборнике «Адәы иат҃әа» («Зеленое поле»—1971 г.). Семантическое развитие лирического образа, отчасти отражающего динамику художественного самопостижения поэта, диктовало определенную индивидуальность построения стиха, некоторую раскованность строфики, структуры произведения в целом. В то же время, затрагивая сложные и многогранные философские проблемы взаимоотношения человека и природы, жизни и смерти, любви и ненависти, времени и вечности, поэзия Г. Аламиа в той или иной форме сохраняла в себе стержневое синтетическое начало, укрупняя, усиливая созданные таким путем ассоциативные ряды:

Мы все в пути:
и ты,
и я,
и он,
Ступаем в след,
Не попадаем в тон,
Невзятые вершины в каплях крови
Надгробьями у наших изголовий...
Мираж морей –
Слезами на лице...

Мы все в пути.
Мы встретимся в конце.

(Перевод И. Фаликова)

В целом же, внутренне осознанное стремление к углублению философского самопознания обретают ярко выраженные характерные черты в конце 60-х и начале 70-х годов прошлого века в творчестве ряда представителей среднего и молодого поколения абхазских поэтов. Между тем в тот период еще долго не смолкали отголоски волн эстрадной поэзии, навеянной творческими исканиями шестидесятников. И в этой лирической полифонии Г. Аламиа отличается своей достаточно колоритной и самобытной смысловой интонационностью. Говоря о лирических медитациях и философских размышлениях поэта, преломленных в форму развернутых метафор, следует отметить, что они стали своеобразным и оригинальным продолжением богатого предшествующего опыта художественно-эстетических исканий абхазской поэзии, начиная с творчества Д. Гулиа, И. Когония.

По характеру ассоциативности мировосприятия, стихотворения Г. Аламиа наиболееозвучны, на мой взгляд, с лирическими произведениями поэта Анатолия Аджинджала, в которых замечательный абхазский литературовед и критик В. Ацнариа был склонен находить некоторые следы стихийного импрессионистического мироощущения. Характерно, что на формирование нового медитативного (интеллектуального) направления в абхазской поэзии в 60-е, 70-е, 80-е годы прошлого столетия, определенное эстетическое и мировоззренческое воздействие оказывал процесс постепенного освобождения от идеологических стереотипов и литературных штампов, наметившийся в развитии и других жанров. Видимо, не случайно и то, что в

плане художественного исследования «вечных вопросов» и ключевых тем, мысли прозаика А. Гогуа и поэта Г. Аламиа моментами отдаленно перекликаются. «Г. Аламиа – один из лидеров нового поколения абхазской поэзии, его литературные поиски в самом начале творческого пути поддержал Фазиль Искандер... Освоив приемы остросовременного художественного мышления, Г. Аламиа не порывает связи с образной системой абхазского фольклора. Сегодняшняя его лирика – плод напряженных раздумий о времени, породившем новые проблемы и новые надежды...», – отмечено в аннотации к сборнику «Ореховый ключ» (на русском языке), вышедшему в издательстве «Советский писатель» еще в 1991 году. Емкие размышления поэта о Родине прекрасно гармонируют с отточенной формой обычно-го восьмистишия:

Услышу ль о другой земле – не малой,
о той, что больше, чем земля моя,
я малой назову мою, пожалуй,
и маленькой ее увижу я.

Но если мерить Родину в длину
и ширину, – она земля, не боле,
а та земля, что стала сгустком боли,
у этих измерений не в плену...

(Перев. И. Фаликова)

Абхазский читатель хорошо знаком с особенностями творчества поэта по его книгам «Святая святых», «Есть дни такие...», «Пещера и свеча», «День жизни», «Семена огня», «Далеко пойти...», (сборник детских стихов), «Ореховый ключ» (сборник стихов в переводе И. Фаликова и В. Еременко), «Дорогами ветвей» (сборник стихов в переводе Д.

Чачхалиа), «На рассвете» и др. Каждый из этих небольших по объему сборников может претендовать на высокий уровень художественных задач, воплощаемых лучшими поэтами второй половины XX в. Г. Аламиа часто обращается к ситуациям, в которых человек предстает перед взором читателя в самых разных, подчас, неожиданных пространственно-временных (достаточно контрастных) измерениях:

Вдруг среди зимы
Тепло охватило!
В золоте лучей
В парадные двери
Человек вступил
Под своды мирозданья.

Летом сердце вдруг
Сжалось, холода,
Через тайный ход,
Под покровом ночи
Тихо человек
Ушел за пределы...

Г. Аламиа хорошо известен абхазскому читателю и как один из опытных мастеров художественного перевода. Его перу принадлежат блестящие переводы на абхазский язык «Юлия Цезаря» – Шекспира, «Горя от ума» – Грибоедова, драмы Кальдерона «Жизнь есть сон» (их сценическое воплощение принадлежит известному абхазскому режиссеру В. Кове), стихотворений и сказок Пушкина, его маленьких трагедий «Моцарт и Сальери», «Скупой рыцарь», произведений Александра Блока, Гарсия Лорки, Михаила Светлова, Коста Хетагурова, Микаэля Чикатуева и других авторов. Анализ опыта современных творческих исканий дает

достаточное основание утверждать, что в 70-е 80-е годы прошлого столетия Г. Аламиа внес в развитие абхазской лирики и ее ключевых тем свою тональность, свой взгляд изнутри. Его яркий художественный стиль оказал значительное воздействие на становление и профессиональный рост представителей молодого литературного поколения.

Творческий опыт и работа поэта в плане определенной деканонизации форм классического стиха важны и для выявления новых экспрессивных возможностей абхазского литературного языка.

Лирика Г. Аламиа, его художественная публицистика отмечены в развитии абхазской литературы печатью качественно нового стиля отображения авторского замысла, внутреннего мира поэта, во многомозвучного драме эпохи, ее напряженному ритму. Ниша, занимаемая поэтом в истории современной абхазской художественной культуры – особая. Она характеризуется тем, что в творческой индивидуальности признанного мастера поэтического слова слились воедино и гармонично его глубоко самобытное и своеобычное мировосприятие, личностное и общечеловеческое:

Все бездны мира заключил
Я в сердце собственном своем.
Чтоб не страшился темных сил
Ребенок, потемнев лицом...

(Перевод И. Фаликова)

САМОБЫТНОЕ ДАРОВАНИЕ ПИСАТЕЛЯ

Георгий Гулиа – блестящий мастер русской советской прозы, известный публицист, сын основоположника абхазской литературы Дмитрия Иосифовича Гулиа. Он известен в широких читательских и литературных кругах как автор множества романов, повестей, рассказов, др. произведений, пользующихся заслуженной популярностью.

Он особо дорог нам, его соотечественникам, тем, что внес значительный вклад в популяризацию творческого опыта абхазской литературы и фольклора, национальной традиционной культуры в целом. Богата и уникальна биография писателя, свидетельствующая о многогранности, самобытности его творческого дарования. После окончания Сухумской средней школы, Г. Гулиа учился в Закавказском институте инженеров путей сообщения в Тбилиси (1929–1939). После учебы возвращается в Сухум и начинает работать на строительстве Черноморской железной дороги. В 1937 он начинает свою деятельность на журналистском поприще: работает заместителем гл. редактора республиканской молодежной газеты «Комсомолец Абхазии». Георгий Гулиа – автор многих статей, очерков, эссе, зарисовок о писателях, ученых, актерах, художниках, об искусстве и культуре в целом. В 1939 году он был направлен на высокую ответственную работу. Писатель возглавляет Управление по делам искусств при Совнаркоме Абхазии. Позже, после известных событий, связанных с выходом в свет повести «Черные гости», он переезжает в Москву и начинает работать вновь на журналистском поприще, теперь

уже в редакции «Литературной газеты» в качестве члена редколлегии и одного из ведущих литсотрудников знаменитого издания.

Следует подчеркнуть еще один привлекательный и далеко не второстепенный факт его творческой биографии. В 1968 г. он становится инициатором издания ежегодного приложения к «Литературной газете» – «Пушкинский праздник» (последний номер вышел в 1989). Писатель постоянно поддерживал близкие дружеские отношения и творческие связи с такими известными личностями как А. Твардовский, К. Симонов, А. Фадеев, К. Федин, Н. Саррот, Ю. Барабаш, Ж. Амаду, Ж. Л. Арагон, М. Стивенсон, М. Ибрагимов и др.

В 1930 Г. Гулиа написал рассказ «На скате» по мотивам рассказа отца – Д. Гулиа «Под чужим небом». В 1936 издана его повесть «Месть», а в 1947 из под пера Георгия Дмитриевича выходит повесть «Весна в Сакене», принесшая писателю мировую славу. Данное произведение было опубликовано К. Симоновым в журнале «Новый мир». Повесть была издана отдельной книгой в Москве, в 1948 и до 1960 она была переведена на языки многих народов СССР, а также на немецкий, чешский, китайский, румынский, английский, турецкий, корейский, вьетнамский и др. яз.

Произведение получило множество восторженных откликов в прессе, в газетах «Правда», «Известия», «Литературная газета», «Комсомольская правда», в журнале «Огонек» и др. престижных печатных изданиях. В 1949 в «Новом мире» были опубликованы и др. части трилогии – повести «Добрый город», «Кама» (1950). В 1954 отдельной книгой выходит трилогия «Друзья из Сакена», в которую вошли все три повести. В 1950 писатель обращается к проблеме художественной интерпретации истории Абхазии начала XIX в. На страницах «Нового мира» появляется его историческая повесть «Черные гости». Произведение, затрагивавшее

острейшие коллизии истории Абхазии XIX в., вызвало широкий общественный резонанс, как в Абхазии, так и за ее пределами. Это был сложный период преднамеренной фальсификации истории Абхазии, напряженной политической атмосферы, нагнетавшейся национал-шовинистическими кругами Грузии. В газете «Советская Абхазия» был напечатан ряд отрицательных рецензий на художественно-документальное произведение Г. Гулиа. Известный абхазский поэт, публицист Б. Гургулиа писал, что ажиотаж вокруг «Черных гостей» вынудил Г. Гулиа уехать в Москву, где он энергично и плодотворно работал до конца своей жизни. В то же время в защиту писателя выступили известные общественные деятели, ученые. Положительную оценку повести дали такие известные историки как Е. Тарле, Г. Дзидзария и др.

Художественно-публицистическому раскрытию драматических перипетий истории Абхазии XIX в., в частности, проблем махаджирства посвящен роман Георгия Гулиа «Водоворот» (1959). Это первое крупное художественное полотно о трагических страницах нашей отечественной истории XIX столетия. В свое время вызвали живой читательский интерес произведения писателя «Каштановый дом», «Скурча уютная», отмеченные высоким художественным уровнем и национальным колоритом. После смерти отца, патриарха абхазской литературы, Георгий Дмитриевич пишет книгу «Дмитрий Гулиа. Повесть о моем отце» для серии «Жизнь замечательных людей», которая стала значительным вкладом в абхазскую культуру и национальную эссеистику. В данном произведении нашли гармоничное сочетание богатый фактологический материал, связанный с жизнью и творчеством основоположника абхазской литературы, с интересными оценочными взглядами, рассуждениями Г. Д. Гулиа на события, сопутствовавшие поистине титанической деятельности первопроходца отечественной литературы.

В дальнейшем писатель углубляется в мировую историю, художественно исследуя ее малоизвестные культурные пласти, пропуская времена и события сквозь призму своего художественно-философского мировосприятия. Свое достойное место в русской романистике советского периода занимают такие знаменитые произведения, как: «Сказание об Омаре Хайяме», «Человек из Афин», «Фараон Эхнатон», «Сулла», «Жизнь и смерть Михаила Лермонтова», «Ганнибал», «Викинги: новейшая сага». Г. Гулиа становится признанным мастером художественного переосмыслиния и воссоздания характеров ярких исторических личностей. Проникая в глубины истории, постигая ее тайники, он умел анализировать нравственные проблемы современности. Глубокое понимание перипетий прошлого служило для писателя основанием для качественно нового осознания настоящего.

Г. Гулиа был человеком неутомимым, на редкость трудоспособным, в то же время подвижным, деятельным, коммуникабельным. Он бывал во многих странах мира, черпая из этих поездок бесценные материалы как для своих художественно-исторических полотен, так и для публистики, ярко отражавшей его неповторимую писательскую индивидуальность, манеру письма. Примечательно, что в популярном печатном издании «DI WELTBRIUNE» (Берлин) Г. Гулиа выступил со статьей, содержавшей краткий обзор истории становления абхазской литературы». Живо и увлекательно отзывался писатель о сенсационной Майкопской находке проф. Г. Турчанинова. Представляют определенную художественную и научно-познавательную ценность его размышления о Великой Абхазской стене, о нравственно-философских истоках Нартского эпоса и т. д. Г. Гулиа известен как автор превосходного перевода на русский язык прозаической части знаменитого Нартского эпоса.

Примечательно, что биография писателя включена в Абхазский биографический словарь (автор статьи – докт. филологических наук В. А. Бигуаа), Энциклопедический словарь Кембриджского ун-та «Кто есть кто?», в две серии: «Интеллектуалы мира», «Писатели мира» и «Люди науки» (1992).

Георгий Дмитриевич постоянно поддерживал связи с родной Абхазией, делал многое по популяризации творчества абхазских писателей. Внимательно следил за событиями в Абхазии. Встречался с долгожителями, тепло общался с ними. Так, в частности, он был желанным гостем в доме замечательного старца и сказителя Темыра Барганджия в с. Тамыш. Вместе с ним сюда в гости приезжали многие известные мастера слова, публицисты. Писатель обладал тонким юмором, ценил это редкое качество в характере своих друзей.

Во время трагических июльских событий 1989 года, несмотря на тяжелый недуг, он согласился дать интервью Абхазскому телевидению (запись была организована по нашей просьбе его сыном Георгием). В телебеседе писатель, за плечами которого был огромный житейский и творческий опыт, рассказывал телезрителям о мрачном периоде закрытия абхазских школ, преследования абхазской интеллигенции, искажения истории и др. пагубных последствиях сталинского режима. Жизни и творчеству Г. Гулиа посвятили свои работы и публикации такие известные ученые и писатели как М. Ладария, Б. Гургулиа, Ш. Чкадуа, М. Ласуриа, В.Бигуаа, А. Дымшиц, А. Тверской и др.

Статья составлена на основе биографической справки подготовленной доктором филологических наук В. А. Бигуаа и публикаций безвременно ушедшего абхазского поэта, публициста

Б. А. Гургулиа

ВЕРНОСТЬ СЛОВУ И ЗОВУ ДУШИ

Мы живем в непростое время, когда политика, меркантилизм и потребительское отношение к жизни беспощадно оттесняют на второй план культуру, духовные ценности. Истинное и глубокое восприятие литературы и искусства, трепетное отношение к ним, даже в самые тяжелые времена, способствовали полнокровному культурному развитию общества. И, слава Богу, в Абхазии, несмотря на драматические потрясения, выпавшие на долю нашего народа, отношение к литературным традициям, к классическому духовному опыту выдержало нелегкие испытания. Мы не утеряли чувства любви и уважения к своим писателям, чьи идеи, взгляды и помыслы, нашедшие отражение в их произведениях, составляют основу нашей этно-культурной (языковой) идентичности.

Одним из видных представителей старшего поколения абхазских литераторов, долгие годы плодотворно работающих на поприще поэзии и прозы, продолжая традиции Д.Гулиа, И. Когониа, С. Чанба, Б. Шинкуба и др. крупных мастеров слова, является Мушни Иродович Микая. Самобытность творческой индивидуальности мастера абхазской поэзии и прозы заключается в первую очередь в том, что он внес в нашу художественную словесность свой слог, свою манеру письма, достаточно ярко отразившую колорит, лексическое многообразие народной речи. Он ступил на литературную стезю в конце 50-х годов XX в. Первый сборник стихов «Цветок и роса» вышел в 1962 году, в Сухуме.

В лирике М. Микая раннего периода нашли отражение характерные свойства его художественного мировосприятия: благоговейное отношение к родной природе, эмоционально-возвышенное восприятие ее божественной красоты, стремление осмыслить ее сквозь призму личных душевных переживаний. В целом, такая тенденция была характерна для развития абхазской лирической поэзии в 60-е годы прошлого столетия. Позже на фоне ярких и масштабных творческих свершений выдающегося мастера стиха Б. Шинкуба, заметных успехов в новом художественном освоении ключевых тем добивалась плеяда молодых талантливых поэтов. К ним принадлежал М. Микая, чьи стихи уже в 70–80-е годы в плане постижения скрытой сути вещей, метафоричности образа, в определенной степени были созвучны со стихами его ближайшего друга Ан. Аджинджала, хотя, конечно, каждый из них занимает свою достойную нишу в истории абхазской поэзии и литературы в целом.

60–80-е годы ознаменовались в творческой биографии поэта выходом в свет таких поэтических сборников, как «Весеннее утро», «Белая ветка», «Поляна», «Чайка», «След звезды», «Завтрашний день», «Голос рассвета» и др. В них прослеживается путь поэта от чувственно-эмоционального восприятия всего, что его волнует, беспокоит внутренне, – к художественному самопостижению, осмыслинию исследуемого лирического события. Пронизывают лирику поэта размышления о жизни и смерти, доброе и зло, мгновенном и вечном, о любви и ненависти. Трогательные воспоминания далекого детства, немеркнущий облик старцев-златоустов – живых носителей первозданных волшебств родного языка, отношение поэта к отечественной истории, традиционной культуре – из всего этого формировалось художественное мировоззрение писателя, для которого литература, творческая судьба стали органичной частью

личной судьбы. О заметном стремлении поэта вступить в доверительный диалог с читателем, к раскрытию внутренних побуждений, боли души, художественному осознанию своего внутреннего состояния писал в предисловии к избранным произведениям М. Микая (Иалкаау, Акуа, 1982) проф. Ш.Д. Инал-ипа.

«Сегодня никого невозможно обмануть. Люди чувствуют поэзию, идущую из глубины души, равно как и вопли, и сетования того, кто неискренен в своих стихах...», – отмечает М. Микая в предисловии к другому сборнику («Золотые нити» (2006). Стихотворение «Вспомни, друг, обо всем...» построено на воображаемом диалоге с другом:

...Остановись, мой друг,
Вздохни ты облегченно, –
Вспомни о добрых деяниях моих – и жестоких...
Вспомни обо всем, но прости...
Я не был белой тенью на этой земле...
Все перемолото жерновами времени,
Молодость растаяла как пена водяная,
Но вечерняя та звезда (над вершинами) сиянием своим
Как и прежде смягчает душу...

(подстрочный перевод)

Размышления о бренности и скоротечности всего земного, о своей судьбе все чаще и чаще звучат в стихах поэта, прошедшего нелегкий путь обретения собственного взгляда на проблемы бытия человеческого. В монологах поэта, в его постоянном и тревожном творческом поиске доминируют мысли, подсказанные житейским опытом, постижением того, что принято в общечеловеческом смысле называть солью земли:

Похож я на разорванную в пряже нить...
И думать я уже не в силах ни о чем,
Но, увы, и не думать – я не в силах...
Мысленно я одолел семь неприступных скал,
Сижу весь отрешенный... –
Медленно разматывая песочную веревку...

(подстрочный перевод)

Я думаю, что Мушни Микая можно отнести к числу тех абхазских поэтов, кто, насколько это было возможно, уберег себя от воздействия политической конъюнктуры и шараханий от одних идеологических поветрий – к другим. В его творчестве не было резких и неожиданных перепадов, шел он тропой своих художественных исканий, им самим прорубленной просекой, не изменяя в силу тех или иных обстоятельств, своим принципам, своему мировидению. Да в раннем творчестве, как и у многих лириков конца 50-х начала 60-х, давали знать о себе патетика и словесные залихания. Но в целом поэтическое творчество М. Микая не приемлет искусственной подгонки стихов под клише типа: гражданская, интимная, пейзажная, философская лирика. Мотивы и побуждения, дающие эмоциональный импульс его стихам, продиктованы внутренним состоянием, естественным желанием исповедаться перед ближним своим. Да, может быть, устает иногда читатель от кое-каких повторов, интонационного сходства ряда стихов, частого возвращения к одним и тем же темам, излишней стилизации художественной речи под архаику родного языка, – но все это, по большому счету, подготавливает нас к целостному восприятию образа самого поэта, его субъективного и сложного художественного мира. В сборнике «Золотые нити» особое место занимают два больших цикла – размышления, навеянные родным, несколько мифологизиро-

ванным холмом Тур-ихуы и подборка стихов, посвященных памяти супруги поэта, незабвенной Л. Барганджия, выросшей в семье гостеприимного и мудрого старца Т. Барганджия, где бережно блюли абхазский этикет. В стихотворении «Мир моих сказок» родной холм выступает в роли художественно-философского олицетворения всего сокровенного, разумного и возвышенного, что составляет суть нравственного кодекса «апсуара»:

О, холм мой, одинокий, немеркнущее светило трех сел,
Ты – свидетель мытарств моих и обретений...
Да, хранит Господь первозданность твою –
Ты – апсуара и аламыса живое воплощение!

Всевышний, чувствующий каждую песчинку на этой земле,
Указал на тебя перстом, как на сердцевину мира.
Ты – хранительница людских страданий и упований,
Ты – сила духа и опора абхаза – сына земли обетованной.

(подстрочный перевод)

Но в последних строках стихотворения, приподнятость интонации сменяется некоторой пессимистичностью тона, мотивированной тревожными раздумьями о разрушении духовной основы того, что некогда было окружено ореолом божественной таинственности:

...Я и по сей день иду по тропинке,
Ведущей к отметине детства – наследию моих раздумий.
Единственное, что уцелело – это следы косы (покоса)
моего деда и
Запустенье, зажатое в чьи-то стиснутые уста...

(подстрочный перевод)

От стихотворения к стихотворению переходит исповедь поэта в цикле, посвященном супруге, преждевременный уход которой стал для него тяжелой драмой, отразившейся на его личной судьбе и занявшей в его поэзии главенствующее положение. И тема одиночества естественным образом перекликается в стихах (лирических новеллах) с размышлениями о сущности человека, о его нравственном предназначении. Казалось бы, что нового может привнести абхазский лирик в художественное исследование темы, веками и тысячелетиями не сходящей с уст великих поэтов и философов? Но в стихотворении М. Микая она приобретает достаточно самобытное звучание, благодаря, может быть, тому, что поэт выражает свой взгляд на проблему с точки зрения национальной ментальности. Структура обобщенного образа человека, в лабиринты сознания которого пытается проникнуть автор, в определенной степени формируется из ряда риторических вопросов, отчасти выводящих читателя и на ответы на них: («Кто есть человек? Откуда родом? Куда он держит путь?», «В каком ларце скрыты тайники его души?», «Кто есть человек? Куда стремится? Человек, поверивший однажды и в Бога, и в дьявола?» и т. д.) И более развернутые ответы, опять-таки, в иносказательно-метафорическом плане, мы услышим в заключительных строфах, как бы восполняющих поэтическую недоговоренность в начальных строках:

Он брошен в пучины волн судьбой суровой,
Человек, оросивший землю родную обилием крови...
Он – уходящий в небытие, как гриб перезревший,
В тот миг, когда едва уловил призраки надежды...

(подстрочный перевод)

Тяготение к фольклорной образности трансформировалось в качественно новую форму лиро-эпического ми-ровосприятия в поэмах М. Микая («След звезды», «Величественный холм», «Шрам», «Баллада гор», «Дочь скал» и др.) Первые серьезные попытки поэта испытать свои изобразительные возможности в прозе относятся к 70-м 80-м годам, когда навеянные частично устным народным творчеством рассказы и притчи (сказки) М. Микая вылились в прозаические сборники «Песочная веревка» (1975) «Дерево детства» (1985). Фольклор, устные предания, сбором которого писатель занимался параллельно с художественным творчеством еще с молодости, безусловно, сыграли значительную роль в формировании его образа мышления, языка и авторского стиля. Учитывая, что лексика поэта пропитана множеством архаизмов, а также созданных им в результате словотворчества крылатых выражений, образов и эпитетов, порой убеждаешься в необходимости приложения к его книгам маленьких словарей. Наиболее масштабное проявление эпическое дарование поэта получило в романе «Ахка» (Непримиримая вражда), первая часть которого вышла в 2009 году на абхазском языке. Здесь раскрыта проблематика художественной оценки трагических событий 30–40-х годов, когда судьбы людей, целых народов были поставлены в зависимость от воли диктаторов и тех, кто обслуживал единоличные человеконенавистнические интересы командно-административной системы, ее репрессивного аппарата. В данном произведении широко и многогранно проявились способности мастера пропускать через свой внутренний мир значимые событийные явления, ставшие частью духовной истории народа, наполненные драматизмом и судьбоносными коллизиями. Некоторые абхазские писатели и литературоведы справедливо отмечают органичность совмещения в романе реалистического начала с художественным вымыслом.

Перу поэта, прозаика принадлежит ряд публицистических произведений, очерков, статей. Значителен вклад М. Микая в развитие художественного перевода. Своебразным обобщением творческого опыта писателя стало издание трехтомного собрания его сочинений. М. Микая всегда находился в гуще общественной и литературной жизни, долгие годы работал редактором издательства «Алашара», не мало труда и энергии он посвятил Союзу писателей Абхазии (1967), журналу «Алашара», возглавляя отдел поэзии. Является чл. Ассоциации писателей Абхазии (2003), входит в ее правление. Публикуется в журнале «Акуа» (Сухум), в газете «Ецаджаа» («Созвездие»). Был чл. СП СССР. В период Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 гг. поэт, как и другие деятели культуры, вносил свой вклад в борьбу против грузинской фашистской идеологии. Тема войны, не обошедшей и микаевский двор в с. Кутол, нашла достойное отражение в лирике, прозе и публицистике М. Микая. Поэт награжден орденом «Ахъз-апша». В разное время его творчеству посвятили солидные публикации Ш.Инал-ипа, К. Ломиа, М. Ласуриа, В. Агрба, В. Авидзба, В. Когониа, Р. Ласуриа, Д. Зантариа, В. Зантариа и др. известные мастера художественного слова, литературоведы и критики.

«ЭТО ЗНАЧИТ О ДАУРЕ, ПОЗАБОТИЛСЯ ГОСПОДЬ!..»

(Штрихи к портрету Даура Зантария)

«Чувство юмора было для него единственной возможностью свободно взаимодействовать с нашим, прямо скажем, абсурдным миром...»

Марина Москвина

Вданной статье я хотел бы коснуться тех эпизодов и деталей, которые, при кажущейся на первый взгляд второстепенности, могли бы несколько расширить и обогатить представление о Дауре Зантарии, как о незаурядной личности и блестящем мастере художественного слова. Но прежде, чем приступить к изложению своих мыслей и соображений об авторе романа «Золотое колесо», принесшего ему широкую известность в Абхазии и России, считаю необходимым представить читателям краткую биографическую справку, которая, как мне кажется, несет в себе достаточно полезную информацию о жизненном и творческом пути писателя.

Д. Б. Зантария родился 25 мая 1953 года в с. Тамыш Очамчырского района. В 1971 году он заканчивает Тамышскую среднюю школу на золотую медаль. В том же году поступает на филологический факультет Сухумского государственного педагогического института им. А. М. Горького. Завершает учебу в вузе с дипломом «с отличием» в 1975 году. Профессора и преподаватели СГПИ отмечали его высокую

эрудицию и широту кругозора. Еще в студенческую пору Д. Зантария проявляет глубокий интерес к литературному творчеству. В 70-е 80-е годы его первые стихотворения и рассказы увидели свет на страницах журналов «Алашара», «Амцабз», газеты «Апсны Капш», альманаха «Литературная Абхазия» и др. В 1976 году в журнале «Алашара» был опубликован первый рассказ Д. Зантария «Куаста», явившийся серьезной заявкой на творческий профессионализм. В 1977-1981 гг. Д. Б. Зантария работает литсотрудником редакции детского журнала «Амцабз», а в 1988-1992 гг. – в Фонде культуры Республики Абхазия. В 1984 году поступает на Высшие курсы киносценаристов в Москве (мастерская В. И. Ежова). После успешного завершения курсов, работает над созданием сценариев ряда художественных фильмов. Ему принадлежит драматургическая основа фильма «Сувенир», вышедшего на экран в 1985 году (режиссер В. Аблотия).

В 1988-1989 гг. Даур Зантария вместе с супругой Ларисой Аргун принимает участие в деятельности Народного Форума Абхазии «Аидгылара» («Единение»). Он писал на абхазском и русском языках. В 90-х годах прошлого века его лучшие произведения были опубликованы на страницах российских журналов «Новый мир», «Дружба народов», «Знамя».

Статьи, очерки, рассказы Д. Зантария печатались в журнале «Эксперт», в «Общей газете» и др. периодических изданиях, с редакциями которых он плодотворно сотрудничал в качестве корреспондента и обозревателя.

Незаурядные творческие способности писателя, его самобытное художественное дарование особенно ярко проявились в жанре прозы. Его перу принадлежат: роман «Золотое колесо», повести и рассказы «Судьба Чу Якуба», Енджи-Ханум, обойденная счастьем», «Кремневый скол», «Царь Хилцисов», «Пожиратели голубей», «Игольное ушко», «Фарисеи», «Быстроногий олень», лирические стихотворе-

ния и переводы русской и зарубежной классики. Доктор филологических наук, профессор М. Г. Ладария оценила «Золотое колесо» Д. Зантария как феномен абхазской романистики. Следует отметить, что ряд притч и новелл, составляющих художественную ткань романа, был создан на абхазском языке. Они вошли в прозаический сборник «Быстрононгий олень».

Даур Зантария являлся членом Союза писателей СССР (1984) и Союза писателей Абхазии. Ушел из жизни в 2001 году. Похоронен в родном селе Тамыш.

«В фольклоре как бы весь народ участвует в творчестве, не перепоручая его литераторам. Это и есть твои корни», – отмечал Даур Зантария в одном из интервью поэту Игорю Сиду. Примечательно, что Даур с поразительной изощренностью переосмысливая, перерабатывая современные байки и небылицы, тонко, органично и скрупульно вплетая их в образную ткань своих произведений, с таким же смаком мог пересказывать их своим друзьям задолго до появления черновых вариантов и рукописей. И это была своеобразная репетиция, помогавшая ему вжиться в тот или иной образ. Не раз я был очевидцем того, как Даур часами мог поддерживать разговор с искушенными тамышскими острословами, в моменте стараясь перещеголять их в красноречии.

Читая роман «Золотое колесо», даже по каким-то полутонам, едва уловимым движениям, отголоскам слов героев Даура, узнаю их прототипов и испытываю от этого невыразимое наслаждение. Как эффектно и оригинально вводит писатель в свой лексико-стилистический арсенал мингрельские выражения «Дзондз», «Мазакуаль», вызывающие невольную усмешку у каждого абхаза в силу чужеродности и случайности этих мингризмов. «Именно вследствие легкой усвоемости своего языка, мингрэлы, несмотря на отсутствие письменности, слывут активными

ассимиляторами», – как бы между прочим заметит Даур в главе «О бренности телесного». Чего стоит одна только сцена импровизированной беседы Батала и Платона в главе «О слове изреченному»:

– Егей, жизнь! – вздохнул Батал, приглашая в молчаливой беседе присоединиться к его раздумьям. Приглашал он, разумеется, Платона к молчаливому диалогу, при котором по одному слову и междометию, произнесенному раз в полчаса, собеседники удостоверяются, что думают об одном и том же, как если бы говорили вслух».

Внешне роман «Золотое колесо» как будто бы написан в обычном беллетристическом стиле. На первый взгляд, по калейдоскопической смене разнохарактерных событий, описываемых Д. Зантарии, может сложиться ложное впечатление о романе, как о произведении, рассчитанном на массового читателя. Но, на мой взгляд, это всего лишь преднамеренно созданный автором удобный фон (контур), дающий ему возможность вы светить, обнаружить скрытый метафорический пласт, укрупнить какие-то важные символы и детали.

Условности, часто допускаемые писателем, повествование, приобретающее характер и свойство современного мифомышления, позволяют ему совместить в рамках даже отдельной небольшой главы сюжеты, казалось бы, совершенно несовместимые и не имеющие ничего общего между собой. Так, в главе «О бренности телесного» автор, не нанося ущерба сквозной линии романа, достаточно искусно соединяет занимательные рассказы о приезде в Абхазию 84-летнего французского спортсмена Крачковски и русского ученого Лодкина (якобы подозреваемого в сотрудничестве с ЦРУ), о странностях и чудачествах отца Иоанна («...Поп наш записывает в тетрадь голоса лягушек, злословили сельчане, недовольные тем, что он занимал их детей в классе в самую страду...») и феноменальных линг-

вистических познаниях академика Марра («Чтобы освоить абхазский язык Николаю Яковлевичу Марру понадобилось двенадцать часов: именно столько ученый ехал в поезде «Тифлис-Сухум», случившись в компании приятеля, батюшки Иоанна...»).

В чем же заключается тайна литературного ремесла, которым так хорошо владел прозаик? На мой взгляд, он изобретал те или иные стилистические и композиционные приемы непосредственно в процессе развития темы, образа, подчас по необходимости скрупульно комментируя ход событий, как бы извне. Словно играючи подтрунивая над своими персонажами, автор подсказывает нам, как будут складываться обстоятельства в дальнейшем: «..Но чтобы рассказать все сначала, надо и начать сначала. Но начать с Крачковски, а Лодкин подождет, он младший. Произошло это одновременно: почта принесла письмо от мосье Крачковски и приехал Лодкин.»

Роман «Золотое колесо» содержит достаточно много познавательно-ассоциативной информации, заведомо утрированной фактографии, сопутствующей основному рассказу. Мне кажется, что в этом плане проза Даура Зантария несколько отдаленно напоминает борхесовскую манеру повествования. Невольно приходят на память слова американского писателя Джона Барта: «...Рассказы Борхеса – не только постраничные примечания к воображаемым текстам, но вообще постскрипту ко всему корпусу литературы».

Соотношение реального и вымышенного в прозе Д. Зантария построено по принципу некоего зеркального взаимоотражения образов: «В отличие от земных владычиц, которые сначала бывали милыми детьми, наливающимися девицами и только потом становились грозными и сладострастными женщинами, у Владычицы Вод судьба оказалась, вывернутой как ступни. Ей пришлось пережить об-

ратное: она сперва была величественной царицей, а затем превратилась в ребячливую и похотливую русалку».

Характерно, что в условном (воображаемом) романном пространстве, созданном Дауром Зантария, сосуществуют, как бы подспудно взаимодействуя, перетекая (переходя) друг в друга, современный деревенский и городской фольклор. Даур вырос в деревне, но его молодость связана, преимущественно, с городом. Причем, и в городе, и в деревне он всегда проявлял особый, пытливый интерес к жизни людей как бы находившихся на задворках. И как раз прототипами наиболее ярких его персонажей являются именно такие обитатели Сухума и его окрестностей.

Однажды, отвечая на вопрос поэта Игоря Сида «...В чем ты видишь основной вклад Фазиля Искандера в русскую прозу?...» Даур сказал следующее: «В отличие от большинства современных ему писателей, чье знание жизни однобоко (коли он деревенский, то города не знает, а часто и знать не хочет, коли он – городской, то, наоборот, не знает села, разве что выражает по нему ностальгию), он (Ф. Искандер – В. З.), так уж удачно сложилась его судьба, одинаково хорошо знает и город, и село, и таким образом, в его произведениях жизнь так же полнокровна, как в произведениях русских классиков XIX века.»

Я думаю, что «полнокровность» и насыщенность произведений самого Даура Зантария во многом можно объяснить все тем же хорошим знанием жизни города и села, неподдельным, весьма искренним вниманием к нелегким судьбам простых, незаметных людей.

Интересную оценку, многопланово совмещающую в себе характеристику личностных качеств и неповторимых свойств писательской индивидуальности Даура Зантария, дает Татьяна Бек: «Читая созданные этим замечательным-грустным, лукавым и певучим- экзистенциальным лириком с остройшим чувством рубежа эпохи притчи, столбе-

неешь перед чудом интонации (то ли светлое отчаянье, то ли восторженный ужас – в любом случае: честная полнота отдельного бытия) и еще изумляешься предвидению говорящего. Он, получается, знал, что уйдет очень скоро. Он, стремительно прибавляя шаг, спешил к уже ушедшему.

Ранние литературные изыскания Д. Зантария связаны с поэзией. Начинал он со стихов. Думаю, немногие знают о том, что, еще учась в седьмом (или восьмом) классе Тамышской средней школы, он дерзнул перевести на абхазский язык некоторые любимые отрывки «Евгения Онегина» и «Руслана и Людмилы». А уже в девятом и десятом классах великолепно перевел на родной язык кое-что из «Персидских мотивов» С. Есенина, ласкающее всем нам слух стихотворение «Клен ты мой опавший, клен заледенелый...», замечательные лирические миниатюры А. Блока «Коршун», «Милый друг, и в этом тихом доме...» и др.

Помню, в школьные годы Даур прочитал мне свой перевод стихотворения С. Есенина «Каждый труд благослови, удача...». По его аккуратному, убористому почерку, новым исправлениям, внесенным в текст рукописи, было видно, что он старался сохранить смысл и художественные особенности оригинала. Работа над вышеупомянутыми стихами русских классиков отразила удивительную способность молодого абхазского литератора воспроизводить их чувства, мысли и настроения уникальными выразительными возможностями абхазского языка, которым он владел великолепно.

В школьные годы Даур увлекался Надсоном (не странно ли?..), а во время учебы в Сухумском педагогическом институте (1970- 1975), работая над своими собственными поэтическими и прозаическими произведениями (писал он тогда в основном на абхазском), Д. Зантария время от времени возвращался к переводам. Хорошо помню, с какой одухотворенностью и самоотдачей работал он тогда

над переводом «Скифов» А. Блока, стихотворений Федерико Гарсии Лорки («Прелюдия», «Гитара»), Мигеля Эрнандеса, других испанских поэтов. Неплохо владея немецким языком, он пытался переводить с оригинала некоторые стихотворения Гете.

На письменном столе Даура рядом с книгами русских и испанских поэтов XX века, лежали сборники стихов Шарля Бодлера, Гийома Аполлинера, Артура Рембо и Поль-Мари Верлена. Его настольными книгами стали также произведения Достоевского, Кафки, Камю, Сартра, Томаса Вулфа. Отрывки произведений Джойса он отыскивал в каких-то старых журналах. Проявлял большой интерес к философии Гегеля, Ницше, Шопенгауэра, Фрейда, хотя в те годы не так-то просто было найти их труды.

На мой взгляд, по природе своей Даур был прирожденным поэтом. Начинал он писать свои собственные лирические произведения на абхазском языке, на первых порах, устоявшимися классическими размерами, а позже – в семидесятых и начале восьмидесятых годов – верлибром. Его поэзия и проза во многомозвучны. В недрах его раннего поэтического творчества вызревали зерна самобытной психологической прозы.

Интересные и оригинальные поэтические вкрапления мы встречаем нередко в рассказах, повестях Даура Зантария (в частности, в замечательном произведении «Кремневый скол», а также в романе «Золотое колесо»).

Стихотворение «Сышә азә дасит» («Кто-то постучался мне в дверь...») посвящено теме любви. Лирическое событие, положенное в основу произведения- загадочный стук в дверь в полночь и неожиданное появление любимой после долгой разлуки (тема, как-будто бы банальная...) – становится мощным волевым импульсом, дающим лирическому герою ощутить прилив сил, энергии, очистительную свежесть чувств, выразить свое внутреннее состояние:

Сышә азә дасит сыцәамтаз.
Сгәылак иакәхап гәаагзан:
«Дарбан таха сызымтаз?»-
Сыбжы нтысцеит сгәаазан.

...Ашә ааимыс, даан ақып, ҳәа,
Уа саатгылеит аеыфхәа-
Абхәашәт еиғыш, длаша-лашо,
Дгылан ассир иалашоу.

-Сыгачамкшәа ұыбымшын,
Ас сақәгәыбаз ұыбымшын...
Уа, сағысам бығналара,
Исылшома бнаалара?..

Поэт весьма изощренно продемонстрировал этим стихом, что богатый и достаточно гибкий абхазский литературный язык в состоянии передать достаточно сложную и утонченную сферу взаимоотношений влюбленных, несмотря на то, что долгое время эти чувства и душевные излияния несколько затушевывались абхазской литературой в силу излишней и неоправданной, на мой взгляд, фетишизации патриархальных устоев.

Лирика Даура Зантария довоенного периода (речь, разумеется, идет о грузино-абхазской войне – В. З.), благодаря своей эмоциональной насыщенности, а в некоторой степени исповедальности и мелодичности, в 70–80-е годы привлекла внимание молодых абхазских музыкантов и эстрадных певцов.

Следует сказать несколько слов и о стихах поэта, написанных на русском языке. Насыщенные глубокими раздумьями о времени и о себе, во многом автопсихологичные, они успели стать достоянием не только современной

абхазской, но и русской медитативной лирики. В основе некоторых стихотворений, написанных Дауром Зантария в девяностые годы («Ночь», «Водолей», «Айдуду», «Беда», «Сижу под вязами... никто меня...», «Дом отца», «Тишина») лежит драма войны. Поэт стремится одолеть состояние психологического надлома, внутренней подавленности, бездомности и сиротства. Смерть очаровательной и добрейшей жены Ларисы, утрата многих близких родственников и друзей, родного тамышского очага – все что тяжким бременем легло на его плечи и сказалось на его личной судьбе, не могло в той или иной форме не отразиться не только в прозе, но и в стихах, обладающих ощутимым рефлектирующим свойством. Слова поэта обращены, как бы к самому себе и одновременно к нам, сопереживающим:

До боли долгими ночами
Творил я сам себя из снов,
Вдыхая музыку молчанья
И выдыхая души слов, –

А как рывком раздвину шторы
И распlesкаю синеву, –
Придуманные мной просторы
Смогу увидеть наяву...

Но как бы поэт ни пытался, доверившись игре воображения, найти маленькую отдушину и умиротворение в мире эфемерных ощущений, тревожное предчувствие обреченности постоянно сопутствует движению его мыслей:

...А сам я как вопрос, согбенный и больной,
Удушливый вопрос: за что? куда? доколе?
И сам я, как трава, в которой стынет зной,
В которой яд найдешь, но не найдешь покоя.

Трава, зеленая, как медный купорос,
Где возвышаюсь я, унылый как вопрос
В прозрачных сумерках: когда? куда? доколе?
Зачем я здесь? и что это такое?

Это стихотворение написано 25 мая 1992 года – в день рождения поэта. А вот в другом лирическом произведении, посвященном памяти Адгура Инал-ипа, напряженность интонации как будто бы несколько ослабевает, мысли поэта прозрачнее, но мотивы одиночества, неизбывность тоски воздействуют с еще большей силой, как бы изнутри:

Сижу под вязами. Никто меня
Не ждет, не помнит.
И тихим трепетом я на исходе дня
Наполнен.
Во влажном воздухе разлит покой.
Так небо низко,
Что до звезды достать рукой
Могу без риска.
И будто нет войны, и не бездомен я
На самом деле,
Сижу под вязами, как прежде до меня
Сидели
И не течет река. И время не течет.
Мне сорок лет. Я отдаю себе отчет...

И так я говорю : пускай года пройдут-
Другие выразить обязаны,
О чем я ведал, сидя тут
Под вязами.

Интересная оценка личностных качеств и незаурядного творческого дарования Д. Зантария содержится в словах Евгения Рейн: «Даур Зантария – один из самых одаренных людей, встреченных мною в жизни. Мягкий, доброжелательный, милый, он был открыт всему талантливому и в русской, и в абхазской литературе. Еще до того, как я прочел стихи и прозу Даура, мне был подарен случай, скрепивший наши отношения. В Абхазии я попал в дом Даура на застолье. Поздним вечером на берегу моря он читал свои стихи. Я сразу понял – передо мной поэт».

Даур был одним из тех современных вольнодумцев, кто умел, возвысившись над обывательшиной, смотреть на вещи проницательным взглядом. Гарсия Маркес, с которым иногда сравнивают Даура, считал лучшим романистом того, кто «сумеет вывернуть действительность наизнанку и показать ее обратную сторону». Даур был одним из таких мастеров. Он показал нам современную действительность в самых неожиданных ракурсах, смело нарушив пространственно-временные границы художественного повествования.

Противопоставив клишированности и стереотипичности старого литературного мышления новые повествовательные возможности, Даур Зантария бросил вызов ретроградности. И слава богу, что он был не одинок в своих смелых мифотворческих исканиях. Когда-то Марсель Пруст, произведениями которого в студенческие годы сильно увлекался Даур, в статье «О вкусе» выразил гениальную мысль: «Если тело поэта для нас прозрачно, если зрима его душа, то читается она не в глазах и не в событиях его жизни, но в книгах, где отделилась, чтобы пережить его бренное бытие, именно та часть души которая стремилась себя увековечить, побуждаемая инстинктивным желанием». Я думаю, что эти слова вполне применимы к личности и творчеству Даура Зантария.

НЕРАСТОРЖИМЫЕ СВЯЗИ

(размышления о прозе Д. Ахуба)

Читая прозу Д. Ахуба, невольно задумываешься о значении первой фразы, как правило, задающей тон всему дальнейшему повествованию, ритму. Читываясь в первые фразы его произведений, вникая в них, начинаешь осмысливать долгий и сложный процесс освоения писателем темы, вынашивания идеи, постепенного вживания в образы героев. Вот начало одного из лучших рассказов Д. Ахубы – о прирученном волчонке: «Принесли его среди бела дня прямо из лесу. И имя дали в тот же день – Туган. Как угадал он, каким звериным хмурым чутьем своим, что отныне жизнь его противоестественно переменилась?»

Ритм замечательной повести «Бзоу» о печальной участи превосходного скакуна, лишившегося хозяина и зачахшего в руках тщеславных людей, угадывается уже по первым строкам: «Проснувшись, Бзоу настораживал уши. Он ждал шагов за стеной, голоса хозяина. Он давно к ним привык и ждал сладко и нетерпеливо». В этих начальных строках в значительной мере проступают уже и особенности художнической манеры писателя, его умения интриговать, завораживать читателя.

Прочитав новый прозаический сборник «Пристань» – Д. Ахубы, лишний раз убеждаешься в том, что ритм, интонация, смысловой курсив – это не самоцель, не просто стилистический прием, средство, завуалировано используемое автором для привлечения читательского внимания.

Это один из способов постижения внутреннего содержания образа, характера.

Произведения, вошедшие в книгу талантливого абхазского прозаика (роман «Пристань», повесть «Бзоу», рассказы), достаточно разнолики. Но тот, кто глубоко вник в общее содержание и концепцию книги, не мог не уловить стержневой мысли, сближающей произведения, в которых исследуются различные пласти жизни, их духовная основа. Это, в первую очередь, доминирующая мысль о кровной привязанности к родной земле, к очагу, к устоявшимся традициям. Открыто или подспудно писатель проводит смысловую доминанту сквозь события, составляющие фабульную основу его произведений.

«Всякий корабль после долгого плавания возвращается к пристани!» – эти слова стати своеобразным, подчеркнутым лейтмотивом, рефреном всего сборника. Они звучат в романе «Пристань» неоднократно, обретая новую семантическую значимость.

В рассказе «Трижды проданный и похищенный» старый Куджба Камлат, после долгих мытарств, пройдя, как говорится, все девять кругов ада, покинув чужбину, принесшую ему и его соплеменникам-махаджирам (изгнаникам) лишь муки и неисчислимые страдания, вновь возвращается к себе на историческую родину. Мысль о том, что возвращение к родным местам, под крышу родного дома, превыше всего – присутствует и в воображаемых беседах (диалогах) одного из персонажей рассказа «Земляника» – Арзамета с его бывшим начальником Александром. Тревожный, будоражащий память зов очага предков, взгляд в прошлое постоянно сопутствует своеольных героев произведений Д. Ахуба. Не может приоровиться порывистый Бзоу (мифологизированный образ коня в повести «Бзоу») к своему новому хозяину, хоть и был он в его руках ухожен, сырт, и обласкан. То и дело во всю свою прыть устремляется

он к родным местам. Даже прирученный волчонок Туган, долго и преданно служивший человеку, возвращается после смерти хозяина в лес, в свое родное логово, хотя всем своим волчьим нутром, инстинктом предчувствует он, что стая не признает его, примет за чужака, не простиет «измены».

В представлении абхазского читателя Д. Ахуба давно утвердился как мастер малых жанров прозы, как рассказчик. Его успехи и достижения в жанре повести и рассказа достаточно зримы. Обращение писателя к роману, причем сравнительно позднее – не могло не насторожить многих, хотя, казалось бы, что в этом удивительного и противоестественного... Материалы, исследуемые автором в романе «Пристань», почерпнуты из повседневной жизни абхазских сел, социально-экономическое развитие которых в печально памятные времена сковывалось всякого рода волонтистскими решениями. Писатель представил образы своих персонажей в развитии, в логической взаимосвязи с главными событиями, несущими в себе приметы времени. В то же время в романе проступают следы заданности темы, определенной конъюнктурности ее освещения. Также невозможно не заметить некоторую упрощенность и схематичность художественной интерпретации биографий отдельных героев. Нередки случаи соскальзывания в плоскость «газетно-публицистического» повествования. Разве не об этом свидетельствует эпизод, в котором Абзагу голословно рассуждает о хозяйственных проблемах села Ашлашара, где разворачиваются основные события романа? Подобные неожиданные перепады художественного уровня глав произведения неминуемо влекут за собой неоправданное с концептуальной точки зрения разносилие.

В «Пристани», действие которого происходит в 50-е годы, для Д. Ахуба чрезвычайно важен момент достоверного показа отношения его героев к достаточно противо-

речивым, драматично складывающимся обстоятельствам. Действующие лица романа – люди, представляющие, об разно говоря, весьма разношерстное общество. Одни из них быстро приспосабливаются к обстановке, диктуемой сверху. Немало среди них льстецов, угодников, прохиндеев, готовых на любые ухищрения во имя собственного «благополучия» и меркантильных интересов. Олицетворением приспособленчества и бесхребетности является бригадир Бардуша. Вся его сущность выражена автором в следующих строках: «Решение на счет мандаринов, по-моему, ничего не даст. Не мы будем виноваты... Но так решили – и точка. Подождем, как дальше повернется...». Одного покрова с ним (бригадиром) и крестьянин Катмас, избегающий каких бы то ни было столкновений, предпочитающий спокойную, безмятежную жизнь. Робок, заискивает перед начальством расчетливый и своекорыстный старец Кыча. Свое безволие, безропотность он пытается объяснить оправданиями, как бы чего не случилось с людьми. Нередко он выступает в обличении миротворца, человека сглаживающего острые углы.

Но что же, в конечном итоге Д. Ахуба противопоставляет инертности и слабоволию своих персонажей? Какой выход из противоречивых ситуаций он предлагает? Или попросту некому бороться с косностью и негативными явлениями? Председатель колхоза Чырг Рапстан, если верить логике его образа и поведения – человек, способный воодушевлять людей. Энергичность, деловые качества, целеустремленность, выведенные автором на первый план, – характеризуют его как личность. Но, среди людей боязливых и безликих – он одинок, и его порывы, устремления, увы, безуспешны и безрезультатны.

Способно ли село Ашлашара сохранить свой облик? Кто в итоге должен побороться за них, за ашлашарцев, если сами они не в состоянии постоять за себя? Ведь люди, не

видя никакой перспективы, отчаявшись, разуверившись во всем, покидают деревню, обжитые места, уходят в город. Как остановить этот процесс разрушения абхазского села, его традиционного уклада?.. Эти вопросы в романе остаются открытыми. Писатель оставляет своих героев на перепутье. И это вызывает ощущение некоторой идейно-смысловой незавершенности произведения. Задача автора, видимо, заключалась в том, чтобы четче обозначить некоторые нравственные ориентиры, выявить умонастроения тех общественных слоев, которые способны преодолевать разрушительные процессы, отстаивать основополагающие ценности, укрепляя тем самым веру в справедливость. И исследовать эти тенденции следовало, как нам кажется, на фоне долгой, напряженной и упорной борьбы взглядов. Такая сверхзадача заявлена автором романа уже в первой главе, однако насколько полноценно он добился ее осуществления – это вопрос, связанный не только с литературоведческой, но и читательской оценкой произведения в целом. Сердцевину романа, его стержневую часть мы естественным образом склонны увязывать с драмой семьи Гуртба. И именно в умелом раскрытии этой семейной коллизии наиболее ярко проявилось творческое дарование Д. Ахуба. В центре назревающего семейного конфликта стоит Абзагу – человек внутренне импульсивный, волевой. Ему чужды подобострастие, покладистость, приспособленчество, присущие некоторым его односельчанам. Но нередко он становится жертвой своих же благородных устремлений и порывов. Рьяно, настойчиво и принципиально берется Абзагу за нелегкое дело – восстановление животноводства на селе, но его постигает неудача – на горном пастбище от разыгравшейся стихии погибает скот. Абзагу вынужден влезть в непосильные долги. Нелегко было ему пойти на рискованный и тяжелый в моральном смысле шаг – открыть двери отцовской акуаски (дома) чужому че-

ловеку. Но в душе у него теплилась надежда, что в кратчайшие сроки он расплатится с долгами и выставит за порог родного отцовского дома отморозка Марытхву. Надежды Абзагу оказались напрасными. Его жена Аминат с детьми покидает Ашлашару, подчинившись воле обстоятельств. Она находит временный приют у вдовы Каймытхан. Так разрушается семья Гуртба. В доме, с которым связаны эти перипетии, остается лишь одна старушка Ардушна – тетя Абзагу.

Герои романа, причастные к создавшейся конфликтной ситуации, оказываются перед нравственным выбором. Но их позиции – шатки. Многие из них избирают путь наименьшего сопротивления. Особое положение занимает в произведении образ Ардушны, пожалуй, наиболее колоритный и яркий. Старушку страшит ситуация, ведущая к развалу семьи племянника. Сохранение очага, полнокровная жизнь в большом доме во имя продолжения рода и добрых семейных традиций – вот, что постоянно тревожит умудренную житейским опытом Ардушну. И она никому не позволяет осквернить то, что сохранили и свято чтили веками предки. Чувствуя безысходность положения, она в глубоком отчаянии совершает роковой поступок – передает огню дом своего покойного брата Гуадалы, ставший местом удовлетворения похотливых влечений Марытхвы и его сподручных, и кончает жизнь самоубийством. Самоубийство Ардушны – своего рода осознанный вызов, протест всем, кто равнодушно и хладнокровно взирал на происходящее. И эта трагедия подвигла многих к осознанию всей ситуации, к прозрению. Колоритность языка обсуждаемого произведения отчасти объясняется его насыщенностью фольклорным материалом. В нем немало символических отступлений, в которых нашли яркое воплощение свободные размышления писателя об истории, о прошлом и настоящем земли абхазской, о добре и зле, о смысле жиз-

ни, человеческого существования. На наш взгляд, удачно вплетены в художественную ткань романа легенды об Ашлашарской крепости и печальная сцена разрушения церкви. Писатель создал впечатлительную и достаточно живописную панораму села Ашлашара. Неугомонная речушка Чагир становится, благодаря богатству творческого воображения прозаика, сопричастной к делам и помыслам, радостям и печалям ашлашарцев. И это в определенной степени способствует созданию оригинального художественного фона для развития сюжетной канвы романа.

Внутренняя связь изображаемых человеческих судеб с реальной действительностью описываемого периода помогает глубже и всесторонне осмыслить сложные события – проследить за тенденциями общественного развития, становления политической системы, увидеть позитивные и негативные стороны социально-политических процессов. Пафос моральной и нравственной ответственности государства за судьбы людей и народов составляет идеиную основу романа.

Хотелось бы вновь вернуться к некоторым просчетам автора. Выдвинув на первый план драматические коллизии, связанные с разладом Абзагу и Аминат, акцентируя на этой истории главное внимание, – по крайней мере складывается такое впечатление, – писатель, как нам кажется, несколько ослабил интерес к социально-психологическим проблемам всего села. Чувствуется, что между двумя этими направлениями художественного исследования нет последовательной, до конца продуманной логической связи. Некоторые герои романа, если рассматривать их образы в целом, выглядят пассивными созерцателями разворачивающихся событий. Читатель ждал от них большей действенности, нежели общих слов и излишнего мудрствования.

Факт выхода книги Д. Ахуба «Пристань» на русском языке в Москве – явление, символизирующее возросший

интерес к развитию абхазской литературы, качественному обновлению абхазской прозы. Это издание пополнило каталог книг абхазских писателей, вышедших за последнее время в центральных советских издательствах. Книга, мы уверены, привлечет внимание широкой читательской публики актуальностью и социальной остротой исследуемых проблем, глубиной и масштабностью их раскрытия, самобытной образностью произведений абхазского писателя, объединенных мыслью о нерасторжимости связей человека с родным очагом, с духовными истоками, составляющими суть человеческого существования.

«О, ЭТО БЕСПЛОТЬЕ – ЗА ГРАНЬЮ МЫШЛЕНИЯ!..

Замечательный поэт, автор ряда превосходных лирических сборников Владимир Саблин родился в Сухуме, но корни его рода, как об этом пишет он сам, «упрятаны в Вологодчине и Северном Приуралье». Думаю, в Абхазии читают и почитают Саблина многие не только потому, что, живя долгие годы здесь, высоко ценя и блюя суровый горский этикет, он посвятил художественному исследованию истоков древнего духа «апсуара» (абхазства) не мало стихов – раздумий... Видимо, причину естественного тяготения к лирике Саблина можно объяснить в первую очередь тем, что люди находят в его постоянном поиске самого себя в извечном хаосе, – живые отзвуки собственных переживаний и тревог. В этом, как раз, сила и суть философско-художественного самопостижения поэта:

Беги, Души моей волна,
В безбрежной шире океана–
Ты так могучая и вольна,
Что самому порою странно!

Но, видно, так предрешено
Тебе носиться в этом мире!
А я гляжу в мое окно –
И не могу раскрыть пошире...

Думаю, и в современной России, пусть даже немногие (увы, бремя безвременья тяготит истинных жрецов искус-

ства...) знают Владимира Саблина, ценят его прирожденный талант, достаточно выпукло и зримо проявляющийся в его неподражаемом умении возводить личное, субъективное и интимное – в общечеловеческое и возвышенное:

Пускай судьба моя печальна,
На взгляд людей со стороны–
Она колечком обручальным
Повязана с судьбой страны.

И что бы в мире ни творилось,
Чем ни грозился б каждый час–
Я славлю Божескую милость,
Еще хранящую всех нас!

В предисловии к сборнику стихов Николая Рубцова, изданному в 1986 году издательством «Художественная литература», В. В. Кожинов дал, на мой взгляд, достаточно оригинальную оценку творчества замечательного русского лирика: «По определению П. А. Флоренского сделанные предметы блестят, а рожденные мерцают. В поэзии Николая Рубцова есть это живое мерцание». Думаю, что этот удачный эпитет вполне применим к поэтическому дарованию Владимира Саблина, чья судьба, творческий путь и биография в равной степени связаны и с Россией, и с Абхазией:

Пусть я русских кровей,
Пусть я волосом рус –
Я за землю молюсь,
Где страдал Прометей!!!

В творческой индивидуальности поэта слились воедино два мощных, внутренне взаимодействующих начала: вольнолюбивый дух русского поэта и природный тем-

перамент горца. Импульсивность, порывистость, неприкаянность, присущие характеру, волевой натуре поэта, достаточно ощутимо и ярко выражены в ряде его произведений. Стихотворениям В. Саблина свойственна некая исповедальность, диктуемая состояниями души. Обостренность чувств, напряженность лирической мысли как бы сглаживаются доверительностью интонаций поэта. Глубоко выстраданы строки из стихотворения «Плач абхаза»...

...Перехватит горло криком
У могилы на краю:
Ах, пустите, горемыку
Умереть в родном kraю!

Далее развитие образа, дух и пафос лирического самовыражения поэта становятся еще более притягательными. Ностальгические аккорды стихотворения в его заключительной части передают естественную внутреннюю взволнованность лирического героя. Мысли о смерти не окутаны туманом меланхоличности, в них присутствует едва уловимая сакральность:

Так, возьмите, привезите,
Что осталось от меня –
И в горах похороните,
Сладко ломиком звеня...

М. М. Бахтин, говоря о характерных особенностях метафоры поэта Вячеслава Иванова, отмечал: «Эмоциональность, как и во всякой метафоре, в ней есть, но это лишь обертон: она тяготеет к мифу и иногда к изречению»... Нечто подобное я увидел в мифотворческих исканиях В. Саблина, в его тонкой, нерукотворной метафорической образности:

Я поймал падучую звезду,
Как коня хватают за узду!
И руке, как усмиренный конь,
Подчинился неземной огонь.

Я стою, рука моя болит,
Но сжимаю яростный болид!
И клянусь: огонь я удержу,
Чтоб прожечь им новую межу.

Заключительные три строки, лишь усиливают логику контекста стихотворения, укрупняют доминирующую мысль:

...Чтоб прожечь,
Как прорубить мечом,
Ту между добром и злом!

Владимир Саблин один из тех мастеров русского поэтического слова, кто, свободно владея литературным ремеслом, стремится к глубине и лаконизму лирического образа. И это его качество, на мой взгляд, наиболее зримо предстает в форме лирической миниатюры, к которой поэт прибегает нередко. Порой, даже не столь привлекательной теме, образу, детали поэт умеет придавать яркую художественно-смысловую окраску. Пример подобных удачных поэтических медитаций – стихотворение «Камешек»:

Волной не берег выброшен
Морской красивый камешек
Лежит, закатом выкрашен –
Чернеет только краешек.

Лишь в редкие мгновения
Его волна касается.

Целует в исступлении –
Как будто в чем-то кается...

В отдельных стихах поэта отголоски его внутреннего таинственного мироощущения, как бы подспудно, перерастают в емкий философский образ:

Живу один. Зову жилье пещерой...
Но даже в ней – душе покоя нет!
Мой дух томится непонятной верой,
Что должен вспыхнуть надо мною свет.

Что враз, раздвинув тяжкие потемки,
Он явит мне во всей величине
Такое что-то – что замру у кромки,
Подаренного – за терпенье мне...

В последние годы в творчестве Владимира Саблина все более ощутимым становится тяготение к сложным и противоречивым проблемам познания сути бытия, смысла человеческого существования. Но при кажущейся на первый взгляд отвлеченности мыслей поэта, они достаточно прозрачны. Зримость, пластичность – характерное свойство лирики В. Саблина. Эти черты получили достойное воплощение в стихотворении «Вздох вечности»:

Не раз я у пропасти с самого края
Стоял, ухватившись, за дерева ствол.
И мысли одна за другой, набегая,
Шептали у сердца: ты тоже орел...

Мой дух ликовал! И душа в упоении
Молилась и пела о чем-то своем...
И в эти минуты, как в горнем паренье,
Я весь возносился в порыве святым!!

Но молнией! – пало однажды мгновенье
Казалось, лечу, словно вниз головой.
В таком леденящем и душу паденье
Что как устоял – то решалось не мной...

И эти состояния метаморфоз духа, вызванных силой творческого воображения поэта, сменяются образами, тонко передающими вневременность и одновременно некую, трудно постижимую обезличенность внутреннего состояния лирического героя. И в заключение – синтез, казалось бы несовместимых, мыслей и чувств поэта, приводящая внимание лирическая недоговоренность:

О, это бесплотье, за гранью мышления!
Не есть ли ты вечности редкостный вздох??
Когда – ни единого в Мире движенья...
Когда – все единый Вселенский всполох...

«Познай свои печали». Так назван сборник В. Саблина, вышедший в 2006 году в Воронеже. Духом беспрерывного самопостижения и великой веры в чудотворность Божественного Слова проникнуто творчество поэта, продолжающего по-прежнему самозабвенно служить высокому искусству, теперь уже окончательно здесь, в Абхазии, в селе Яштхуа, славящемся своими древними дольменами:

И вершу я дело жизни в тишине,
Что окутала, как шуба, с головой...
Ах, родные, не печальтесь обо мне,
Что тружусь в горах, как мученик святой!

В лирике В. Саблина особую значимость приобретают нотки «внезапной недоговоренности», «возбуждающие в слушателе», – как говорил выдающийся французский лите-

ратуровед и философ Ганс Ларсон, – «напряжение воображения и более яркие образы, чем если бы все было сказано. Мысль просыпается, как мельник, когда остановились жернова»:

А мир исходит диким стоном!
А мы стоим у той черты,
Когда по всем земным законам,
Должны лететь в тар-та-ра-ры!!

Но что-то держит нас на грани...
Но кто-то все чего-то ждет...
Быть может наших покаяний?
А может быть – наоборот!?

И вот, вопросы, подводящие нас к мучительной разгадке бытия человеческого, извечных тайн мироздания, вновь возвращают к замкнутому кругу:

Кто знает обо всем, об этом,
Кто может что-то предсказать,
Когда сама душа поэта,
Не в силах тайны разгадать...

Поэт время от времени возвращается в свою родную абхазскую стихию, бросая вызов всепоглощающей урбанизации, оголтелой политической суете и дрязгам, окунаясь в «первобытный мир пастухов и земледельцев»:

Сбежав от шумных городских квартир,
От разномастных крикунов-партийцев –
Я окунулся в первобытный мир
Абхазских пастухов и земледельцев!

И пусть суров он, пусть порой жесток;
Пусть сложен он по части этикета –
В его глубинах вижу я Восток
С загадками и тайнами Тибета...

В стихотворении «Аныха» (святым местам Абхазии) мы вновь вслушиваемся в исповедь лирического героя, уповающего в своих исканиях, в своем стремлении к возвышенному и очистительному – на святую силу:

...И лишь теперь, когда выходит срок,
Когда вся жизнь, как пуля на ладони –
Привел меня Всемилостивый Бог
Припасть к Аныха – склону, как к иконе!

И я, счастливый, про себя шепчу:
Святая Сила, пусть и с опозданьем,
Молю тебя, питай мою свечу –
Мои еще не кончились исканья...

Да, творческие искания поэта, подобные преодолению горных перевалов, продолжаются. Выверенность мыслей и слога, «трагическая искренность» лирических переживаний, проникновение в сферу «звуковой материи слова» – все это подчинено в поэзии Вл. Саблина нелегкому процессу восхождения к высоте, которую принято обозначать понятием духовная субстанция. Такой путь по плечу уже не молодому, но по-прежнему энергичному, неутомимому и неприкаянному Володе Саблину:

Не знаю, горец ты
Или не горец,
Но я всегда с тобой
Мой терпигорец!

Так броско, но так необычно и незабываемо выразил свое отношение к личности Саблина выдающийся Алексей Прасолов. А вот эссе «Комната под сводами», воссоздающее образ самого Прасолова, с которым Саблина связывали тесные дружеские отношения, на мой взгляд – вещь на редкость талантливая, воспринимающаяся как подлинно художественное исследование.

ПРОНИКОВЕННОЕ СЛОВО ОБ АБХАЗИИ И АБХАЗАХ

Об Абхазии, о неповторимой диковинной роскоши ее природы, ее уникальных традициях, об особенностях абхазского быта и гостеприимства, богатой ритуальной культуре написано немало. Немеркнущими алмазными россыпями рассыпаны образы Абхазии и абхазов в произведениях А. Чехова, А. Толстого, И. Бунина, Максима Горького, К. Паустовского, И. Бабеля, К. Симонова, Н. Тихонова, К. Федина, С. Маршака, О. Мандельштама, Н. Асеева, Ф. Искандера, Г. Гулиа, В. Солоухина, А. Бардодыма, Р. Казаковой, Б. Ахмадулиной и других признанных мастеров слова. Абхазская тематика получила яркое художественное воплощение и в творчестве известных современных русских авторов. И вот, благодаря нарождающимся связям Абхазии с Калининградской областью, в частности, с г. Пионерский (Нойкурен) открывается еще одна новая страница, посвященная художественному и философскому постижению моей страны, моего малочисленного, но гордого народа, выстрадавшего свое законное право на самоопределение и самостоятельное развитие. В художественно-публицистической летописи, посвященной Апсны, свою нишу заняли рассказы и очерки замечательного писателя Александра Барского.

Книга «Две повести о любви» тронула меня добрым и трепетным отношением к Абхазии, ее истории, драматической судьбе. Этнография, культура и психология абхазов переданы автором тепло, проникновенно и достаточно

колоритно. Воспоминания писателя полу века давности воспринимаются как события, происходящие сегодня, как говорится, здесь и сейчас. Я думаю, читатель проявит к ним не только художественно-эстетический, но и познавательный интерес. И во всем этом достаточно динамичном и ритмичном повествовании, в каждом сюжете, эпизоде – великая любовь и симпатия к простым людям, носителям тех нравственных ценностей, которые составляют суть апсуара – своеобразного поведенческого кодекса, спасающего от разрушительных волн глобализации. В чем же секрет этого неисчерпаемого человеколюбия? «Я простой врач и очень люблю свою профессию. Видимо, потому, что в основе нашей профессии лежит человеколюбие, мне всегда хочется обращаться вновь и вновь к этой теме. И неважно, какую форму обретают строчки. Мысли, которые я доверяю словам, всегда направлены людям, и они сами – Любовь» – пишет А. Барский в прологе к своей книге.

Возвращаясь к теме Абхазии, я хотел бы отметить, что живописная природа, горы, море – все это умело воссозданный фон для раскрытия человеческих взаимоотношений, внутреннего мира литературных персонажей, с прототипами которых автор сталкивался во вполне реальной ситуации, при вполне достоверных обстоятельствах.

Есть определенная интрига даже в том, что писатель пытается вникнуть в этимологию некоторых абхазских выражений, связанных с нашими древними обрядами. В целом, книга воспроизводит многогранный облик не стерильно-курортной, а настоящей, самобытной, наполненной жизненными реалиями и перипетиями, страны души Апсны. Запоминающимися штрихами и образами воссоздана жизнь абхазских сел, на фоне живого общения с гудаутцами, автор успевает как бы вскользь, тонкими намеками, игрой слов, развернутыми метафорами раскрыть их характеры, неподдельное чувство юмора. В книге ощутим

контраст Севера и Юга, но при всей внешней несходности русского и абхазского характеров, автору удалось пройти через художественную ткань своего произведения такую сквозную линию, что истоки многовекового духовного родства между нашими народами выходят на первый план, становясь частью воссоздаваемого общекультурного пространства.

ЧЕХОВ И СТРАНА ДУШИ

В художественной летописи Абхазии и уникальной, не до конца еще исследованной истории ее культурных взаимосвязей с Россией, достойное место занимают страницы, связанные с пребыванием А. П. Чехова в «стране души».

Думаю, неординарен и привлекателен тот факт, что абхазские гиды, рассказывая многочисленным туристам о достопримечательностях нашей страны, как правило, уделяют немало внимания описанию мест пребывания выдающегося прозаика и драматурга, цитируя его замечательные высказывания об абхазской природе, ее пленительной экзотике, о незаурядных личностях, с которыми ему довелось здесь встречаться.

Чехова в Абхазии, как и в России, любят все: рядовые читатели, учителя и школьники, студенты и, в первую очередь, представители творческой интеллигенции, всегда дорожившие связями с русской классикой. В каталогах наших библиотек, думаю, Чехов неизменно входит в число наиболее востребованных, читаемых и почитаемых классиков мировой литературы, чьи произведения не теряют своей актуальности. По достаточно убедительным материалам доктора исторических наук А. Л. Папаскир, внесшего значительный вклад в исследование абхазо-русских культурных взаимосвязей, зарождение абхазской тематики в русской литературе восходит к началу создания древнерусской литературы (начало XI века).

А уже с конца XIX и начала XX в. в золотой фонд художественных и публицистических произведений, по-

священных Абхазии, пополнили своими замечательными рассказами, повестями, романами, очерками, стихами, поэмами, эссе такие яркие творческие индивидуальности, как А. Бестужев-Марлинский, В. Немирович-Данченко, М. Горький, А. Толстой, Д. Мордовцев, К. Паустовский, В. Маяковский, О. Мандельштам, В. Шишков, А. Серафимович, А. Белый, В. Шершеневич, В. Стражев, В. Соллогуб, М. Шолохов, Н. Тихонов, И. Бабель, К. Федин, Л. Леонов, Н. Асеев, А. Твардовский, Н. Ушаков, К. Симонов, В. Солоухин и др.

И в этой галерее признанных представителей различных литературно-художественных направлений и школ, совершивших в свое время паломничество в нашу страну и оставивших здесь свой неизгладимый след, Чехову, пожалуй, принадлежит заметное место.

Исследователи проблем русско-абхазских литературных взаимоотношений, нередко обращаются к знаменитому «Письму А. П. Чехова неустановленному лицу», под которым значится дата 25 июля 1888 года. Здесь же обозначено место, где родился этот документ: столица Абхазии – Сухум. Это письмо включено в книгу «Абхазия в русской литературе» (Сухум, 1993) ее составителем, кандидатом филологических наук И. И. Квициния. (Кстати, Сухум упоминается Чеховым еще и в его дневниковых записях из «Календаря для врачей всех ведомств 1898 г.»).

Вместе с тем известный абхазский историк и краевед В. П. Пачулия в своей книге «Русские писатели об Абхазии» (Сухум, 1980) ссылается на вышеназванный литературный документ, как на письмо А. С. Суворину – издателю «Нового времени» (Чехов А. П. Собр. соч., т. 2., 1963, с. 236). Именно как письмо А. С. Суворину комментирует его и известный поэт, литературовед Б. А. Гургулиа, посвятивший теме пребывания Чехова в Апсны отдельный подзаголовок в своем учебном пособии по русской литературе XIX века на абхазском языке (Сухум, 2008).

Русский писатель на редкость колоритно и картинно передает свои личные впечатления о древней стране, о народе, олицетворяющем собой ее самобытную культуру: «Я в Абхазии! Ночь ночевал в монастыре «Новый Афон», а сегодня с утра сижу в Сухуме. Природа удивительная до бешенства и отчаяния. Все ново, сказочно, глупо и поэтично. Эвкалипты, чайные кусты, кипарисы, кедры, пальмы, ослы, лебеди, буйволы, сизые журавли, а главное – горы, горы и горы без конца и края... Сижу я сейчас на балконе, а мимо лениво прохаживаются абхазцы в костюмах маскарадных капуцинов; через дорогу бульвар с маслинами, кедрами и кипарисами, за бульваром темно-синее море...»

Еще более интригует, привлекает внимание заключительная часть письма, связанная с Новым Афоном и богато иллюстрирующая тонкую художническую наблюдательность мастера: «На Афоне познакомился с архиереем Геннадием, епископом сухумским, ездящим по епархии верхом на лошади. Любопытная личность. Купил матери образок, который привезу...»

И вот фраза, которую знают, чуть ли ни наизусть, все мало-мальски образованные жители Абхазии. Слова, выражающие то творческое воодушевление и эмоциональный заряд, который великий писатель получил от соприкосновения с нашей живописной и величественной природой: «Если бы я пожил в Абхазии хотя месяц, то, думаю, написал бы с полсотни обольстительных сказок. Из каждого кустика, со всех теней и полутеней на горах, с моря и с неба глядят тысячи сюжетов. Подлец я за то, что не умею рисовать...»

Прибыл А. П. Чехов в Новый Афон на пароходе «Дир» из Феодосии. Пишет он о своем морском путешествии весьма увлекательно: «Из Феодосии выехал на «Юоне», сегодня ехал на «Дире», завтра поеду на «Бабушке»... Много я перепробовал пароходов, но еще ни разу не рвал...»

Известный абхазский историк и краевед В. П. Пачулия в своей книге «Русские писатели об Абхазии» рассказывает о том, что Антон Павлович «подробно ознакомился с историко-природными памятниками, поднялся на Иверскую гору (имеется в виду Анакопийская гора – В. З.), где некогда была цитадель стольного города Абхазии – Анакопии».

Судя по описанию В. П. Пачулия, русский писатель в сопровождении монаха-проводника осмотрел хозяйство монастыря, маслиновую рощу, пасеку, фруктовый сад (кстати, не будем забывать об успешных агрономических изысканиях Чехова!). С особым интересом ознакомился он с монастырской школой, где обучались местные дети-сироты.

Школьники проявили большой интерес к беседе Чехова с преподавателем школы при монастыре. Писатель выразил свое восхищение преданности местных просвещенцев своему высокому призванию. В книге «Абхазия в русской литературе», составленной И. И. Квициния, приводятся интересные сведения из путеводителя по Кавказу (автор – И. Г. Москвич), изданного в 1911 г. «Люди, покоряющие Кавказ любовью и просветительным подвигом, достойны большей чести, чем та, которую мы можем воздать им на словах». Автор путеводителя И. Г. Москвич подтверждает, что эта фраза взята из собственноручной записи Чехова в книге посетителей Новоафонского монастыря.

В. П. Пачулия отмечает в своей книге, что все подробности пребывания Чехова в Новом Афоне были записаны им в 1957 году со слов глубокого старца, бывшего монаха Ново-Афонского монастыря, принимавшего участие в составлении летописи этой знаменитой обители.

«Антон Павлович переночевал в монастырской гостинице, предназначеннной для «чистой публики» (ныне это один из корпусов санатория «Абхазия») – сообщается в книге «Русские писатели в Абхазии».

В книге крупного кавказоведа, доктора исторических наук, профессора Ю. Н. Воронова «В мире архитектурных памятников Абхазии» подробно описан исторический уголок, с которым непосредственно соприкоснулся русский писатель: «В работе В. И. Чернявского и других авторов второй половины XIX столетия можно прочитать и о замке на берегу моря, представлявшем собой башню с четырьмя выступами по углам. Все эти развалины связываются находившейся здесь генуэзской факторией XIV века, известной под именем Каво-ди-Гиро или Анакуфа. Большинство древних построек было разобрано при сооружении гостиницы. В 1888 году в этой гостинице отдыхал А. П. Чехов».

В ноябре 1986 года, по истечении почти целого столетия, в Новом Афоне состоялось торжественное открытие мемориальной доски в честь А. П. Чехова. Об этом сообщалось в публикациях О. Шараговой и Л. Арнаут на страницах газет «Апсны Капш» и «Советская Абхазия».

Известно также, что Антон Павлович, прибыв в столицу Абхазии-Акуа-Сухум, остановился в одной из гостиниц, расположавшихся на сухумской набережной. Исследователь А. Агумаа считает упоминание гостиницы «Ялта», как места пребывания Чехова, ошибочным, ибо старинное здание, расположенное ныне рядом с гостиницей «Абхазия» по ул. Аидгылара, носило в то время название «Франция» (еще одна тема для чеховедов!). Письма и дневниковые записи писателя свидетельствуют о том, что он достаточно хорошо ознакомился с Сухумом и его окрестностями.

В течение несколько дней пребывания в столице Абхазии Чехов успел вникнуть в традиционный быт и образ жизни местного населения. Об этом свидетельствует, в частности, повесть «Дуэль» (1891). И. Бунин считал ее одним из лучших произведений писателя. В некоторых эпизодах этой повести достаточно узнаваемы виды Сухума и прилегающих к ней местностей. Например, в главе XVIII в

брюских цветах, броскими мазками передан пейзаж предгорной долины Желтой речки. «От дождя речка стала шире и злее, и уж она не ворчала, как прежде, а ревела. Начинался рассвет. Серое тусклое утро, и облака, бежавшие на запад, чтобы догнать грозовую тучу, и горы, опоясанные туманом, и мокрые деревья – все показалось дьякону некрасивым и сердитым...».

Не менее впечатляюща и другая сцена, разворачивающаяся в этом же месте: «Вот поваленное дерево с высокими иглами, вот черное пятно от костра. Припомнился пикник со всеми его подробностями, огонь, пение абхазцев, сладкие мечты об архиерействе и крестном ходе... Черная речка от дождя стала чернее и шире. Дьякон осторожно прошел по жидкому мостику, до которого уже дохвачивали грязные волны своими гравами, и взобрался по лесенке в сушильню...»

В главе VI повести «Дуэль» автор достаточно изысканно передает характер абхазского народного песнопения: «...Немного погодя сидевшие в кружок тихо запели что-то протяжное, мелодичное, похожее на великолепную церковную песню...»

А вот в другом фрагменте повести, Чехов открывает читателю панораму набережной Сухума (совершенно контрастную горному пейзажу) глазами одного из своих персонажей: «...Не поворачивая головы, он (Самойленко – В. З.) посматривал по сторонам и находил, что бульвар вполне благоустроен, что молодые кипарисы, эвкалипты и некрасивые, худосочные пальмы очень красивы и будут со временем давать широкую тень, что черкесы – честный и гостеприимный народ...»

Во время еще одной поездки в Абхазию вместе с ним здесь находились А. М. Горький и выдающийся русский живописец А. М. Васнецов. Известно также, что русский писатель посетил Сухум в мае 1900 года, когда он со сво-

ей будущей супругой, актрисой О. Л. Книппер находился в гостях у А. А. Остроумова, у которого здесь была своя дача. Антон Павлович поддерживал с ним теплые дружеские отношения. Дача Остроумова, располагалась в здании, занимаемом ныне дирекцией ИЭПИТА. Вносит интересные детали в историю взаимоотношений Чехова и Остроумова писатель Александр Орлов-Кретчмер: «...Близкие доверительные отношения были лишь с коллегой, лечившим (точнее “пользовавшим” его иногда, как тогда говорили) от чахотки – легендарным профессором медицины А. А. Остроумовым. Но Остроумов сам заболел и в 1899 г. и неожиданно переехал в далекий провинциальный Сухум, где купил земельный участок и вскоре построил дачу по проекту местного инженера штабс-капитана В. И. Ивановского, а впоследствии – в подарок городу – и первую в Абхазии клинику. Чехов, узнав о переезде своего доверенного врача на Кавказ, сгоряча тоже купил дачу в Крыму, надеясь на улучшение от климата. Однако, приехав в Сухум на консультацию уже в 1901 г., он неожиданно услышал от Остроумова рекомендацию никогда не жить в Ялте, а переехать в Абхазию. Но, хотя Чехов уже бывал в Сухуме еще в 1888 г. при посещении Сухумского округа Императором Александром III (в литературе широко известно письмо Чехова из Сухум-Кале), он, все же, предпочел сухумскому консервативному обществу более благоустроенный курорт в Ялте, где дамское общество было куда как веселее».

Доктор филологических наук В. Бигуаа ставит под сомнение версию некоторых исследователей о приезде Чехова в Абхазию в 1883 г. Ученый считает сведения Х. С. Бгажба более достоверными, ибо они подтверждены письмами самого Чехова (Абхазский биографический словарь. Москва-Сухум, 2015. С. 761).

В 1914 году, в связи с 10-летием со дня смерти великого русского писателя, в Гаграх сообществом петербургских

актеров была осуществлена постановка его драматических произведений «Вишневый сад» и «Три сестры». Примечательно, что произведения А. П. Чехова на протяжении ряда десятилетий переводятся на абхазский язык мастерами абхазского художественного слова. Многие из них опубликованы на страницах литературно-художественного журнала «Алашара» («Свет»), газеты «Апсны» и других периодических изданиях. В 1920 году абхазский прозаик и драматург Д. Дарсалия по мотивам рассказа Чехова «Хирургия» создал комедию «Зубной врач». Перу известного поэта-переводчика и литератора В. Ацнари принадлежит блестящий перевод «Вишневого сада». Рассказы Чехова «Человек в футляре», «Смерть чиновника», «Унтер Пришибеев», «Хамелеон», «Ванька» и др. были переведены на родной язык проф. Х. С. Бгажба и изданы отдельной книгой еще во второй половине 30-х годов. Специалисты отмечали высокое качество перевода на абхазский язык рассказов «Душечка», «Скрипка Ротшильда», осуществленных писателем Д. Ахуба.

Известный абхазский театровед А. Аргун отмечал значимость появления на абхазской сцене чеховских комедийных произведений «Медведь», «Предложение», «Юбилей», соединенных в один спектакль благодаря режиссерскому мастерству Н. Эшба. «Что ж, это не просто обращение к «малым формам». Эти миниатюры не менее интересны и сложны, чем некоторые многоактные пьесы...» – сообщала газета «Советская Абхазия» в номере от 28 декабря 1962 года. В ролях были заняты такие замечательные актеры Абхазского театра, как А. Аргун-Коношок, Н. Камкиа, С. Агу маа, А. Ермолов, Ш. Гицба, Р. Агрба, С. Кобахиа, М. Касландзия, С. Дбар и др.

Исследованию и популяризации культурных связей А. П. Чехова с Абхазией посвятили интересные публикации

(научные сообщения) Г. А. Дзидзария, М. Г. Ладариа, А. Л. Папаскир, И. Х. Дамениа и др. абхазские исследователи.

В данной публикации, не претендующей на сугубо научное описание тех или иных событий, связанных с пребыванием крупнейшего художника слова в Абхазии, сделана попытка еще раз напомнить поклонникам его величайшего таланта о том, что феерический край, который известен миру как Апсны – земля души – тоже занимает в биографии писателя свое скромное, но очень колоритное место.

Завершить свои размышления я хотел бы философским образом Фазиля Искандера, посвященным Чехову:

Он был в гостях, и позвонить домой
Хотел. Но странно – в памяти заминка.
А ощущалось это как грустинка.
«Стареем, – он подумал, – Боже мой,
При чем тут грусть? Грусть – старая пластинка.
Какой-то дрянью голова забита.
Как редко, кстати, я звоню домой...»
И вдруг припомнил – жизнь его разбита...

СЛОВО О ПОЭТЕ-ГРАЖДАНИНЕ

В 1994 году мне представилась счастливая возможность встретиться и побеседовать с крупным русским литературоведом и философом, большим другом Абхазии В. В. Кожиновым – в Москве, у него на квартире. Помог мне в этом абхазский ученый В. А. Бигуаа. У меня сохранилась видеозапись того теплого разговора, проникнутого глубокой симпатией к абхазскому народу, пережившему трагедию войны. Помню, в заключение нашей беседы Вадим Валерианович просил передать своим друзьям Борису Гургулии и Виталию Амаршан соболезнования в связи с гибелью их сыновей – отважных защитников Родины.

Кто бы мог подумать, что сейчас, по прошествии 18 лет, мне придется с глубокой тревогой и болью в душе писать о видном представителе современной абхазской литературы, известном поэте, прозаике, литературоведе Борисе Алмасхановиче Гургулии, гибель которого потрясла всю нашу страну. Путь, пройденный истинным патриотом, достойным сыном своего народа, был сложным и тернистым, но поэт мужественно преодолевал суровые испытания судьбы, веря в торжество справедливости, в счастливое будущее своей страны.

Родился Б. А. Гургулиа 20 июля 1935 г. в с. Кутол Очамчырского района. Кутолскую восьмилетнюю школу закончил в 1948 году. В 1953 году, завершив учебу в Тамышской средней школе им. Д. Гулиа, он поступает на филологический факультет ТГУ. Успешно заканчивает вуз в 1958 году. В 1964 – 1967 гг. Б. А. Гургулиа продолжает учебу в аспиран-

туре ИМЛИ им. А. М. Горького. Защищает диссертацию на тему: «Жанр поэмы в абхазской литературе». Эта было первое монографическое исследование, раскрывающее художественно-композиционные особенности абхазской поэмы. Вскоре ему была присвоена ученая степень кандидата филологических наук. С 1968 – доцент кафедры русской и зарубежной литературы СГПИ (АГУ). Являлся профессором АГУ. В СОИ Б. Гургулиа возглавлял кафедру гуманитарных исследований. Член СП Абхазии, СЖ Абхазии, СП СССР, СП РФ. В 1997 был избран председателем Союза писателей Абхазии и руководил творческой организацией до октября 2002 года. Будучи руководителем Абхазской писательской организации, он выступил одним из инициаторов принятия абхазских писателей в СП России. С 1964 – Б. Гургулиа являлся членом КПСС. Первая книжка стихов поэта «Анапы разку» («Добрые руки») вышла в свет в Абгосиздате в 1961. В его творчестве достаточно ощутимо сочетание чувственно-эмоционального и публицистического начал. Тематический диапазон его поэтических произведений широк и многообразен. Вместе с тем, в творчестве поэта превалирует патриотическая (гражданская) направленность. Этим отличается, в частности, сборник стихов «Солнце и люди» (1966). Стихотворения «Родной язык», «Где вы, братья, махаджиры?», «Убыхи», «Самшит», «Надежда», «Тисовые деревья», «Родился я в доме абхазца», «Трудно жить на красивой земле...», «Омару Беигуаа» и др. построены на размышлениях поэта о судьбе своего народа сквозь призму истории и ее драматических перипетий.

Б. Гургулиа всегда находился в авангарде национально-освободительного движения. Он был в числе тех, кто мужественно выступал в защиту авторов письма (1977 года) высшему политическому руководству бывшего СССР, когда начались неприкрытие гонения на них по указке из Тбилиси. Борис Алмасханович публично опровергал анти-

научные измышления грузинских ученых, писателей, журналистов, преднамеренно фальсифицировавших историю и топонимику Абхазии. Его выступления в прессе в 1988–1989 гг., когда грузино-абхазская политическая конфронтация достигла опасной черты, оказывали заметное воздействие на формирование объективного общественного мнения. В 1992 –1993 поэт был в числе представителей абхазской интеллигенции, осудивших грузинскую военную агрессию против Абхазии. Превозмогая тяжелую боль утраты сына, Героя Абхазии Абзагу Гургулиа, погибшего смертью храбрых в боях за освобождение родины от грузинских захватчиков, поэт поднимал дух бойцов Абхазской армии своими стихами, поэмами. Находясь на Восточном фронте, бывая непосредственно в окопах, он принимал деятельное участие в организации политico-агитационной работы во имя Победы. В тот период я работал зам. председателя Абхазской телерадиокомпании и одновременно военным корреспондентом. Наши журналисты и телевизоры, изредка прилетавшие из Ткуарчала – Очамчиры в Гудауту, заносили к нам в редакцию телевидения и радио написанные скорописью фронтовые стихи и поэмы Б. Гургулиа, и мы в той или иной форме включали их в свои телерадиопрограммы, посвященные теме борьбы за свободу Апсны.

Сборник «Где вьется дым очага» (2003) состоит из поэтических произведений, посвященных многим отважным защитникам Абхазии, сложившим головы за ее свободу и независимость. Широкой известностью пользуется также поэма «Псра зум» («Шагнувший в бессмертие») о легендарном генерале С. П. Дбар. Лучшие стихотворения и переводы поэта-переводчика вошли в двухтомную «Антологию абхазской поэзии 20-го века», составленную Народным поэтом Абхазии М. Т. Ласуриа. Б. Гургулиа является составителем и автором предисловия к книге (1983), вобравшей

в себя литературное наследие видного абхазского поэта, светлейшего князья Г. Чачба. В 2005 году в издательстве «Алашара» (ныне Абгосиздат) было начато издание трехтомного собрания сочинений известного поэта, ученого. Б. Гургулиа внес значительный вклад в развитие отечественного литературоведения и публицистики, в сбор и публикацию фольклорных материалов. Преимущественно его стихи, статьи, очерки публиковались на страницах журнала «Алашара», «Акуа-Сухум», газет «Апсны Капш» («Апсны»), «Советская Абхазия» («Республика Абхазия»), «Ецаджая», «Абхазский университет». Он является автором рассказов «След ладони», «Абхазский характер», «Абчарах» (вожак) и др. Поэт был награжден Орденом «Ахьдз-апша» второй степени, удостоен звания «Отличник высшей школы».

Хотелось бы вспомнить эпизод, подчеркивающий бескомпромиссность поэта в защите национальных интересов. После войны Б. А. Гургулиа принимал участие в Ялтинской встрече по проблемам грузино-абхазского урегулирования. Формат встречи, проходившей под эгидой ООН, был таков, что представители абхазской интеллигенции могли открыто высказывать свои соображения по вопросу государственно-правовых взаимоотношений Грузии и Абхазии и по причинам возникновения вооруженного конфликта между ними. Вел заседание личный представитель Генсека ООН г-н Боден. Когда предоставили слово Б. Гургулиа, он со свойственной ему эмоциональностью, и некоторой патетичностью речи, но весьма убедительно говорил о событиях, предшествовавших войне, возлагая вину за развязанную против Абхазии агрессию не только на политиков и военных, но и в равной степени на грузинскую интеллигенцию. Возразить абхазскому поэту, испытавшему на себе последствия войны, грузинским писателям, присутствовавшим на встрече, было не легко.

Следует отметить, что многогранному творчеству Б. Гургулиа посвящена монография Капба Р. Х., изданная в Сухуме в 2009, ряд статей известных абхазских писателей, ученых. Безвременный уход известного поэта, ветерана Отечественной войны народа Абхазии, внесшего свой вклад в борьбу за ее независимость, в развитие отечественной культуры – сильно отозвался в сердцах всех, кто знал Бориса Алмасхановича как добропорядочного человека, чуткого к проблемам простых граждан, друзей, родственников, к нуждам интеллигенции.

Нет теперь среди нас поэта-борца, истинного патриота, неутомимого общественного деятеля. Но есть его слова, его любовь к друзьям, дух преданного служения Родине. Еще долго мы будем слышать его хлесткий подбадривающий голос, чувствовать его твердый и стремительный шаг. Его беспокойная жизнь была наполнена большим смыслом, верой в высокое предназначение человека.

ИЗ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

(Абхазия и зарубежная литература)

История литературных связей Абхазии с ближним и дальним зарубежьем имеет глубокие корни. Русско-абхазские творческие контакты занимают в ней значительную нишу. Наиболее зримо, ярко и многогранно они предстают перед нами с конца XIX-го столетия. Начиная с того периода, Абхазию, которую сами абхазы – коренные жители этой земли – издревле называют Апсны – страной души, – посетили А. Чехов, А. Толстой, А. Майков, Е. Зайцевский, И. Бунин, А. Бестужев-Марлинский, М. Горький, В. Немирович-Данченко, К. Паустовский, В. Соллогуб, А. Белый, В. Каменский, А. Серафимович, Г. Успенский, Д. Мордовцев и многие другие. В последние два-три десятилетия события, связанные с их пребыванием в нашей стране, пополнились новыми документами и фактами. Созданные русскими писателями произведения об Абхазии – целый пласт культуры, ждущий своего исследователя. Несмотря на значительный вклад таких видных ученых как Х. Бгажба, С. Зухба, С. Лакоба, Д. Чачхалиа, И. Квициниа, А. Папаскири, В. Пачулия и др. в исследование сферы духовного и историко-культурного взаимовлияния России и Абхазии, некоторые ее аспекты пока еще не до конца раскрыты. Время от времени мы обращаемся к публикациям, проникнутым большой симпатией к нашему народу. Примечательно, что творческая судьба их авторов во многом перекликается с историей Абхазии. В произведениях на абхазскую тему

ощутимо стремление мастеров слова постичь таинства неувядаемой и неповторимой роскоши нашей природы, древние истоки народной (в частности, ритуальной) культуры, этики и эстетики. Я думаю, не менее привлекательны в художественно-познавательном и эстетическом плане абхазские мотивы в творчестве русских писателей, посетивших Абхазию уже в советскую эпоху.

Зарубежных авторов интересовала не только внешняя, образно говоря, фасадная сторона абхазской действительности, но в первую очередь, внутренняя культура, быт и нравы, особенности мышления и мировосприятие народа. И это вполне естественно, ибо именно такие проявления национальной ментальности и духовности составляют, на мой взгляд, суть и сердцевину абхазской народной философии, формировавшейся на протяжении многих веков.

И вновь обратимся к истории литературных взаимосвязей. Чьими же именами она отмечена в советский период? В Абхазию, в разное время в творческую командировку, на отдых или в силу различных обстоятельств, приезжали: А. Твардовский, Н. Тихонов, М. Шолохов, К. Симонов, И. Бабель, О. Мандельштам, Л. Леонов, К. Федин, Н. Асеев, В. Шкловский, В. Дудинцев, Р. Гамзатов, К. Кулиев, Ф. Искандер, В. Солоухин, М. Дудин, Д. Гранин, Ф. Абрамов, В. Гроссман, Е. Рейн, Г. Гулиа, Р. Рождественский, Е. Евтушенко, Б. Окуджава, Б. Ахмадулина, В. Высоцкий, Р. Казакова, О. Чухонцев, А. Дементьев, Ю. Семенов, И. Драч, П. Мовчан, И. Машбаш, А. Кешоков, Э. Радзинский, Ю. Покальчук и др. Это писатели с совершенно разным мироощущением, творческой манерой и почерком, но интересно, на мой взгляд, то, что достаточно ощутимо в их произведениях, посвященных Абхазии, некоторое, пусть даже отдаленное звучание, в частности, в раскрытии национальных черт, особенностей образа жизни литературных персонажей.

Заслуживают отдельного исследования документы, связанные с пребыванием в Абхазии зарубежных писателей: А. Барбюса, Л. Арагона, А. Маршалла, Д. Олдриджа, Д. Пристли, Г. Грина, Н. Саррот, Ж. П. Сартра, А. Жида, П. Неруды, Св. Чеха, А. Несина и др. Мы знакомы лишь с некоторыми очерками, высказываниями вышеупомянутых авторов об Абхазии, но, на мой взгляд, пока еще недостаточно исследованы те публицистические материалы, дневниковые записи, воспоминания, которые были опубликованы ими у себя на родине после возвращения из Абхазии. Нет сомнения в том, что абхазские мотивы в той или иной форме нашли отражение в их творчестве. Пока еще мы располагаем информацией, извлеченной преимущественно из русской периодики.

Рассказы, повести, романы, очерки, новеллы, стихи, поэмы, созданные русскими и зарубежными писателями, могли бы составить уникальную антологию. И я бы назвал эту книгу условно: «Абхазия – сквозь призму творчества классиков мировой литературы».

Попытаюсь раскрыть некоторые страницы данной художественно-документальной летописи на примере творчества некоторых авторов. Так, перу Исаака Бабеля принадлежит ряд блестящих очерков, созданных им по следам пребывания в Абхазии (1922). В числе публицистических произведений, посвященных нашей стране: «Столица Абхазии», «Гагра», «Табак», «Ремонт и чистка» и др.

5 сентября 1932, вспоминая работу в газете «Заря Востока», Бабель отмечал: «Работа на репортаже дала мне необычайно много в смысле материала и столкнула с огромным количеством драгоценных для общества фактов. Отталкиваясь от этого материала, я стал писать тогда очерки и поднял ряд тем, которые впоследствии стали ходовыми в газетном и журнальном очеркизме».

Социально-экономические и культурные проблемы, поднятые писателем в «абхазских очерках», не утеряли своей актуальности и по сей день.

В очерке, посвященном Сухуму, Исаак Бабель воссоздает уникальный образ древнего города. В процессе ознакомления с этой вещью, создается впечатление, что она написана в едином ритмическом ключе, на одном дыхании. В очерке ярко и броско вызвучиваются черты, свойственные только этому абхазскому причерноморскому пейзажу и сухумцам, с их нравами, психологией, природной прагматичностью мышления. За иллюстрацией этих мыслей обратимся к тексту.

«Сухумская бухта – это какой-то монастырь, тихий и задумчивый, на фоне кипрского, иногда свирепо бьющего волнами, моря. А за этой бухтой живописно приотился такой же тихий и задумчивый городок, ярко белеющий своими белыми домами, издали напоминающими дворцы, и своей необыкновенной зеленью, пальмами и кипарисами».

«Порою кажется, что только на базаре и в кафе бьется пульс жизни Сухума, только здесь центр тяжести всего, а остальное – так, нечто вроде приданка к этому, главному и основному. Очень часто даже бывает так, что в учреждении вы не найдете нужного вам человека, ибо в это время он занят в кафе. Но сухумцы отлично знают, куда надо обращаться и где кого искать. И все опять хорошо, мирно, тихо и комфортабельно. Под сенью дерев, под звуки оркестра – за стаканом хорошего абхазского вина «Изабелла»... Вечером ночь окутывает весь город мягким нежным покровом. На набережной гуляют красиво разодетые дамы. А с ними все те же знакомцы, которых вы целый день видели в кафе. И огоньки в море приветливо, но лукаво мигают вам. И кажется, что весь Сухум расположен на набережной, и кроме набережной и его гостеприимных кафе, где восседают щедрые иностранцы, в Сухуме ничего больше нет. Даже море, изумительно пьянящее сухумское море, составляет только «бесплатное приложение» к набережной кофейни».

Бабель изображает сухумскую атмосферу достаточно многоокрасочно, картиенно и масштабно, тонко улавливая видимые и невидимые стороны жизни южного города, веками хранящего многоцветье различных культур и цивилизаций, не теряя при этом своей глубокой самобытности.

Частью культурной сокровищницы Абхазии стали произведения Константина Паустовского. Находясь в Абхазии, писатель глубоко изучил историю, обрядовую культуру, истоки внутреннего мира абхазов. Думаю, представляют большой интерес и ценность с точки зрения документалистики комментарии Вадима Паустовского (сына писателя) к книге «Бросок на юг»: «После расшифровки дневников и прочтения писем отца, относящихся к его пребыванию в Сухум-Кале, стало ясно, что первые дни своего пребывания в Сухуме К. Г. Паустовский провел в доме Александра Исааковича Германа-Евтушенко на горе Черняевского. С Герман-Евтушенко мои родители, как оказалось, познакомились в Одессе и его заботами, как секретаря Союзов кооперативов Абхазии, были приглашены в Сухум. Нынешний директор Московского музея-центра К. Г. Паустовского несколько десятков лет назад выяснил в сухумских архивах истинную хозяйку дома № 47 в Горийском переулке. Ею оказалась вдова Каролина Георгиевна Герман, которая почила в 1923 году в возрасте 65 лет».

Наиболее ярко, глубоко и пластично переданы свойства, формирующие этнокультурную и психологическую идентичность абхазов, в повести «Бросок на юг»: «И абхазцы казались загадочными. Большой частью это были люди сухощавые и клекочущие, как орлы. Они почти не слезали с седел. Кони, такие же сухощавые, как и люди, несли их, перебирая тонкими ногами. Почти у всех абхазцев были профили, достойные, чтобы их отлить из бронзы...»

А вот как описывает предысторию создания данного произведения и процесс работы над ним сын писателя

Константин Паустовский: «Повесть написана зрелым автором, на пике его творчества. Черновые рукописи занимают четыре общие тетради. Написана за десять месяцев напряженной работы, преимущественно она происходила в Ялте, в доме творчества. На обложке рукописи проставлена дата написания: «сентябрь 1959, Ялта – июнь 1960, Таруса». Само название книги менялось Паустовским несколько раз – можно привести такие, как «Войной взволнованный Кавказ», «Трехпогибельный Кавказ», «Бросок в страну» и даже «Дорога народов», пока автор не остановился на наиболее правильном с точки зрения канвы «Повести о жизни»: «Бросок на юг».

На мой взгляд, не менее привлекателен в плане раскрытия духовной и культурной первоосновы истории Абхазии очерк К. Паустовского «Где нашли золотое руно». Здесь читатель соприкасается с причудливым переплетением образов природы, исторических ассоциаций, сравнений, эпитетов, из которых складывается многообразный облик страны души Апсны, впитавшей в себя аромат восточной и западной культур. Прозаик живописует, чуть ли ни в прямом смысле этого слова: «Ледяная цепь Главного хребта видна в ясные дни с сухумского рейда. Синие глетчеры тянутся на десятки верст, и странные названия гор вызывают недоумение и любопытство – Марух, Схопач, Клухор, Нахар, Агыш, Апианча, Адагуа. Многие названия звучат по-итальянски. Недаром в лесах Абхазии, в гуще зарослей, где сумрак зеленеет от листвы и пахнет столетней прелью, вы увидите белые гигантские, заросшие дикой азалией римские маяки, развалины веселых некогда и пышных римских и греческих городов. Вы найдете только тогда, когда дотронетесь до них рукой, так сильно они заросли кустарниками и травами. Столетние буки растут из мраморных генуэзских цистерн, и шакалы спят на мшистых плитах, где четко и грозно темнеют латинские надписи. Здесь ле-

жал первый великий путь в Индию. Сюда, в эту пламенную Колхиду, приезжал Одиссей, за золотым руном. На юге к стране вплотную подходит море – индиговое и густое, рассеченное у берегов широкими струями бесчисленных горных рек. Эти реки ворочают, как пробки, пудовые камни и в период таяния снегов рвут, как солому, мосты, ревут, как десятки курьерских поездов, и выносят в море трупы буйволов и вековые деревья. Но, кроме трупов буйволов, они выносят золотой песок и стаи голубой, пятнистой форели. Богатство Абхазии – в горах. Серебряно-свинцовые руды, каменный уголь, золото, мощные лесные массивы, медь, железо, бурные реки, энергия которых могла бы, преображенная в динамо-машины, залить ослепительным светом весь Кавказ, все это ждет дорог и армий рабочих, девственное, нетронутое и неисследованное».

В 60-е годы в Абхазии побывал чилийский поэт, лауреат Нобелевской премии Пабло Неруда. В своих воспоминаниях он пишет: «Мы – в Сухуми, главном городе Абхазии, маленькой советской республики. Это и есть легендарная Колхида, край золотого руна, которое за шесть веков до нашей эры надумал украсть Ясон. Это и есть родина диоскуров. Позже в музее я увижу греческий мраморный барельеф, только что извлеченный со дна Черного моря. На берегу этого моря греческие боги вершили свои таинства, свои мистерии. Теперь на смену таинствам и мистериям пришла трудовая жизнь советских людей. Здешние жители не похожи на ленинградцев. У этой земли солнца, хлебов и бескрайних виноградников другое звучание, легкий средиземноморский акцент. У мужчин – особая походка, у женщин – руки и глаза Италии или Греции».

Здесь мы сталкиваемся с утонченным восприятием и осмысливанием мифологии, истории, национального характера, с их удивительным внутренним взаимопроникновением.

Прибыв в Абхазию, Неруда посещает своего друга Константина Симонова на его гулрыпшской даче. Вот атмосфера, в которой происходил диалог между двумя классиками. Диалог, проникнутый глубоким философским смыслом:

«Несколько дней я живу в доме писателя Симонова; с ним мы купаемся в теплых водах Черного моря. Симонов показывает мне свой сад с прекрасными деревьями. Мне знакомы почти все, и стоит Симонову сказать, как называется дерево, я с чисто крестьянской гордостью замечаю:

– Такие есть и у нас в Чили. И эти – тоже. И вон те.

Симонов смотрит на меня, пряча насмешливую улыбку.

А я ему говорю:

– Как жаль, что ты, быть может, никогда не увидишь дикий виноград в моем саду в Сантьяго, не увидишь тополей, позолоченных чилийской осенью, – такого золота нет нигде в мире! Если бы ты знал, как цветут у нас вишни и как душист чилийский бальдо. Если бы ты видел по дороге в Мелипилью, как крестьяне раскладывают на крышах домов золотые початки маиса. Если бы хоть раз ступил в холодную чистую воду у берегов Исла-Негра. Но выходит, дорогой Симонов, что пока страны воздвигают преграды, пока они враждуют и стреляют друг в друга в «холодной войне», мы – люди – разделены. Мы взмываем ввысь на скоростных ракетах, чтобы приблизить небо, но все еще не можем обменяться братским рукопожатием на земле.

– А вдруг все изменится? – говорит сквозь улыбку Симонов и бросает белый камешек богам, погруженным в Черное море».

В дни пребывания в Абхазии Пабло Неруда встречается с Багратом Шинкуба, который делится с читателями воспоминаниями о встрече и теплых беседах с чилийским поэтом.

Вместе с народным поэтом Абхазии Неруда посетил Гагру, Новый Афон, Сухум, проявив большой интерес к исто-

рико-культурным достопримечательностям. Сохранилась фотография, запечатлевшая общение двух поэтов. На фотографии сделана надпись: «Моему другу, поэту Б. Шинкуба, которому я многим обязан в моей поездке по его прекрасной Родине».

Скорбная весть о смерти П. Неруды потрясла абхазского поэта, и он с глубокой болью в душе отозвался на эту трагедию стихами элегического звучания.

Из русских писателей, чьи жизни и судьбы связаны с Абхазией и абхазским народом, следует особо выделить Константина Симонова. Приехав в нашу страну в конце 40-х годов прошлого столетия, а это был период разгула сталинизма в Абхазии, русский писатель глубоко вникает в ее историю, познает истоки этики и культуры абхазов. Он вносит неоценимый вклад в популяризацию лучших произведений абхазского фольклора и национальной литературы. В своей статье «Черты облика» К. Симонов образно сравнивает дом Дмитрия Гулиа с дверью, открывшей ему всю Абхазию. Миссию основоположника абхазской литературы он сравнивал с просветительской ролью, характером многогранной деятельности Михаила Ломоносова. К. Симонов успел затронуть целый ряд актуальных литературоведческих, историко-культурологических проблем, написав и опубликовав исследования, посвященные творчеству Б. Шинкуба, Г. Гулиа, И. Тарба, А. Ласуриа, Г. Дзидзария и др.

Колоссальное значение имела высокопрофессиональная работа по переводу и изданию на русском языке исторического романа Б. Шинкуба «Последний из ушедших», выполненная К. Симоновым совместно с Я. Козловским.

Раскрывая философскую суть лирики Б. Шинкуба, русский поэт приводит в качестве одного из ярких образцов художественного постижения национального духа, восьмистишие, блестяще означенное им на русском языке:

Горит очаг и пламя вьется,
Подбросить дров –не проворонь!
Из рода в род передается
Неугасающий огонь.

Хочу, чтоб все беречь умели
Огонь, пришедший из веков,
Чей отсвет лег на колыбели
И на седины стариков...

Развивая мысль о глубинной духовной взаимосвязи произведений поэта с его творческой индивидуальностью, Симонов пишет: «За стихами всякого подлинного поэта встает его жизнь. Иногда встает почти как биография со всеми ее подробностями, а иногда только как некий конспект этой биографии, как ее суть...»

Абхазская тематика в творчестве русского писателя наиболее полно раскрыта в документальном сборнике «Константин Симонов в Абхазии» (1981), составленном Денисом Чачхалиа.

Многие страницы абхазо-российского культурного взаимодействия связаны с Домами творчества в Гагре и Пицунде. В живописную Гагру, пленяющую неповторимым сочетанием предгорного ландшафта и причерноморского пейзажа, в разное время приезжали достаточно известные представители национальных литератур. Они работали над рукописями своих незавершенных произведений. Вынашивались, ложились на бумагу новые сочинения. Завязывались контакты с абхазскими и грузинскими писателями, чьи произведения переводились на русский и др. национальные языки. Нередко отдыхавшие и работавшие здесь авторы проводили творческие вечера и встречи с читателями. И поэтому не удивительно, что на страницах

книг мастеров слова, побывавших в Гагрском Доме творчества, упоминаются Абхазия и один из ее самых колоритных уголков. Судя по книге отзывов и пожеланий, хранившейся в свое время в Гагрском писательском доме, деятели литературы и искусства чувствовали себя здесь, на берегу Черного моря, овеянного древними мифами и легендами, у подножья величавых абхазских гор, хорошо и уютно.

Думаю, интересен и важен в плане исследования истории литературных взаимосвязей тот факт, что в Гагрский Дом творчества писателей неоднократно приезжал, начиная с 1949 года, Михаил Дудин. Примечательно, что под неизгладимым впечатлением абхазской природы, знакомства с историей края, непосредственного общения с местными жителями, ленинградский поэт создал цикл новых стихотворений. О том, как прошел традиционный литературный вечер в Гаграх с участием М. Дудина, сообщала газета «Советская Абхазия» в номере от 11-го ноября 1970 года. «Абхазия – это не только солнце и синие теплые волны Черного моря, набегающие на гальку прибрежной полосы и зеленые гребни гор, замыкающие горизонт. Абхазия – это древняя земля, приютившая человека, и в благодарность за этот приют возвеличенная и облагороженная трудом человека», – так восторженно и живописно отзывался русский поэт о стране, сохранившей себя, свою историю, этнокультурный облик в условиях ожесточенного противоборства различных империй, огнем и мечом насаждавших здесь свои порядки.

Автор интересной книги об Абхазии под названием «Один на один» Сергей Смирнов, взволнованно и образно писал в рассказе «Земля Апсны» о своем приезде в Абхазию и пребывании (1979) в Пицундском Доме творчества Литфонда. «Машина с необычайной по московским нормам скоростью примчала меня к широкоплечему Дому-дворцу, чье многоэтажие пламенело от ранней утренней зари. Я

вошел в здание и, первым, кто встретил меня в вестибюле, был длинноусый и мудроглазый Дмитрий Гулиа. Он смотрел с огромного портрета и всем своим видом выражал памятное мне «Добро пожаловать!» Далее, процитировав свои собственные стихи о патриархе поэтов, «как мудрость мира смотрящем на него», С. Смирнов заметил: «На высоком этаже, обращенном одновременно к морю и полукругу гор, обрел я в этом именном поэтическом доме просторную комнату и с первого же утра встретил с балкона восход солнца...» Делится воспоминаниями о пребывании в Пицунде поэт, переводчик Ирина Гинзбург-Журбина: «Помню, как я, Наташа и Сережа вместе в четырехместном купе плелись двое суток по дороге из Москвы в Пицунду, где только-только открылся новехонький шикарный с иголочки писательский Дом творчества, который почему-то сразу, еще из московского далека, нарекли Литфондом. Папа, провожая меня на вокзале, попросил Сережу обо мне позаботиться, но в этом и не было нужды. Рядом с ним я всегда чувствовала себя в безопасности. Мы пили коньяк из крошечных, похожих на наперсток, серебряных рюмочек, что составляли набор с такой же серебряной флягой, доставшейся Сереже (речь идет о знаменитом переводчике, испанисте Сергее Гончаренко) от его отца, которого он бесконечно любил.

В текстах поэта-переводчика, на мой взгляд, интригующе и достаточно броско передана атмосфера, некоторые детали описания жизни литературных знаменитостей, местом встреч и свободного общения которых стала Абхазия, в частности Дом творчества писателей им. Д. И. Гулиа. «В Пицунде в тот бархатный сезон был слет самых знаменных людей. На открытие Дома творчества в том 1977 году съехался весь цвет литературы СССР. Назову лишь немногих: Роберт Рождественский, Белла Ахмадулина, братья Вайнеры, Генрих Боровик, Фазиль Искандер и даже знаме-

нитый кубинский поэт – милейший Элисео Диего, что попал в эту шумную писательскую тусовку, на этот праздник жизни, как кур в оцип. В отличие от всех отдыхающих, он почти никогда не выходил на пляж. На Кубе ему так осто-чертел вид на океан, что он целыми днями просиживал на берегу мелководного озера Инкит и смотрел на зеленые пицундские горы. Общение с испанистом Гончаренко, который переводил его стихи на русский язык, было для него единственной отдушиной... От той счастливой поры осталось множество фотографий. Вот мы вчетвером на озере Рица. А вот мы в обнимку под пальмами вплываем навстречу осенней Москве... В Пицунду мы приехали вместе снова лет через пять. Сережа тогда только-только начал переводить Леона де Грейфа, поэта, в котором он с восторгом находил свое Alter ego и обретал самого себя. Ведь не случайно, даже Сережин адрес в интернете начинался словом «грейф». Помню, что тогда в Пицунде я написала в стихотворении, что счастливые воспоминания о той поре останутся в сердце, как яркие и пестрые слайды...»

Вскоре новый Дом литераторов становится одним из самых популярных мест отдыха творческой интеллигенции, видных представителей литературы и искусства республик бывшего СССР и дальнего зарубежья. В числе первых писателей, посетивших Пицундский Дом творчества – писатель и фронтовой корреспондент газеты «Красная Звезда», автор романа-эпопеи «Жизнь и судьба» В. Гроссман. Вспоминая о днях, проведенных в «Литфонде», русский советский прозаик, чьи произведения в свое время подвергались жесткой политической цензуре, отмечал: «Море, конечно, не свобода, а лишь символ свободы, но, как же прекрасна сама свобода, если даже напоминание о ней делает человека счастливым». Достаточно ощущимо внутреннее воздействие образа: писатель испытал на себе все «прелести» той идеологической системы, которая

чинила ему (увы, и не только ему...) всевозможные препятствия, вынуждая его десятилетиями добиваться опубликования своих глубоко правдивых произведений. Следует отметить, что В. Гроссман еще в 1956 году посетил Абхазию вместе с поэтом, переводчиком Семеном Липкиным, о чем свидетельствует фотоснимок, запечатлевший встречу советских писателей с Б. Шинкуба в Сухуме.

Хронику литературных взаимосвязей обогатил факт пребывания в Абхазии Виктора Шкловского. Вот, что пишет об этом Э. Радзинский в книге «Сталин»: «Начало 80-х. Я сижу на пляже в Пицунде, рядом – Виктор Борисович Шкловский, великий теоретик левого искусства, друг Маяковского. Он абсолютно лыс. На пицундском солнце блестит продолговатая голова. Впрочем, и в двадцать лет он был такой же – совершенно лысый... Все мое детство прошло под знаком Виктора Борисовича, с которым отец сочинял сценарии. Только потом я узнал, что Шкловский был главным создателем теорий великого Авангарда 20-х годов. Сверкающий купол его головы маячил на всех знаменитых диспутах. Теперь ему девяносто лет. Он остался один – все участники тех диспутов давно лежат в могилах, чаще в безвестных, расстрелянныес в дни сталинского террора...»

Как уже было отмечено, в разные периоды в Абхазии отдохали и работали над воплощением своих новых творческих идей и замыслов не только писатели, представлявшие национальные литературы республик бывшего СССР, но и литературу дальнего зарубежья.

Так, в 1978 году в Пицундском Доме творчества писателей со своей супругой отдыхал и работал кубинский прозаик, рассказчик, новеллист, Секретарь Союза писателей и художников Кубы – Кардосо Онелио Хорхе, удостоенный еще в 1945 году государственной литературной премии за рассказ «Угольщики». Исследователи творчества кубинско-

го писателя отмечали, что для его рассказов характерна «разговорная интонация, юмор и любовь к людям труда» (С. П. Мамонтов). За два года до творческой командировки кубинского писателя в Абхазию, в Москве, в издательстве «Художественная литература» вышел в свет сборник его рассказов в переводе на русский язык. Абхазская газета «Апсны Капш» сообщала о пребывании Онелио Хорхе Кардосо в Пицунде и опубликовала фотографию писателя с супругой. Кубинский прозаик рассказал автору этих строк, работавшему тогда корреспондентом национальной республиканской газеты, о личных впечатлениях от встреч с абхазскими крестьянами.

На мой взгляд, крайне важна и другая грань творческого взаимодействия писателей. Здесь появились новые возможности для широкого обсуждения проблем развития литературных жанров, оценки тенденций формирования различных стилевых литературно-художественных направлений. Так, в 1979 г. в Пицундском Доме творчества писателей им. Д. Гулиа проходит семинар драматургов под руководством драматурга, прозаика, сценариста, главного редактора издательства «Даниловский благовестник» В. Малягина.

Отмечены стихами «В диких лесах Пицунды» дни пребывания в Пицунде поэта Е. Рейна, который был знаком с М. Ласуриа, Т. Аджба, А. Гогуа. Тепло и восторженно отзыается Рейн о творчестве Фазиля Искандера, Даура Зантария. В стихах поэта, где ассоциативные образы планетарного масштаба представлены в игриво-гротескном стиле, строки о Пицунде выделяются достаточно колоритными мазками: «Мне снится бледно-синий сон про дикие леса Пицунды...»

И тогда разбойникам пришлось спрятаться в диких лесах Пицунды...

(Из записок Дюма-отца)
Под новогодний перезвон
Мне снится бледно-синий сон
Про дикие леса Пицунды.
Здесь побывал Дюма-отец,
Настиг злодеев, наконец,
Но мы с тобой не так преступны.

Пойдем, дружок, поговорим,
И нам безумный караим
Продаст вина на шесть копеек.
Ну, что там Лондон и Милан,
Где ты транжирила карман
Среди всесветных неумеек?..

А вот еще одна важная в историко-фактографическом плане деталь: стихотворение «Из Абхазии», созданное Е. Рейном предположительно в дни пребывания в Пицунде и опубликованное в журнале «Белый Флаг», было прочитано им в Москве на творческом юбилейном вечере, посвященном его 75-летию (29 декабря 2010 года, музей-квартира А. С. Пушкина на Старом Арбате).

«Стихотворение «Из Абхазии»... «Оно связано с распадом нашей великой, но ужасной империи, великой, но ужасной...» (Евгений Рейн)

ИЗ АБХАЗИИ
Долгий волны набег,
Большой Медведицы ковш,
Нам суждены навек,
Как неразменный грош.
Там, где небесный край
Сходится с краем морским, –
Бедный Бахчисарай,

Берег, Россия, Крым.
Сердце туда летит,
Память туда плывёт,
Меж известковых плит
Майский цветок живёт.
Дай мне забвенья, мак,
Опиум дней и лет,
И я зажму в кулак
Золотоносный бред.
Через Эвксинский Понт
На корабле «Арго»
Я перекину фронт
Времени самого.
Звёзды уйдут на дно,
А мертвцы всплынут,
Цепь разорвёт звено
Наших державных пут.
Ибо для всех, кто жив,
Есть лишь один исход,
Хуже, когда обрыв,
Лучше – могила вод.

В начале 80-х в Пицундском Доме творчества писателей проходили международные симпозиумы – семинары, посвященные проблемам художественного перевода и литературных взаимосвязей. Интересную оценку тем событиям дала критик, литературовед, публицист и эссеист Наталия Иванова: «В те времена, когда еще отцветала позднебрежневская эпоха, впоследствии неточно названная «застоем», на благословенный колхидский берег ежегодно съезжались – по приглашению Главной редакции по переводу и взаимосвязям между литературами при Совмине Грузии и редакции журнала «Литературная Грузия» – прозаики, поэты и критики Грузии и Абхазии в компании рус-

ских, украинских, эстонских, казахских... (список можно продолжить) коллег, всего человек тридцать, не более.

«В глухой провинции у моря» разговаривали несравненно свободнее, чем в имперском центре: тон и дух были более чем неофициальные... Из Киева приезжали Павло Мовчан, Вадим Скуратовский, из Таллина – Аксель Тамм, из Казахстана – Мурад Ауэзов, из Еревана – Левон Мкртчян, из Баку – Илья Дадашидзе, из Москвы – Олег Чухонцев, Андрей Битов, Алла Латынина и Алла Марченко, Булат Окуджава, Евгений Рейн, Татьяна Бек, Галина Корнилова, Владимир Лакшин, из Литвы – Альгимантас Бучис, автор нескольких книг о литовской и «многонациональной советской» литературе... Последний семинар состоялся году в 1986-м...»

Думаю, для полноты информации следует добавить, что в этих семинарах, носивших преимущественно дискуссионный характер, принимали участие известные абхазские прозаики А. Гогуа, Н. Квициния, поэты – переводчики Д. Чачхалиа, В. Зантария и др. Достаточно оригинальный взгляд на тенденции развития культуры той эпохи высказывал на Пицундских симпозиумах крупный литературовед и культуролог Г. Гачев (автор уникального исследования «Национальные образы мира»). Ему принадлежит, на мой взгляд, очень смелое и объективное определение характера взаимоотношений Абхазии и Грузии: «Небо могло бы быть образом бесконечности, но ведь оно уловлено зубчатостью гор. Море могло бы быть, таким образом, бесконечностью для приморской Грузии, Абхазии (кстати, если посмотреть по карте, Абхазия и Грузия находятся в перпендикулярном друг к другу отношении, как в электромагнитной волне...). Так вот: море могло бы стать образом бесконечности для приморской Грузии и Абхазии; но последняя чувствует себя скорее как Колхиду, место прибытия, берег, конец странствия тех же аргонавтов, приход к цели, осуществление, свершение».

В 1986 году в Пицундском Доме творчества писателей отдыхал и работал над своими новыми трудами русский советский литературовед А. Чичерин – автор статей о стиле и языке А. Фета, И. Тургенева, Ф. Достоевского, Н. Лескова, М. Горького, В. Распутина, о проблематике романов Гете, Бальзака, Т. Манна. Здесь, в свободное от творческой работы время, он общался с абхазскими писателями и литературоведами, делился впечатлениями об абхазской традиционной культуре.

В 1986 г. в Абхазию прибывает английский писатель Грэм Грин. В Союзе писателей зарубежного гостя ждали известные писатели, среди которых были Б. Шинкуба, А. Гогуа и др. Тогдашний руководитель Абхазской писательской организации, поэт А. Джонуа представил присутствовавших, затем от их имени искренне поблагодарил Грэма Грина за то, что он принял собственное решение включить в программу своего пребывания в СССР и поездку по Абхазии. Официальная часть встречи естественно перешла в спокойную беседу о литературе.

Судя по тому, как Грин время от времени едва заметно покачивал головой в ответ на детальные разъяснения переводчицы, ему было важно получить верное представление обо всем, что связано с историей, культурой и истоками духовности абхазского народа. Отвечая на вопрос, кого он считает наиболее яркими фигурами среди европейских писателей XX века, Грэм Грин назвал без всякого колебания имена Камю, Сартра, Мориака. Затем, делясь мыслями о состоянии и путях развития современной французской литературы, он выразился образно и емко, заметив, что «...литература подобна фруктовому дереву. Во Франции это дерево пышно цвело и давало обильные плоды, когда жили и творили такие замечательные художники слова, как Сартр, Камю, Мориак и другие крупные представители того поколения. Но наступает время, когда это дерево

устает, когда ему нужно время, нужны годы для обновления, чтобы его ветви опять гнулись бы от тяжести налившихся плодов.»

Запомнились слова Грина, выражающие отношение к русским классикам, в частности, к Чехову. «Чехов научил меня хорошо рассказывать. Я считаю, что больше всего я раскрепощаюсь, именно рассказывая...» – заметил он в беседе с абхазскими писателями. С большой любовью и симпатией говорил английский писатель и о таких величайших представителях русской литературы XIX века, как Толстой и Тургенев, произведения которых он склонен воспринимать в духовном смысле как часть английской культуры.

Отмечая бесспорные успехи современной латиноамериканской литературы, Грэм Грин выделил имена Маркеса и Борхеса, с которыми он лично дружил и поддерживал творческие связи. Затем английский писатель сосредоточил свое внимание на глубоких и оригинальных мыслях выдающегося абхазского поэта Баграта Шинкуба, который говорил о национальном своеобразии эпоса, о богоуборце Абрыскиле – абхазском двойнике Прометея. Как один из собирателей и издателей абхазского фольклора, Баграт Шинкуба рассказал высокому гостю о том, с какими сложностями сопряжена эта кропотливая, но по сути бесценная работа, являющаяся первоосновой развития национальной культуры. Чувствовалось, насколько оживленно воспринимал Грин проиллюстрированные яркими примерами мысли Шинкуба о путях усовершенствования метрики и ритмики абхазского стиха. Видимо, представленные образцы абхазского стихосложения, непривычные для европейского слуха совершенно естественно становились благодатным материалом для сравнения. Грэм Грин был доволен встречей с абхазскими писателями. То, что английский писатель рассказывал о великих европейских авторах, а наши – о священном эпосе, придавало беседе особый ки-

плинговский шарм. А. Джонуа вручил гостю цветной фотоальбом «Абхазия» – уникальное издание давно уже ставшее библиографической редкостью.

В дни пребывания в Абхазии Грэм Грин посетил Дом-музей основоположника абхазской литературы Д. И. Гулиа в Сухуме. Здесь, в книге почетных гостей, он оставил отзыв, ставший одной из реликвий музея: «Я был очень счастлив видеть дом, где было столько достижений. Дом этот, пожалуй, один из самых уникальных в мире литературы. Побывав в нем, я начинаю чувствовать, как в Абхазии важна культура».

И вновь обратимся к хронике событий, связанных с творческими контактами писателей Абхазии с видными представителями национальных литератур. Во второй половине 80-х годов в конференц-зале Пицундского Дома творчества им. Д. Гулиа успешно проходят литературные вечера и семинары с участием Ф. Искандера, Б. Ахмадулиной, Р. Рождественского, О. Чухонцева, М. Курганцева, В. Куприянова, А. Парпары, Г. Регистана, И. Тарба, А. Гогуа, Н. Квициния, М. Микаиа, В. Ацнариа, В. Амаршан, Ш. Чкадуа, Н. Хашига, Г. Гублиа, Б. Гургулиа, Т. Чания, Т. Аджба, П. Бебиа, А. Джения, Д. Чачхалиа, Э. Басария, Д. Зантариа, В. Читанаа, И. Хварцкия и др. На этих встречах отдыхающие, пользуясь редкой возможностью вживую пообщаться с писателями, обращались к ним с вопросами, имеющими отношение не только к художественной литературе, но и к множеству острых социальных проблем, тревоживших общество.

В хронике событий, происходивших в Доме творчества, значительное место занимают лекции на тему истории и культуры Абхазии. Они звучали из уст кандидата исторических наук, автор десятков популярнейших краеведческих работ В. Пачулия. «Древняя, но вечно молодая Абхазия». Так назывался цикл лекций, построенных зачастую на ин-

тересных фактологических материалах и находках абхазского краеведа.

Думаю, следует уделить внимание некоторым отголоскам абхазской тематики в творчестве поэта А. Вознесенского. По предположениям некоторых литературоведов стихотворение «Абхазия – как Ориноко», ассоциирующееся с ритмом и интонациями выдающегося лирического произведения М. Лермонтова «Парус», написано в дни пребывания автора в Пицунде, в Доме творчества Литфонда:

Абхазия – как Ориноко,
Зелёная на голубом.
Гуляет парень одинокий,
Что ищет он в краю родном?

Его не занимают музы.
Что он ищет, золотой?
–Автомат системы «Узи»,
будто в «Узи» есть покой.

1989 г.

1989-й год... Эта дата занимает особое место в новейшей политической истории Абхазии. Это был трагический для Абхазии год, когда откровенные национал-шовинистические устремления Тбилисской метрополии привели к массовым столкновениям людей в Сухуме, в результате которых погибли люди. О не случайности внимания А. Вознесенского к абхазской проблематике свидетельствует еще и тот факт, что, принимая участие в Днях советской литературы в Абхазии, в 1984 году, он блестяще продекламировал в одном из своих выступлений трогательное стихотворение Н. Асеева «Абхазия» (1933 г.):

Кавказ в стихах обхаживая,
глядусь в твои края,
советская Абхазия,
красавица моя.

Когда, гремя туннелями,
весь пар горам раздав,
совсем осатанелыми
слетают поезда,

И моря малахитового,
тяжелый и простой,
чуть гребни перекидывая,
откроется простор,

И входит в сердце дрожь его,
и – высоту обсияв –
звезд живое крошево
осыпает Туапсе,

И поезд ступит бережно,
подобно бояжу,
по краешку, по бережку,
под Сочи на Сухум, –

Тогда глазам откроется,
врагу не отдана,
вся в зелени до пояса
зарытая страна.

Не древние развалины,
не плющ, не виадук –
одно твое название
захватывает дух.

Зеркалит небо синее
тугую высоту.
Азалии, глицинии,
магнолии – в цвету.

Обсвистана пернатыми
на разные лады,
обвешана в гранатные
кровавые плоды,

Врагов опутав за ноги,
в ветрах затрепетав,
отважной партизанкою
глядишь из-за хребта.

С тобой, с такой красавицей,
стихам не захромать!
Стремглав они бросаются
в разрыв твоих громад.

Они, тобой расцвечены,
скользят по кручам троп –
твой, шрамами иссеченный,
губами тронуть лоб!

Обратимся еще к одному интересному эпизоду из жизни литераторов. Писательский Дом в Пицунде, Апсны – страна души в целом становятся своеобразным источником творческой энергии, многозначным символом, подталкивавшим литературоведов и критиков к мыслям оозвучии и ассоциативной близости мышления разных авторов, признанных мастеров слова, создававших свои произведения здесь, в Абхазии. В частности, интересный взгляд на характер художественных изысканий поэта О. Чухонцева и прозаика А. Битова содержат высказывания литератур-

ного критика Е. Сидорова. Эта точка зрения основывается на сравнительном анализе: «Помню, в писательском доме Пицунды в начале восьмидесятых Чухонцев читал свою городскую повесть “Однофамилец” (Наталья Иванова тоже должна это помнить). Дело было у Андрея Битова, который недавно закончил своего “Человека в пейзаже”. Внезапное художественное сопряжение двух текстов было поразительным. Стихи и проза были родственны печальным смыслом: жизнь интеллигенции превращалась в пьяный фантом, в пустоту слов, в нравственную необязательность, в раздвоенность души.

Тогда Чухонцев писал:

И Эрос есть. И Логос есть.
Нет Космоса, как сверхидеи.

Но и в отсутствии Неба – Чухонцев упорно и безраздельно с теми, кто на обочине жизни, с теми, кто не победитель, “кто нищ, бесправен и гоним”.

Абхазия сблизила, думаю, можно сказать, породнила русского прозаика, автора романов «Ни хлебом единым», «Белые одежды» В. Дудинцева и абхазского писателя А. Гогуа, перу которого принадлежат романы «Нимб» и «Ас ду». Их частые беседы посвящались проблемам поисков стилей в современной прозе. В. Дудинцев рассказывал своим абхазским собратьям по перу о пережитых им тяжелых временах, связанных судьбой романа «Ни хлебом единым». Теплоту, ощущение домашнего уюта и взаимную доверительность тона нашего общения в Пицунде усиливали сюжетные стихи Новеллы Матвеевой, которые читала с высоким эмоциональным накалом супруга Владимира Дмитриевича – Наталья Федоровна.

Кстати, интересную портретную характеристику посвятила этой замечательной супружеской чете Алла Доку-

чаева (цикл «Бельские просторы»), дважды проводившая отпуск в Пицундском Доме творчества им. Д. Гулиа: «Когда они шли рядом, про них можно было сказать: не подходят друг другу. Он – коренастый, в неизменной клетчатой рубашке с засученными рукавами, лицо умное, но самое простое, из тех русских лиц, которые поначалу не останавливают на себе внимание, но встретишь острый взгляд небольших, лукавых, с веселой искоркой глаз и поймешь, что перед тобой человек мудрый и с характером. Она – высокая, выше его на полголовы, прямая спина, гордая осанка, широкополая соломенная шляпа прикрывает высокий лоб, лицо тонкое, нос с легкой горбинкой. Он – азартный, живой, она – сдержанная, немногословная. Понаблюдаешь за этой парой день-другой, и их внешняя непохожесть не только перестает быть заметной, а покажется, что так судьбой задумано: их союз озарен таким внутренним взаимопониманием, такой преданностью и нежностью, что невольно проникаешься к ним теплом и уважением. Наталья Федоровна, конечно, была его опорой в те тяжелые дни, когда его не печатали, не давали работать».

И еще об одной малоизвестной грани творческого взаимодействия писателей. С «Пицундским Литфондом» прямо или косвенно связаны некоторые забавные истории о подражаниях, реминисценциях, «перепевах». Вот, как лаконично и колоритно описал подобные эпизоды К. Ковальджи: «Как-то на Пицунде перед читателями Давид Кугультинов вдруг прочитал стихи, которые... я давно собирался написать. Еще со студенческих лет я записал строчки (далее почему-то дело не пошло): Я не помню своего начала, Не запомню своего конца.

Человек «для себя, внутри себя» не имеет ни начала, ни конца, он как бы бессмертен. Извне видны его пределы. Примерно то же высказал и Кугультинов и, пока я сошрущенно удивлялся совпадению, он продолжал: – Я дал

подстрочник этого стихотворения Маршаку. Тот прочитал, близко приставив листок к глазам, и откинул его: «Голубчик! Вы меня обокрали. Я собирался написать это стихотворение...»

Римма Казакова, неоднократно проводившая свои творческие отпуска в Абхазии известная в нашей стране как поэт, блестящая переводчица романа в стихах Б. Шинкуба «Песнь о скале», лирических и лиро-эпических произведений И. Когония, И. Тарба, Н. Тарба и др. классиков абхазской литературы, посвятила стране души, волшебству абхазской речи, ряд замечательных стихов, в числе которых:

Абхазские слова во мне живут –
из звуков, нам о сути слов не лгущих.
В них – шум прибоя, водопадов гуд,
и щебет птиц, и щелканье лягушек,
свист ветра, зов, и звон его, и зык
в горах, где чисто светят снега пятна...
И, как природы радостный язык,
мне все понятно в них, хоть непонятно.
И я, как в дом, в морской простор вхожу,
и в горы поднимаюсь без опаски,
и окликаю все, чем дорожу,
клекочущие и терпко, по-абхазски.

1981 г.

Последний раз Р. Казакова посетила свой родной Пицундский «Литфонд» в 2003 году в дни празднования 90-летия со дня рождения прозаика Г. Гулиа в Абхазии. Помню, по ее просьбе мы заехали в Дом творчества писателей, директором которого был в то время автор морских записок «Взгляд Нептуна» Ш. Пилия. Римма и Шамиль встретились прямо у входа в здание писательского дома. Трудно пере-

дать словами, как они, когда-то в советскую эпоху близко знавшие друг друга, были рады встрече по прошествию стольких лет. Римма Казакова, возглавлявшая в то время Московскую писательскую организацию, интересовалась возможностью восстановления условий для отдыха московских литераторов в Доме творчества им. Д. И. Гулиа.

В конце 80-х вновь приезжает в Абхазию поэт М. Дудин. Думаю, что воспоминания А. Докучаевой о нем, могут заинтересовать не только почитателей и ценителей художественного дарования поэта, но и тех, кто занят исследованием отдельных страниц истории литературных взаимосвязей, незаслуженно обойденных вниманием литераторов и краеведов. «...В другой раз, в последний, мы увиделись два года спустя, в 1990 году, в Пицунде, в Доме творчества Литфонда, – увиделись уже, как добрые знакомые. Я подружилась с его женой Ириной Николаевной Тарсановой, редактором «Ленфильма», мы часто вместе прогуливались, беседовали. А Михаил Александрович в основном гулял в одиночку, с суковатой желтой палкой – носил ее чуть по-пижонски, иногда подкидывая, но когда людей вокруг не случалось, опирался на нее».

Далее А. Докучаева описывает случай, раскрывающий некоторые черты характера М. Дудина, проявляющиеся в неординарных ситуациях: «Как-то я своему пятилетнему внуку читала книжку в беседке. Рядом – ограда. Женя через нее перелез за бабочкой. Поймал и стоит, рассматривает. Вдруг прямо из травы, в двух десятках сантиметров от него, поднимается вверх голова гадюки. Говорю ему как можно спокойнее – откуда только взялось это спокойствие: «Женечка, не оглядывайся, быстро перелезай ко мне – сза-ди змея». Перелетел одним махом, глазенки расширены от ужаса, я хватаю его за руку, и мы мчимся прочь так, как будто эта змейка нас преследует по пятам. Навстречу – Дудин со своей палкой: – Что случилось? Кто за вами гонится?

Мы в два голоса: – Змея! Он смеется: – Какая змея? Дракон, что ли? – обнимает нас обоих – и Жене: – Да не бойся ты! Где она? Около беседки? Вот я ее сейчас палкой! Вспоминаю его сегодня – мудрого, с зорким и добрым взглядом, и почему-то змея, которую он грозился пугнуть своей палкой, ассоциируется у меня с тем злом, от которого хотел он очистить родину ли, Вселенную ли, когда писал в поэме «Зерна»: «И пока я не вынесу Зло подноготное к свету, Не очищу от тины Рули на своем корабле, Нет прощения мне, Оправданья беспечности нету, И не будет покоя (земле и в земле)?????»

На мой взгляд, заслуживают не меньшего читательского внимания и интереса факты, связанные с пребыванием в Абхазии знаменитого прозаика, киносценариста, капитана дальнего плавания В. Конецкого. В эссе «Самый тонкий в мире капитан» литературный критик Н. Иванова отмечает: «...Но Конецкий бывал и тих и ясен – таким я видела его в Пицунде, где мы совпали на «срок» пребывания в Доме творчества осенью 1987-го. Много ходил, я его «таскала» на прогулки, несмотря на его больные ноги, – я понимала, что ходьба ему на пользу, хотя сигареты всю эту пользу «компенсировали». Была в нем – одновременно – страсть к чистоте и порядку и страсть к саморазрушению. Подарил книгу «Ледовые брызги» с чудесной надписью: «Наташе Ивановой – с хорошими словами, с полным желудком хороших слов, со всеми вообще хорошими словами – самый тонкий в мире капитан Виктор Конецкий. 01. XI. 87. Пицунда». Предположительно в 90-е годы прошлого столетия в Пицундском Доме писателей в одно и то же время отдыхали представители балкарской, башкирской и калмыцкой литературы: К. Кулиев, А. Хакимов, Д. Кугультинов. Думаю, что дни пребывания в Пицунде они посвящали не только кропотливой работе за письменным столом, но и спокойным доверительным беседам о проблемах развития

национальных литератур, сохранения языков, традиций и выживания малочисленных народов в условиях усиливающейся девальвации духовных ценностей. В своих воспоминаниях о башкирском писателе, опубликованных в журнале «Ватандаш», зам. гл. редактора «Литературной Газеты» (1970–1990 гг.) Владимир Бонч-Бруевич, прибегает к интересным портретным характеристикам: «Двадцать лет мы сталкивались ежедневно в коридорах и кабинетах «Литературной газеты». Но в памяти у меня осталась еще и совершенно не связанная с нашим зданием картина. Жалею, что в руках не оказалось фотоаппарата. Это было в Пицунде, на пляже. Лето, жара. Вдруг откуда-то из-за поворота появляются три фигуры: Ахияр Хакимов, Давид Кугультинов и Кайсын Кулиев, такие три богатыря, причем на пляже все лежат в соответствующем виде, а они идут по берегу одетые, издали кажется, что в бурках, кто-то с посохом. Вот этот кадр и поныне стоит перед моими глазами. И Ахияр Хасанович для меня, как и для многих, конечно, остается человеком достойным самого глубокого уважения и самой светлой памяти».

Посвящая истории литературных взаимосвязей данную статью, невозможно не вспомнить «Рабочие тетради» А. Твардовского, посетившего Абхазию еще в 1968 г. и весьма интересно и образно описавшего свое недолгое пребывание в Пицунде: «...Первое замечательное впечатление – никаких следов недавней стройки, какие и в городах остаются обычно долго еще после заселения домов – ни ям, ни битого кирпича, ни досок от опалубок, покореженных плит, панелей и т. п. Газоновая травка обтекает дорожки – бетонные и плиточные, ни щепочки, ни камешка, как будто эти щегольски-модерновые и, правда, красивые четырнадцатиэтажки стоят здесь давным-давно. И внутри все хорошо, кроме очень уж старательно модернированной мебели – низкие столики, креслица и т. д. По фасаду – широ-

ченная набережная с крупногалечным пляжем, чудесное море байкальской чистоты, а сзади, хотя, строго говоря, нет «задов» – этот древний, мрачноватый в своей древности сосновый бор, который старше этих зданий по крайней мере на 10 тысяч лет, т. е. 10 тысяч лет назад такая сосна уже повсеместно на земле кончила свой век. – Бедный Шинкуба в тостах всячески старается «примирить» эту модерновую многоэтажность с идеей «древней абхазской земли».

«Рабочие тетради 60-х годов» (публикация В. А. и О. А. Твардовских), опубликованные в журнале «Знамя» (2003, № 10) привлекательны остротой и даже некоторой драматичностью описываемых в них событий. Подробно рассказав об условиях проживания в сухумском санатории МВО, куда Александр Трифонович прибыл на отдых, он раскрывает в своих дневниках некоторые детали общения с Багратом Шинкуба в первый же день прибытия в столицу Абхазии: «Присели с Шинкубой на этой веранде и – никуда не денешься – заговорили о «событиях». Больше я, но он без обиняков показал, что не приемлет решительно «акции» и, что называется, переживает с особой остротой сына маленького и в чем-то ущемленного народа, – сына, поэта и президента этой игрушечной «державы».

Далее несколько навязчивое, но достаточно интригующее описание собственного самочувствия, некоторых бытовых обстоятельств, связанных с обустройством своего отдыха в санатории: «Приехал с остатками гриппа, но сегодня уже, наверное, не выдержу, полезу в море. Вода – 20. Испытываю недостаток утром кофейку, согретого быстренько на плите, и отсутствие (?) палки. Гадаю, где бы вырезать, впрочем, уже не с прежней мечтательностью».

В записях, датированных семнадцатым октября того же 68 года, Твардовский, отмечает: «Третьего дня вечером были Шинкубы – он и Тамара Константиновна. Показал ему вырезку из этой статейки. Он ее прочел раз, другой, изме-

нился лицом. Потом он рассказывал о Шолохове, – смотрю, держит что-то в руке – валидолная трубочка. Шолохов со свитой в полтора-два десятка человек совершил турне по Грузии, встречаемый с каким-то сверхторжественным почетом. На Рице в Сталинском доме был банкет, куда пригласили и Шинкубу с супругой. Шолохов дважды провозглашал тост в память Сталина («мы находимся в доме, где Он»... и т. д.) в выражениях, которые были возможны только при жизни Сталина: гениальный, мудрый, спаситель отечества и т. п.

...Шинкуба, помимо всего, был глубоко задет, что в Абхазии Шолохов «сможет пробыть только полтора часа, осмотреть обезьяний питомник».

– Здесь же есть еще и люди, можно было бы хоть бегло поинтересоваться ими.

Шолохов подарил ему финский нож (должно быть, закупил их в Финляндии партию – на все подобные случаи). Принимая подарок, Шинкуба будто бы намекнул ему что-то насчет обезьян и своего древнего народа. Шинкуба опять вспомнил о черных бериевских временах в Абхазии, об эшелонах порожняка на запасных путях ж[елезной] д[ороги]. Шинкуба рассказывал со слов женщины-врача, доктора мед[ицинских] наук (жена одного из маршалов), находившейся в составе группы врачей у одра Сталина в последние дни и часы, что она была удивлена, какой это маленький старый человечек в постели, узкогрудый, с высохшими кривыми ножками и большим вислым животом».

Как бы вскользь, про между прочим, затрагивает Александр Трифонович моменты общения с Фазилем Искандером: «Вчера заходил Искандер с сотрудником «Сов[етской] Абхазии», забыл его фамилию, бравшим у меня в 66-м г. интервью. Фазиль вечером должен был улететь в Москву, жаль: с ним можно было бы нырнуть куда-нибудь в гущу народа». Казалось бы маленький, но многозначный штрих.

Далее запись, помеченная 22 октября. Она построена на весьма привлекательном, на мой взгляд, пересказе исторических фактов, услышанных русским писателем из уст своего абхазского друга: «Абхазцы, рассказывает Шинкуба, не смирились с покорением Кавказа, и в 64-м г., кажется, начали восстание в Гудаутах, где порубили полковника со 150 казаками, прибывшего наводить порядок. Пошли на Сухуми и заняли город. Были жестоко подавлены, и с тех пор до 1905 г. были, как он выразился по-русски, «виновными», т. е. как бы вне закона: абхазца можно было застрелить безнаказанно. В Первую мировую при формировании «дикой дивизии» в ней был абхазский полк, по словам Шинкубы, показавший себя в боях на редкость. «Реабилитация» после 1905 г. была не следствием «свобод», а неучастия Абхазии в волнениях, захвативших другие народы Кавказа».

Сжато, но достаточно динамично описан в «Рабочих тетрадях» эпизод встречи с В. Бубновой: «Вечером были у художницы Бубновой Варвары Дмитриевны, о кот[орой] только знал со слов Т. Аршбы («Сов[етская] Абхазия»), что она прожила лет 30 в Японии. Живопись, во всяком случае, незаурядная, а сама – девчонка с седой челкой (лет ей 70 – не меньше), чем-то напоминающая киноактрису Мазину».

Невозможно оставить без внимания еще один пласт культуры, ее истории, связанной с пребыванием в Пицунде знаменитых русских писателей. С Абхазией (Пицундой) связаны дни плодотворной творческой работы Ю. Семенова, в произведениях (политических детективах) которого (в частности, в повести «ТАСС уполномочен заявить») наша страна, абхазы с их обычаями, богатой ритуальной культурой нашли интересное (достаточно своеобразное) отражение. В книге воспоминаний («Юлиан Семенов» из серии «ЖЗЛ») дочери О. Семеновой представлены некоторые эпизоды встреч писателя с местными жителями: «С сере-

дины 70-х папа часто ездил с нами в Абхазию, в Пицунду. В первый же день номер забивался знакомыми абхазцами, приглашавшими в гости. Папин любимец – молоденький бармен Алябрик (девятилетней я называла его «дядя Краблик») – по вечерам виртуозно готовил коктейли в грохочущем музыкой баре на последнем этаже гостиницы, а днем возил папу по местным «уважаемым людям». Ездил с бешеной скоростью, отец на него кричал: «Алябрик, разобъешься, не кидайся с кинжалом на горячее г**но!» Но Алябрик лишь смеялся, сияя золотыми, по моде тех лет, зубами.

... Безмолвные женщины в черных платьях накрывают в саду столы: мамалыга, хачапури, жареное мясо, зелень. Палит солнце, трещат цикады, в горячем воздухе разлит горьковатый запах костра. Принесены из погребов плетеные бутылки с вином, расставлены дубовые скамьи, начинаются застолье, тосты. Гости, таков неписаный закон края, не имеют права встать из-за стола до поздней ночи, пока пир не будет окончен. (Вышел по нужде – значит, слаб, не мужчина.) Мы возвращаемся в гостиницу поздно. В ледяной горной речушке Бзыбь плещется серебристая форель, трещат цикады, ветер пахнет смолой, на море – штиль, дрожит на воде лунная дорожка, а вокруг желтых фонарей на набережной водят хороводы белые мотыльки...»

Думаю, не менее интересны некоторые фрагменты из письма самого Юлиана Семенова дочерям (конец 1970-х годов). «Дорогие доченьки! Дорогая Катюша! Все, конечно, отлично, и так же цикады трещат, и море пока еще теплое, и Алябрик – душенька, и сосны шумят, но только сердце щемит, ибо грустно мне здесь без Дунечки и Ольгуси, все иное – лишенное нашего августовского смысла, Оленькиных слез по поводу купаний, атиных пароксизмов дрянного настроения, совместных наших застолий, споров о

необходимости атингого загара, Ольгиных зажмурований в воде...Мне невероятно грустно без вас, так грустно, что хочется сесть за работу, а сил нет, да и машинка плоха, не говоря уже о мыслях: они подобны морзе – точка – тире – точка, сплошная рвань, уныние и тягомотие...»

В многообразной, калейдоскопичной хронике российско-абхазских литературных взаимосвязей достойное место занимает поэт А. Дементьев. В публикации под названием «Абхазия в моем сердце» А. Дементьев яркими красками, проникновенно и взволнованно передает свое отношение к Апсны, с которой он породнился благодаря абхазским друзьям по Литинституту. «Слушая удивительные по силе чувств стихи моих новых друзей, я думал о том, что Абхазия – это страна открытых и добрых людей, талантливых и скромных тружеников, неутомимых и жадных до работы. Так говорили стихи. И это же подтвердила вся недолгая, но яркая жизнь большого абхазского писателя Алексея Ласуриа. Но прошло немало лет, прежде чем мне посчастливилось побывать в Абхазии. Все было так, как я и представлял себе: много солнца, синевы, света и неповторимой красоты. Красота всюду – от изумрудного прибоя до белоснежных гор, от гладкой линии шоссейной дороги до ровных чайных кустов. И самое удивительное, что ко всему этому невозможно привыкнуть, сколько бы ты ни прожил там...»

И как своеобразное поэтическое дополнение к этим трогательным воспоминаниям я воспринимаю стихотворение А. Дементьева «Концерт в Пицунде», посвященное Микаэлу Таривердиеву:

Звучит орган в пицундском храме.
Нисходит музыка с небес.
И что-то происходит с нами,
Коль мир за окнами исчез.

А белый ангел возле клавиш
Творит на людях торжество.
О чём ты души вопрошаешь
Из вдохновенья своего?

Звучит орган в прохладных сводах,
В печальных сводах допоздна...
И возрождается свобода,
И оживает старина.

А сверху смотрят фрески немо
В земном предчувствии чудес.
Восходит музыка на небо,
Едва сошедшая с небес.

Проблемы, связанные с развитием жанра национальной драматургии, обсуждали в дни пребывания в Пицунде абхазский прозаик, драматург Ш. Чкадуа и башкирский драматург А. Абдулин. Ситуация сложилась таким образом, что после трагических событий в Абхазии и ликвидации Литфонда СССР, башкирский писатель долгое время не мог приезжать в Пицунду. В 2006 году А. Абдулин вновь прибыл в нашу республику и при поддержке Союза писателей РФ и Союза писателей и Ассоциации писателей Абхазии и руководства ООО «Ассоциации предприятий» Минатома, он смог провести свой творческий отпуск в родном «Литфонде».

Думаю, следует отметить, что в 1992–1993 г. г., в период грузино-абхазской войны, когда многие деятели абхазской культуры волею судьбы и трагических обстоятельств стали беженцами, А. Абдулин смог приютить своих друзей у себя в Башкортостане и оказать им посильную помощь. Это один из множества примеров того, как писательский Дом в Пицунде сблизил, породнил многих собратьев по литературному цеху.

В декабре 1979 года в Доме творчества Литфонда СССР им. Д. И. Гулиа проходил семинар молодых писателей-очеркристов с участием абхазских писателей и журналистов.

В начале 80-х прошлого столетия в Доме творчества им. Д. И. Гулиа проводили свой творческий отпуск монгольский поэт, переводчик романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» на монгольский язык, секретарь Союза монгольских писателей, лауреат государственной премии Монгольской Народной Республики Чойжилын Чимид и заслуженная артистка МНР Цэвэлсурен.

В 1981 в Пицунду приезжает известный детский писатель Анатолий Алексин. В 1982 в Пицундском Доме писателей состоялось Всероссийское совещание молодых писателей, пишущих для детей и юношества. С 27 по 11 мая (1981) в Пицунде проходит семинар молодых писателей внутренних войск СССР, организованный по инициативе СП РФ и политуправления внутренних войск. В мае 1984 в книге отзывов и пожеланий Дома творчества оставляют свои автографы и добрые пожелания Берта и Хосе Антонио Портуандо. В 1988 в Пицунде, в Доме Литераторов состоялся VIII семинар детских писателей России. В 1990 здесь же состоялся Всероссийский семинар молодых очеркристов. В 2000 году здесь проводит свой творческий отпуск писатель Е. Ерофеев. Писатель-детективист, генерал-майор милиции Николай Чергинец отдыхал и работал в Доме творчества им. Д. И. Гулиа в разное время. Он является автором романа «Финал Краба», политического детектива «Тайна овального кабинета». Последний раз писатель из Минска находился на отдыхе в Пицунде в августе 2005 г.

«...Я как начал черкать в трёхкопеечных блокнотиках в клеточку, так и сейчас пишу. Потом переписываю на стандартные страницы всё той же шариковой ручкой. И плачу машинистке, так мне удобнее. Ни пишущую машинку не освоил, ни компьютер... Поздно, видно! За ночь могу выдать

страниц 15-20 в блокноте. Хорошо всегда писалось в Пицунде, в доме творчества. Запом. Иногда из отпуска привозил готовый роман. Когда-то установил себе за правило: хочешь, не хочешь, можешь, не можешь, а три страницы в день напиши! Память у меня хорошая, фабулу держу в голове, так что лишних записей с собой не таскаю – ну, разве что забудешь цвет глаз героя или во что он был одет в начале повествования. А так – всё в голове!» («Литературная Газета», 2003 г.)

В трагикомических тонах описан эпизод подготовки поэта, прозаика В. Солоухина к поездке в Абхазию, с которой его связывали не только творческие, культурные узы, но и личные дружеские контакты с видными абхазскими писателями. Так в рассказе «Вновь я посетил», перед читателем открывается следующая картина:

«Дома моя идея поехать в Абхазию была встречена в «штыки».

– Ты с ума сошел! Там же война!

– Война закончилась. Грузины ушли.

– Как бы не так! Там стреляют из-под каждого куста. Сухум весь разбит. Дома все разбиты. Там тебя захватят в заложники, а здесь с нас будут требовать выкуп.

– Так вы не давайте никакого выкупа. Что сказала вдова Чаплина, когда бандиты украли из могилы гроб с телом артиста? Она сказала: «Чарли у меня в сердце, а с гробом делайте что хотите».

– Но ты же пока не гроб с телом, а живой человек. Тебя будут мучить, пытать, а мы здесь будем собирать пожертвования, чтобы тебя выкупить... Там вертолеты летают прямо над пляжами и над базарами и расстреливают людей. Этери, жену Вани Тарбы, и ту убили.

– Ну... погибну, дело большое. Погиб же Байрон за свободу греков. Погибнуть за свободу – святое дело. Так, на половину со смехом, наполовину со страхом, и проводили

меня домашние в прекрасную, а по их представлениям, в ужасную Абхазию...» Далее, Владимир Солоухин достаточно увлекательно рассказывает о своей поездке по Абхазии. В частности, о том, как ему удалось хоть ненадолго заглянуть в Пицундский Дом творчества писателей им. Д. И. Гулиа.

«Как было не заехать (проезжали мимо) в курортный комплекс Литфонда. Огромное здание, рядом корпус поменьше, называется «Детский», подсобные корпуса, обслужива в белых халатиках, регистратура на месте, а отдыхающих – никого. За меня ухватились. Прибежал заместитель директора: «Как же так? Вы же должны у нас отдыхать!»

–Нет, я приехал гостем в частный дом.

– Неправильно это. Вы же – наш!

А я про себя подумал: вот была организация – Литфонд! Какой взгромоздили комплекс. Это, какие же деньжищи надо было иметь! А теперь... у меня в Переделкине осталась от прежних времен литфондовская дачка, крылечко обвалилось, и всего-то надо две доски, четыре гвоздя и нет у Литфонда «духу» гнилое крылечко починить». В воспоминаниях писателя В. Ганичева «Гоголь бессмертен» впечатляет рассказ о том, какой отдых предпочитал В. Солоухин, приезжая в Пицунду в советскую эпоху, еще задолго до вышеупомянутых драматических событий:

«...Он был мой сосед по Переделкино, и мы часто прогуливались по улице Серафимовича. На одной из последних встреч он мне рассказал довольно поучительную историю. Он любил приезжать в Дом творчества в Пицунде в октябре, когда большинство писателей покидало санаторий. Он приезжал, его радушно там встречали, ибо он знал всех. Звал обслуживающую этаж Марию Егоровну и царственно говорил: «Мария, купи, пожалуйста, две банки «Изабеллы» хорошей». Та обычно соглашалась, но тут сказала: «Да, сейчас всё, ведь, Владимир Алексеевич, разбавляют водой вино-то». Солоухин подумал и сурово сказал: «Да ты мне

своё принеси! Ты же не разбавляешь?» Мария подумала и сказала после паузы: «Нет, я – нет!.. Да и то...». Было в этом «да и то...» и желание заработать, и робкая попытка признаться в грехе. Мы посмеялись...»

В 2003 году в Пицунде, в Доме творчества им. Д. Гулиа состоялась встреча с писателем Ф. Искандером. Символично, что делегация известных российских писателей, принимавших участие в праздновании (2007 г.) 90-летия со дня рождения народного поэта Абхазии Б. Шинкуба, была размещена в Пансионате «Литфонд» (Дом творчества им. Д. И. Гулиа). По поводу русско-абхазских литературных взаимосвязей, и в частности, творческих встреч, связанных с шинкубовскими днями, поэт, литературовед М. Ласуриа, отвечая на вопросы корреспондента «Литературной Газеты» Б. Лукина, отмечал:

«– Опыт советской литературы, особенно для старшего поколения, действительно, трудно переоценить. По мере сил стараемся восстановить творческие и деловые контакты, в первую очередь с писателями Северного Кавказа и, конечно, Москвой. Со столицей России в прошлые времена у абхазских писателей была крепкая дружба. Мы до сих пор, как будто это было вчера, помним дни советской литературы в Абхазии и ответные визиты в Москву. В последнее время былые контакты восстанавливают. Яркий пример – приезд большой группы московских писателей на торжества по случаю 90-летия Баграта Шинкуба».

В числе гостей – участников шинкубовских торжеств, ставших значительным событием в рамках традиционного российско-абхазского культурного сотрудничества, были: С. Куняев, И. Сабило, Б. Тарасов, Л. Бородин, З. Налоев, А. Парпара, Г. Ананян, В. Широков, В. Винников, Э. Басария.

Изложенная мной хроника – лишь часть истории трехлетней, ностальгической любви зарубежных писателей к Абхазии, в частности, к ее замечательному живописней-

шему островку под теперь уже устоявшимся названием «Пицундский Литфонд». Уверен, что рано или поздно всевластный рынок и лихорадочный коммерческий интерес уступят некогда оккупированную территорию культуры – и люди культуры вновь вернутся к творчеству, к литературе, высокому искусству... вновь самозабвенно окунутся в волшебный мир художественных исканий, отмеченный множеством ярких произведений здесь в Абхазии, способной стать некоей микромоделью духовного взаимовлияния Востока и Запада.

СОДЕРЖАНИЕ

Абхазская лирика и национальное художественно-философское мировсприятие	3
О тенденциях развития абхазской литературы	84
Традиционная ментальность и проблемы этнокультурной самобытности абхазов.....	89
Поэт – живописец, поэт – мыслитель	107
На стыке истории, литературоведения и культурологии	126
Ты – ларец моих тайн, Апсны!..	135
Сила творческой памяти.....	140
Та земля, что стала сгустком боли...	148
Самобытное дарование писателя	153
Верность слову и зову души.....	158
«Это значит о Дауре, позаботился Господь!..»	166
Нерасторжимые связи	178
«О, это бесплотье – за гранью мышления!.....	186
Проникновенное слово об Абхазии и абхазах	195
Чехов и страна души	198
Слово о Поэте-гражданине	207
Из истории литературных взаимосвязей.....	212

Владимир Зантариа

КЛЮЧЕВЫЕ МЫСЛИ

(о тенденциях развития абхазской литературы)

Редактор **В. Зантариа**

Корректор **Н. Пилия**

Кампьютерная верстка **Н. Г. Гунба**

Формат 84x108 $1/_{32}$. Тираж 300. Физ. п.л. 8. Усл. п. л. 13,44.
Заказ №44.

РУП «Дом печати». Сухум, Эибла, 168.